

Тоби Клементс

БОРЬБА ЗА КОРОНУ

ЗИМНИЕ
СТРАННИКИ

Война Алой и Белой
розы начинается

18+

В переводе Ирины Новоселецкой

Борьба за корону

Тоби Клементс
Зимние странники

«Эвербук»

2014

Клементс Т.

Зимние странники / Т. Клементс — «Эвербук», 2014 — (Борьба за корону)

ISBN 978-5-00-580946-9

Февраль 1460 года. Волею судеб двое молодых монахов, Томас и Кэтрин, вынуждены покинуть свои монашеские ордена и бежать через всю страну, охваченную кровопролитной гражданской войной Алой и Белой Розы. Масштабное историческое полотно поражает своим размахом и подробностью: перед читателем разворачиваются и политические интриги, и будни обычных людей, которые изо всех сил стараются выжить в непростые времена. Увлекательный, динамичный и реалистичский роман «Зимние странники» – первый в историческом цикле «Борьба за корону».

ISBN 978-5-00-580946-9

© Клементс Т., 2014

© Эвербук, 2014

Содержание

Фракции в войне Алой и Белой Розы	6
Пролог	7
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	30
Часть II	40
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	59
Глава 8	69
Глава 9	76
Глава 10	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Тоби Клементс

Борьба за корону. Зимние странники

Посвящается

Карен, со всей любовью

Дом Ланкастеров ведет свое происхождение от **третьего** сына Эдуарда III, но его притязания на трон основаны на том, что а) в настоящий момент королем является представитель данной династии и б) корона не может быть передана по женской линии – по линии Филиппы Мортимер – и должна перейти к следующему наследнику мужского пола. Притязания дома Йорков основываются на том, что они потомки **второго** сына Эдуарда III и что передача короны по линии Филиппы возможна. Тюдоры же в своих притязаниях на престол не учитывают факт передачи короны по линии женщины – леди Маргарет Бофорт – и то, что граф Сомерсет Джон является незаконнорожденным.

Фракции в войне Алой и Белой Розы

Основные деятели дома Йорков в 1460 году

Ричард Плантагенет, герцог Йоркский, основной претендент на трон от клана Йорков (погиб в битве при Уэйкфилде в 1460 году).

Эдуард Плантагенет, граф Марч, сын герцога Йоркского (впоследствии король Эдуард IV).

Эдмунд Плантагенет, граф Ратленд, второй сын герцога Йоркского (погиб в битве при Уэйкфилде в 1460 году).

Ричард Невилл, граф Солсбери, могущественный вельможа (казнен после битвы при Уэйкфилде, в 1461 году).

Ричард Невилл, граф Уорик, сын графа Солсбери, получивший прозвище Делатель Королей после того, как помог Эдуарду IV взойти на английский престол.

Лорд Фоконберг, брат графа Солсбери, искусный военачальник.

Уильям Гастингс, друг и осведомитель графа Марча.

Основные деятели дома Ланкастеров в 1460 году

Король Генрих VI, сын короля Генриха V, слабовольный, возможно, умалишенный.

Маргарита Анжуйская, супруга Генриха VI, француженка, волевая женщина.

Генрих, 3-й герцог Сомерсет, фаворит Маргариты, искусный военачальник, человек лукавый.

А также почти все прочие представители английской знати, в том числе герцоги Бекингем, Эксетер, Девон, графы Шрусбери, Уилтшир, Нортумберленд, лорды Скейлс, Рус, Хангерфорд, Ратин и Клиффорд.

Пролог

В пятидесятых годах пятнадцатого столетия Англия переживала не самые благополучные времена: Столетняя война с Францией закончилась для нее унижением; в городах и графствах закон и порядок безжалостно попирались; на море всюду хозяйничали пираты, и посему торговля шерстью – некогда надежный источник дохода – пришла в упадок. Тем временем английский король Генрих VI, подверженный приступам безумия, терял рассудок, и королевский двор, не имея сильного лидера, разбился на два противоборствующих клана: во главе одного стояла королева – волевая француженка Маргарита Анжуйская, во главе второго – Ричард, герцог Йоркский, и его могущественные союзники граф Уорик и граф Солсбери.

Первый разрыв в отношениях между кланами произошел в 1455 году, и каждая сторона призвала своих людей к оружию. В ходе короткого яростного сражения близ аббатства Сент-Олбанс в Хертфордшире фаворит королевы Эдмунд, герцог Сомерсет, был убит, и победу праздновали герцог Йоркский со товарищи.

Но Йорки недолго продержались у власти. К концу десятилетия король излечился от душевной болезни, королева подчинила себе придворных, и сыновья погибших жаждали отомстить за своих отцов.

В 1459 году королева призвала герцога Йоркского и его сподвижников ко двору в Ковентри, где она пользовалась поддержкой подданных, и герцог, опасаясь за свою жизнь, снова собрал под свои знамена союзников. Королева – от имени короля – подняла на борьбу свое войско, и в октябре того года, в канун Дня святого Эдуарда¹, армии двух кланов в очередной раз вышли на бой, сойдясь на Ладфордском мосту близ города Ладлоу в графстве Шропшир.

Но герцога Йоркского и графов Уорика и Солсбери предали. Поняв, что их положение безнадежно, они спешно покинули страну: герцог Йоркский бежал в Ирландию, граф Уорик и граф Солсбери отплыли по Узкому морю² в Кале.

И вот теперь, пока приверженцы королевы бесчинствуют на брошенных противником землях, разграбляя и уничтожая то, что еще не разграблено и не уничтожено, народ Англии ждет – ждет прихода весны, ждет возвращения изгнанников, ждет возобновления войны.

---

¹ Эдуард Исповедник (1003–1066) – предпоследний англосаксонский король (с 1042 г.) и последний представитель Уэссекской династии на английском престоле, католический святой, официально канонизированный в 1161 г. Получил прозвище Исповедник, чтобы отличать его от св. короля Эдуарда Мученика (правил в 975–978 гг.). День памяти – 13 октября. Со времени правления Генриха II (1133–1189) до 1348 г. Эдуард Исповедник считался святым покровителем Англии, после чего его в этом качестве заменил Георгий Победоносец. Эдуард Исповедник оставался покровителем английской королевской семьи. – Здесь и далее прим. переводчика.

² Узкое море (англ. Narrow Sea) – имеется в виду пролив Ла-Манш. Заимствованное из французского название «Ла-Манш» (фр. la manche – «неширокий пролив, рукав») используется лишь с XVII в.

Часть I

Приорат св. Марии, Хаверхерст, графство Линкольн февраль 1460 г.

Глава 1

В самый темный час ночи, во время второго сна³, к нему подходит декан⁴. В одной руке свеча из сердцевины ситника, в другой – боевой посох с железным наконечником, которым декан грубо тыкает его, заставляя проснуться.

– Вставай, Томас, – говорит он. – Тебя требует приор.

До службы первого часа⁵ еще далеко, и Томас надеется: если он будет притворяться спящим, декан оставит его в покое и разбудит кого-то из других каноников⁶ – может, брата Джона или храпящего брата Роберта. Мгновением позже одеяло сдернуто, и холод в тот же миг сковывает тело, сжимает, будто клещами. Томас садится, пытается снова натянуть на себя одеяло, но декан отшвыривает его в сторону.

– Пошевеливайся. Приор ждет.

– Что ему нужно? – спрашивает Томас. У него уже зуб на зуб не попадает, от тела поднимается пар.

– Узнаешь, – отвечает декан. – И плащ свой захвати. Одеяло тоже. Все, что есть, бери.

В тусклом сиянии свечи его лицо – сплошь густые брови и крючковатый нос, а голова отбрасывает огромную тень на обледенелый черепичный потолок. Томас разворачивает свой задубевший от мороза плащ, находит шерстяной капюшон и деревянные башмаки. Накидывает на плечи одеяло.

– Поживей давай, – торопит декан, тоже стуча зубами.

Томас встает и следует за ним по dormitorio, переступая через съездившихся на полу других каноников. По каменной лестнице они вместе спускаются к келье приора, где в подсвечнике чадит восковая свеча и на толстом, набитом сеном тюфяке лежит старик под тремя одеялами, которые он натянул до самого подбородка.

– Да пребудет с вами Господь, святой отец, – начинает Томас.

Приор отмахивается от его приветствия, не вынимая рук из-под одеяла.

– Слышишь? – спрашивает он.

– Вы про что, святой отец?

Не отвечая, приор своей продолговатой головой показывает в сторону закрытого ставнями окна. Томас слышит лишь дыхание декана, стоящего у него за спиной, да тихое дребезжание собственных зубов. Потом издали доносится вопль. Пронзительный, тонкий, будто визг наточенного лезвия, вопль звучит все громче и громче. Томас содрогается и невольно осеняет себя крестным знаменем.

– Это лиса, – смеется приор. – А ты думал кто? Может, заблудшая душа? Или какой-нибудь мелкий бес?

---

³ В Средние века практиковался двухфазный сон с перерывом на два-три часа. Люди укладывались спать рано, с наступлением темноты, затем пробуждались и бодрствовали два-три часа, потом снова засыпали, теперь уже до рассвета.

⁴ Декан – старший над десятью монахами.

⁵ В средневековых монастырях служба первого часа – богослужение на рассвете.

⁶ Каноник – член кафедрального либо коллегиального капитула (собрание монастыря). Термин имеет греческое происхождение и обозначает священнослужителя, внесенного в список (канон), т. е. каталог епархии.

Томас не отвечает.

– Наверное, в петлю угодила в роще за рекой, – предполагает декан. – Один из послушников – Джон, кажется – расставляет там силки.

Молчание. Вот и посылали бы за этим Джоном, думает Томас. Раз он расставил силки, его и надо отправить в ту рощу. Пусть убьет лису, избавит ее от страданий.

– Давай, брат Том. Одна нога здесь, другая – там, – говорит декан.

– Я? – уточняет Томас, наконец-то сообразив, что к чему.

– Да, – подтверждает приор. – Или ты считаешь, это ниже твоего достоинства?

Томас именно так и считает, но молчит – не перечит.

– Смотри, как надо. – Декан с размаху вонзает наконечник посоха в голову воображаемой лисы. – Чуть выше глаз.

Декан воевал во Франции. Известно, что он убил человека. Может, и двух. Декан отдает Томасу боевой посох – длинный, почти в его рост, и с одного конца потемневший, словно им мешали в большом котле. Декан выпроваживает Томаса из кельи, а приор добавляет ему вдогонку:

– Да, а тушку сюда принеси. Мне нужен мех, а инфирмарию⁷ – плоть.

Следуя за горячей свечой декана, Томас спускается по каменным ступенькам в благоуханную темноту трапезной. В очаге под крышкой тлеют угли. Их тепло манит Томаса, но декан уже прошел через комнату к выходу и отодвинул засов.

– Матерь божья! – восклицает он, открывая дверь.

На улице так студено, что ноги примерзают к земле, птицы на лету падают замертво, мельничные жернова раскалываются.

– Ступай, Том, ступай, – говорит декан. – Скорее начнешь – скорее закончишь. Когда вернешься, я напою тебя горячим вином.

Не давая Томасу и рта раскрыть, декан выталкивает его на мороз и захлопывает дверь у него перед носом.

Господи всемогущий. Ведь он только что спал, грезил о лете, и ему было почти тепло. А теперь?

От холода, застревающего в горле, болит голова. Томас плотнее укутывается в плащ. Пару мгновений стоит в нерешительности, затем поворачивается и идет по двору к воротам для нищих, звонко стуча деревянными башмаками по обледенелой земле.

Отодвинув засов, выходит за стены монастыря. На востоке уже брезжит рассвет; снег, укрывающий болотистую пустошь, излучает холодное голубое сияние. В южной стороне, где река делает петлю, застыло на полуобороте, словно разъявленный рот, мельничное колесо. Дальше – пекарня, пивоварня, амбар, где трудятся послушники. Стены строений заиндевели, крыши прогибаются под тяжестью снега. Сейчас там безлюдно. Пустынно. Ни души.

Снова пронзительный вопль. Содрогаясь, Томас оглядывается на ворота, словно надеется, что ему позволят вернуться в dormitorio, но потом собирает с духом и заставляет себя идти вперед. Делает шаг, второй. Старается держаться монастырских стен, следуя туда, где виднеется темная лента старой дороги, которая ведет через болотистую пустошь к Корнфорду и лежащему за ним морю. Было время, думает Томас, когда на этой дороге бурлила жизнь, даже в такое утро, как сегодня. Торговцы везли шерсть в Бостон, откуда на кораблях товар переправлялся на склады в Кале. Или паломники шли поклониться гробнице Хью Линкольнского⁸. Ныне же, когда в стране царит беззаконие, в это время суток на дороге можно встретить либо безумцев, либо злодеев, либо тех и других.

---

⁷ Инфирмарий – врачеватель при монастыре. Заведовал больницей, аптекарским огородом, умел готовить лечебные снадобья.

⁸ Хью Линкольнский, или Маленький святой Хью из Линкольна (1246 г. – 27 августа 1255 г.) – английский мальчик, убийство которого ложно приписывают евреям. Один из самых известных «святых» кровавого навета (ложное утверждение,

Томас приближается к сестринской обители. Обмороженные ноги горят, в них ощущается пульсация. Окоченевшие пальцы до того распухли, что он вряд ли сможет сегодня держать в руке перо, а значит, ни на йоту не продвинется в переписывании псалтири. Даже зубы ломит от холода.

У ворот сестринской обители Томас ненадолго останавливается, заглядывает во двор, хотя знает, что это грех, затем покидает сень монастырских стен и срезает путь через поле, которое послушники грядущей весной засеют рожью. Идет примерно фарлонг⁹ по протоптанной в снегу тропинке до навозной кучи у реки. Здесь тропинка заканчивается. Дальше – вздыбленный снег, проломленный лед. Словно кто-то набирал воду.

По пологому берегу Томас спускается на скованную льдом реку. Вокруг его щиколоток выются завитки туманной дымки. Он топчется на месте, проверяя прочность ледяного покрова, хотя знает наверняка, что лед крепкий, выдержит и запряженную волом повозку, потом в несколько широких шагов быстро переходит через заиндевевшие камыши на другую сторону. Выкарабкиваясь на берег, снова слышит лисий вой – хриплый, пронизанный болью. Томас замирает. Вой внезапно обрывается, будто отрезанный.

Вновь охваченный нерешительностью, Томас оглядывается на приорат – скопление низких каменных зданий, теснящихся вокруг приземистой церковной башни. Сквозь крышу трапезной в бледнеющее небо струится дым. Томас жалеет, что пришлось покинуть надежные стены монастыря. Сейчас бы готовился к богослужению или, может, еще бы спал и грезил во сне о лете.

Будь он проклят, приор. За то, что разбудил его. Послал за лисой.

А почему? Почему именно его? Почему не этого Джона, который расставил силки? Томас – писец, иллюминатор¹⁰, а не какой-то там послушник, деревенский мальчишка на побегушках. Сегодня он намеревался украсить позолотой одну из заглавных букв, отполировать золотой слой собачьим клыком брата Ательстана. А теперь у него пальцы как колбаски.

Томас прекрасно понимает, что это, конечно, все происки приора. Тот задался целью сбить с него спесь. Так и сказал накануне вечером, когда за ужином проповедовал против гордыни. Во время трапезы Томас не раз чувствовал на себе взгляд старика, но не придал этому значения. Не выказал должного раскаяния. Вот ему и преподали урок.

Он идет туда, где снег глубже и белый покров ни разу не был потревожен с тех пор, как начались снегопады после Дня св. Мартина¹¹ в минувшем году. Бредет по колено в снегу, оступаясь, барахтаясь. Вскоре на нем нитки сухой нет. Но Томас не останавливается, поднимается по покатоному склону к самой роще. В нескольких шагах перед ним вырастает стена из переплетенных сучьев. Дышать больно. Томас вглядывается в кружево спутанных ветвей, но не видит ничего, кроме темноты. Тем не менее он уверен: там что-то есть. Волосы на затылке опять встают дыбом. Концом посоха он раздвигает ветки.

Взрыв шума. Оглушающий треск. Душераздирающий крик, хлопанье крыльев. Что-то черное летит на него – прямо в лицо, в глаза.

Взревев, он пригибается, размахивает посохом, бросается в снег.

Но ворона уже далеко.

Летит прочь, оглашая округу жутким карканьем.

У Томаса сердце рвется из груди. Он причитает, бормочет что-то невразумительное. Когда встает на колени, видит, что руки у него посинели, под тунику набился снег.

что евреи убивали христиан, дабы использовать их кровь в ритуалах). Убийство юного Хью описано несколькими летописцами, в том числе Матвеем Парижским, но он так и не был официально канонизирован католической церковью.

⁹ Фарлонг – мера длины, равная восьмой части мили (= 201,1 м).

¹⁰ Иллюминатор (от лат. *illuminare* – «украшать») – монах-писец, художник, умевший особым образом расцвечивать заглавные буквы первых слов в столбцах.

¹¹ День святого Мартина отмечается 11 ноября.

Ворона уселась на увенчанный снежной шапочкой шест у навозной кучи.
– Мерзкая птица! – кричит Томас, потрясая посохом. – Подлая мерзкая птица!

Ворона не обращает на него внимания. В монастыре начинает звонить колокол. От реки поднимается туман – густой, будто шерсть. Томас поворачивается лицом к роще. Теперь он полон решимости, но не знает, как пробраться через колючие кустарники. Бьет по ним посохом, идет вокруг рощи, пока не находит тропинку, проторенную, очевидно, братом Джоном, предполагает Томас. Он ныряет под низкие ветки, продирается в рощу. Сучья цепляются за тунику, с верхних веток на него сыплется снег. Он переступает через поваленное дерево и оказывается на краю маленькой поляны. Что-то заставляет его остановиться. Он отводит в сторону ветку, и вот она, лиса – тусклое рыжее пятно во мгле.

Томас делает шаг вперед.

Шея и нога зверушки застряли в проволочной петле, а сама проволока закреплена на отростке граба. Лиса, почти окоченевшая, стоит на задних лапах – по сути, висит. Голова ее поникла, узкая мордочка утыкается в окровавленную грудку. Снег она лапами соскребла до самой черной мерзлой земли; всюду кровь, клочья рыжего меха.

Томас крестится, стоит как вкопанный, прислушиваясь. Ухо улавливает какие-то звуки. Потом до него доходит, что их издает лиса. Она еще дышит: после каждого вдоха, сопровождающегося свистящим клоколом, следует мучительный выдох и хриплый взвизг.

Спустя мгновение лиса, по-видимому учуяв Томаса, приподнимает голову.

Охнув, он отступает на шаг.

Лиса ослеплена, из пустых блестящих глазниц сочится густая кровь.

До него доносится карканье вороны.

– Подлая мерзкая птица! – выдыхает Томас. И снова крестится.

Лиса устало роняет голову на грудь.

Томас собирается с духом, подступает к лисе, поднимает посох и с размаху вонзает наконечник в голову зверюка, как учил декан. *Хрясь*. Лиса дергается в петле. Снег орошают брызги крови. Лиса содрогается, испускает протяжный шумный вздох. И умирает.

Томас вытаскивает из чаши раздробленных костей наконечник, измазанный в кашице серого мозга с темно-красными прожилками, вытирает его о снег под грабом. Управившись, на пару мгновений замирает в неподвижности, потом напоследок осеняет лису крестным знаменем, благословляя тварь Божию, и уже хочет уйти, как вдруг вспоминает наказ приора.

Томас со вздохом отставляет в сторону посох и ищет узел, перебирая пальцами проволоку от ветки, за которую она зацеплена, до самого низа ствола, обвитого стеблями ломоноса. Задача не из легких. Пальцы онемели, а узел, затянувшийся туго-натуго, когда лиса пыталась вырваться из петли, покрыт ледяной коркой.

Стоя на коленях, прижимаясь ухом к шершавому стволу, Томас пытается распутать узел, но он не поддается. Тут нож надобен, спохватывается Томас, проклиная себя за забывчивость. И вдруг слышит крики людей и топот лошадиных копыт, несущиеся со стороны дороги.

Глава 2

Светаёт. Сестра Кэтрин забирает ведро из кельи приорессы и выходит во двор. Грудь мгновенно сдавливают от холода.

– Да хранит вас Господь, сестра Кэтрин.

Ее приветствует сестра Элис – самая юная из монахинь, она недавно в монастыре. Девушка кутается в теплый плащ, пар дыхания клубится перед ее лицом.

– И тебя пусть хранит Господь, сестра Элис. Вижу, ты не в часовне?

– Сначала пройдуся, – невозмутимо отвечает сестра Элис, будто для нее это самое привычное дело. Кэтрин хмурится. Эту прогулку она совершает ежедневно вот уже семь лет, и ей ни разу никто не составил компанию. Говоря по чести, она рада, что сегодня у нее появилась спутница. Ночью вопил какой-то зверек, и ей немного тревожно.

– Что ж, пойдём, сестра Элис, вдвоем веселее. – Элис помогает ей отодвинуть засов на воротах. Когда Кэтрин отводит от ноги ведро, в нем что-то бултыхается, и язык теплого пара облизывает ее запястье. Кэтрин пробирает дрожь.

Монахини выходят за ворота, идут по тропинке, проламывая ногами свежую корочку замерзшего за ночь снега. От реки поднимается густой туман. С шеста слетает ворона.

Элис останавливается.

– Всегда ненавидела птиц, – молвит она. – Эти перья... бр-р.

Кэтрин задумывается. Эх, если бы у нее было время на такие капризы!

Она продолжает путь. В стыллой тиши разносится громкий стук ее шагов. Сестры доходят до вытопанного минувшим днем пяточка возле навозной кучи, и Кэтрин отмечает, что сегодня до них кто-то – возможно, один из послушников – здесь уже побывал, перебрался на другой берег реки. Она ставит ведро на снег и поднимает крышку бочки. Раздается хруст сложенной ледяной корки. Одно из преимуществ зимы, думает Кэтрин: мороз распугал ленивых мух, которые обычно мгновенно слетаются к открытой пасти бочки, а оттуда такая вонь прет, что можно задохнуться. Сестра Элис пытается подать ей ведро, но, поскользнувшись, едва его не роняет.

– Дай я сама, – говорит Кэтрин.

– Но я хочу помочь.

И Кэтрин в очередной раз задается вопросом, что привело сюда Элис. Не к реке, где она стоит и держит ведро с испражнениями приорессы, а в монастырь вообще. Элис слишком юна и мила, чтобы дожидаться здесь смерти, как другие сестры. Худенькая, конечно, так ведь ныне мало кто упитан, разве что приоресса да сестра Джоан. И все-таки, даже с ведром нечистот в руке и капелькой на кончике порозовевшего носа, Элис похожа на неземное существо, а отнюдь не на монахиню. И одежда на ней чистая, без заплат, а четки изящные, из слоновой кости – наверное, подарок от кого-то из любящих родственников, – и сама она вся воздушная, легкая, ходит, почти не касаясь земли.

– Сестра Элис, почему ты здесь? – спрашивает Кэтрин.

– Я же сказала: помочь хочу, – отвечает девушка.

– Нет, нет, ты не поняла. Не здесь у реки, а в монастыре.

– О, – улыбается Элис. – Так ведь я невеста Христова.

Она даже поднимает руку, показывая золотое кольцо на пальце.

– А вы? Разве вы не невеста Христова?

Кэтрин затрудняется определить, шутит Элис или нет, но она задумывается о себе. Маленькой девочкой ее привели в монастырь и оставили в альмонарии¹²; при ней нашли только

---

¹² Альмонарий – помещение для раздачи милостыни в монастыре.

кошелек с деньгами и несколько писем. А теперь она каждое утро выносит за приорессой ведро с ее дерьмом.

– Я? – наконец отзывается она. – Да, конечно.

И она выливает в бочку жидкое содержимое тяжелого ведра, остальное – три-четыре темно-коричневых комка – вываливает на заснеженную навозную кучу. Монахини отходят в сторону. Элис ежится.

Потом обе поворачиваются и пускаются в обратный путь через поле к монастырю.

– Почему именно вы всегда опорожняете ночное ведро приорессы? – любопытствует Элис.

– Так повелось, – отвечает Кэтрин.

Элис собирается спросить что-то еще, но, открыв рот, тут же его закрывает. Может быть, у нее слишком много вопросов и она не знает, с какого начать. Они идут в молчании, слушая стук своих шагов, шелканье четок Элис и собственное прерывистое дыхание. Погруженная в раздумья, Кэтрин слишком поздно замечает скачущих по дороге верховых.

Она замирает на месте. Сердце подпрыгивает в груди.

Всадники. Не один. Не двое.

– Бежим, – шепотом говорит она Элис, показывая на монастырь.

Они подбирают юбки и припускают бегом. Кэтрин слышит мужской окрик. Господи помилуй. Их увидели. Она бежит что есть мочи. Всадники сводят своих коней с дороги, несутся через замерзшую реку, намереваясь перехватить монахинь до того, как те добегут до ворот для нищих.

Заветные ворота всего в ста шагах от них, но в длинных юбках и деревянных башмаках быстро не побегаешь, да и ведро тяжелое, но Кэтрин не смеет его бросить, опасаясь гнева приорессы. Потом Элис, вскрикнув, падает. Кэтрин рывком поднимает ее на ноги. Всадники уже в поле, гикают, как на охоте, подгоняя лошадей, мчатся по снегу, будто наперегонки.

Кэтрин поворачивается и снова срывается с места, но в следующее мгновение первая лошадь настигает их. Монахиня съезживается на бегу, уклоняясь от ожидаемого удара, но всадник пронесется чуть вперед, встает в стремях и натягивает поводья. Лошадь поднимается на дыбы, преграждая им путь.

Конь огромный, гнедой, бьет копытами. Грязные сосульки бородой свисают с морды, глаза большие, как кулаки. Наездник молодой, но крепкого телосложения. Его лицо сияет от удовольствия. Ну как же, знатную добычу поймал! Он хохочет. Не раздумывая, Кэтрин встает сбоку от лошади, напрягает все мышцы в теле, закаленные годами тяжелого труда, и с размаху бросает во всадника увесистое ведро.

Раздается треск, будто захлопнулась крышка люка.

Всадник заваливается назад, перелетает через круп лошади, зажимая руками лицо. Элис взвизгивает. Конь снова кидается вперед. Монахини отскакивают в сторону. Конь пронесется мимо.

Воя от боли, раненый всадник перекатывается на спину, подтягивает к груди колени. Лицо он по-прежнему закрывает руками в кожаных перчатках. Сквозь пальцы льется кровь, забрызгивая снег и его белый табар¹³.

Однако на них надвигается другая лошадь. Всадник в длинном красном плаще вооружен мечом.

Кэтрин заслоняет собой Элис, встречая обидчика лицом к лицу. Про страх она позабыла.

---

¹³ Табар (фр. tabard) – короткая (до середины бедра) гербовая одежда XV–XVI вв., с короткими рукавами, открытая с боков, свободного кроя, обычно с гербом владельца. Носили преимущественно герольды, сопровождавшие участников турниров. Иногда табар надевался поверх доспехов.

Всадник заносит над ней меч. Она стоит, глядя на него. И тут происходит непредвиденное. Что-то темное, просвистев в воздухе, ударяется в голову всадника. Тот качается в седле, роняет меч, сгибается в три погибели, падая на лошадь, затем вываливается из седла на снег. Его конь поворачивается и скачет прочь.

Внезапно на поле появляется кто-то еще. Пеший мужчина в черном плаще и деревянных башмаках. Это один из каноников. Крича и размахивая руками, он несется к ним от реки. Бежит быстро, подол туники задирается аж до голых колен.

Третий всадник поворачивается навстречу новой угрозе. Четвертый – великан на ломовой лошади – тоже приходит в крайнее возбуждение.

Кэтрин хватается Элис за руку, и они припускают к воротам. Каноник на мгновение замедляет бег, затем, едва не поскользнувшись, резко сворачивает с прямого пути и следует за монахинями. Третий всадник вытаскивает из-за спины молот на длинной рукояти и прищипоривает коня. Четвертый соскакивает с лошади и гонится за ними. Обуви на нем нет, но он быстр, как волк. Ревет, потрясая громадным топором.

Кэтрин находит ворота для нищих, заталкивает в них Элис. Следом туда влетает каноник. Кэтрин захлопывает дубовую дверь перед носом великана и опускает запорную перекладину. Дерево трещит под натиском плеча великана, запор ходит ходуном, но дверь не поддается.

Кэтрин отступает от ворот на несколько шагов. Она никак не может отдышаться, слышит, как в висках отдается стук сердца. Перекрестившись, украдкой бросает взгляд на каноника – не совладала с любопытством. Он стоит нагнувшись, руками упирается в колени и тоже пытается перевести дух, выпуская длинную струю пара из открытого рта. В этот самый момент монах выпрямляется, смотрит на нее, и они на мгновение встречаются взглядами. Глаза у него синие, а волосы рыжеватые.

– Он должен уйти! – подает голос Элис. Съежившись, она сидит на засыпанной соломой мерзлой земле и тычет пальцем на деревянные башмаки каноника, а другой ладонью прикрывает глаза, чтобы не видеть его самого.

Элис права, думает Кэтрин. Даже представить трудно, какое наказание ждет всех троих, если кто-нибудь заметит здесь с ними каноника.

– Брат-монах? – вдруг доносится из-за монастырской стены. Гнусавый зычный голос. Голос знатного человека, привыкшего повелевать.

– Брат-монах? Сестра-монахиня? Вы слышите меня, я знаю. Ты плохо обошлась с моим парнем, сестра-монахиня. А ты, брат-монах, меня вышиб из седла. Честь не позволяет мне оставить это безнаказанным. Выходите, мы разрешим наши разногласия, и я поеду своей дорогой, как будто ничего не случилось. Слышите меня, сестра-монахиня, брат-монах?

Голос прозвучал совсем рядом. От его хозяина их отделяет лишь дверь толщиной с раскрытую ладонь. Тот выжидает пару мгновений и снова принимается угрожать:

– Что ж, сестра-монахиня, брат-монах, раз вы отказываетесь выходить, я войду сам. И помяните мое слово: я вас найду. Сначала доберусь до тебя, брат-монах, и велю своему человеку, Морранту, убить тебя на месте. Потом примусь за тебя, сестра-монахиня, и за твою плаксивую девчонку. После того как Моррант разделается с вами, я приколочу вас к этим самым воротам, за которыми вы сейчас прячетесь, и разведу под вами костер. И вы будете молить Господа, чтобы он поскорей призвал вас к себе. Слышите, что я говорю?

Затем быстрый, удаляющийся перестук копыт. Всадники ускакали. Кэтрин смотрит на свои мокрые деревянные башмаки, виднеющиеся из-под подола платья, на который налип снег. Элис всхлипывает.

– Мне лучше уйти, – тихо говорит каноник. – Пойду я.

Кэтрин бросает на него последний взгляд. Рослый мужчина, на полголовы выше нее, и широкоплечий, с рыжеватыми волосами, обрамляющими выбритую макушку. Не считая тех

всадников, на ее памяти он первый мужчина, представший ее взору. Она едва сдерживается, чтобы не коснуться его лица.

Каноник поворачивается и торопливо идет через двор к стене, разделяющей приорат на мужской и женский монастыри. Вскрабкивается на крышу деревянной постройки, служащей кладовой. Снег обваливается из-под его башмаков. Он хватается за верх стены, подтягивается на руках. Напоследок оборачивается и перемахивает через стену, возвращаясь в свой мир. И лишь когда он исчезает из виду, Кэтрин вспоминает, что так и не поблагодарила его.

– Надо рассказать приорессе, – стонает Элис, все еще сидя на земле. – Предупредить всех сестер.

– Нет! – восклицает Кэтрин, помогая ей встать на ноги. – Нет. Нельзя. Мы должны молчать. Ежели кто узнает, ничего хорошего не жди.

Она скользит взглядом по окнам и проемам во дворе. Видел ли кто-нибудь каноника? Да нет, вряд ли. Кроме них, вокруг ни души.

– А как же угрозы? – возражает Элис. – Все те ужасы, что он наговорил?

– Руки у них коротки, пока мы остаемся в стенах приората, – отвечает Кэтрин. – Поблагодарим Господа за то, что Он послал нам спасение в лице того каноника, кто бы он ни был, и помолимся, чтобы никто не видел его здесь, в нашем монастыре. И мы наложим на себя епитимью, – добавляет она. – Тысячу раз прочтем «Аве Мария» и две тысячи «Верую» перед алтарем девы Марии. И не будем есть хлеб до празднования Дня святого Гильберта¹⁴.

Элис нерешительно кивает. Только Кэтрин знает, что до Дня святого Гильберта осталось всего ничего.

– Наверное, Господь будет доволен, – наконец произносит Элис. Кажется, будто она хочет сказать что-то еще, но тут начинает звонить колокол, призывая к службе первого часа. Переглянувшись, монахини счищают снег со своих платьев, поправляют на головах покрывала, прячут руки в рукавах и идут к клуатру¹⁵, под надежную сень церкви.

Они не слышат тихого стука ставней, закрывшихся у них над головами.

---

¹⁴ Гильберт Семпрингхемский (1083 г. – 4 февраля 1189 г.) – святой, священник, основатель ордена гильбертинцев. Причислен к лику святых папой Иннокентием III в 1202 г.

¹⁵ Клуатр – окруженный стенами квадратный или прямоугольный внутренний двор с крытой галереей по периметру в средневековом монастыре. Служил нуждам клира или монашеской братии и был недоступен для мирян.

Глава 3

– Тревога! Тревога! – кричит он.

Только-только рассвело, и каноники собираются на богослужение в западном крыле клуатра. На его крики они реагируют как стадо коров на лающую собаку. Только декан делает шаг ему навстречу.

– В чем дело, брат Томас? – Подбоченившись, он сердито смотрит на него.

– У стен монастыря всадники, – объясняет Томас. – Они вооружены. Собираются напасть.

Декан мгновенно приходит в движение, словно ждал этих известий.

– Брат Джон! – рывкает он. – Брат Джеффри! Заприте центральные ворота. Брат Барнаби, созовай послушников, звони в колокол! Бей в набат. Брат Ательстан, скажи приорессе, чтобы надежно заперли боковые ворота в сестринскую половину и закрыли ставни на всех окнах. Пусть соберет сестер в часовне. Брат Ансельм, принеси приору в секретарий¹⁶, трость¹⁷, чернила и бумагу. Брат Уилфред, вели конюху седлать лошадь. И позови сюда брата Роберта.

Трем каноникам надлежит принести книги из библиотеки в секретарий, двоих посылают в кладовую за топорами, дабы они были готовы открыть бочку и вылить вино, если в стенах приората пробьют брешь. Колокол на колокольне разражается тревожным звоном.

– Сколько их, брат? – осведомляется декан.

– Я видел четверых, хотя одному не поздоровилось.

– Твоих рук дело?

Томас медлит с ответом. Не хочет упоминать двух сестер.

– Моих, брат, да простит меня Господь.

– Молодец, – хвалит его старый солдат. – Я уверен, Он найдет в Своем сердце прощение для тебя.

Приор стоит перед окованной железом дверью секретария, моргает и хмурится, слушая тревожный звон. На нем только альба¹⁸, седые волосы вокруг тонзуры всклокочены.

– Брат Стивен, почему так звонит колокол?

– На нас готовится нападение, святой отец. Брат Томас за воротами столкнулся с вооруженными людьми.

Приор переводит взгляд на Томаса.

– Что им надо?

– Их командир грозился взять в кольцо приорат и убить меня.

– Наша сестра-приоресса предупреждена? – уточняет приор у декана. – Хорошо. Окна и ворота все надежно заперты?

– Все сделано, святой отец. Правда, за помощью в Корнфорд я еще не послал.

Приор принимает задумчивый вид.

– Трудно сказать, как лучше поступить, – молвит он, скорее обращаясь к самому себе, нежели к декану или Томасу. – Я не уверен, что сэр Джайлз готов выполнить свои обязательства в отношении нашей обители.

Брат Ансельм приносит трость с чернилами, и приор принимает решение.

– И все же, – произносит он, беря перо и бумагу, – давайте напишем. Посмотрим, что из этого выйдет.

---

¹⁶ Секретарий (secretarium) – помещение в монастыре, сочетающее функции ризницы и кабинета настоятеля, где он принимал посетителей.

¹⁷ Имеется в виду писчая трость.

¹⁸ Альба – нижнее одеяние служащего священника из белого полотна, длинное, с широкими рукавами.

– Брат Роберт доставит письмо.

Приор кивает, и декан отдает распоряжение Томасу:

– Том, поднимись на колокольню, посмотри, там ли еще эти люди.

Томас спешит через секретарий в неф, где брат Барнаби резко дергает за веревки. Прежде Томас никогда не взбирался по этой лестнице. Деревянные башмаки скользят по перекладинам, и он так крепко держится за ее боковины, что кусочки коры отлетают и, медленно вращаясь в воздухе, падают на стоящего внизу Барнаби.

– *Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum. Benedicta tu in mulieribus...*¹⁹

Преодолев почти сто ступеней, Томас через люк выбирается на грубо отесанный деревянный пол, усеянный птичьим пометом. Его оглушает бой раскачивающегося прямо над ним колокола. Он ползком пробирается к окну с заснеженным подоконником, смотрит вдаль.

Никого и ничего.

За стенами приората над болотами поднимается рассветная хмарь – плывет молочная пелена, в которой растворяется граница между землей и небом. В этой белой мгле темнеют лишь голые ветви боярышника, хотя местами под порывами морозного ветра клубится туман, и в редяющей наволоке проступают неясные очертания, которые тотчас же исчезают.

Томас осматривает округу из других окон башни, расположенных по сторонам света: картина везде одна и та же. Всадников нигде не видно. Внизу отворяются и быстро закрываются ворота для нищих, впуская многочисленных послушников, которые по зову колокола идут в монастырь из окрестных хозяйств.

Наконец колокол затихает, но в ушах Томаса все еще стоит звон.

– Брат Томас! – окликает его декан из внутреннего двора. – Видишь что-нибудь?

– Нет, ничего, брат!

Снизу доносится цоканье железных подков идущей по двору лошади, на которой восседает недовольный брат Роберт.

– Дорога свободна? – снова кричит декан.

Томас отвечает не сразу. Ждет, когда брешь в тумане – окно, в которое он видит простирающиеся внизу заснеженные поля, – достигнет дороги, пролегающей по грунтовой насыпи. Наконец в просвете появляется дорога. На ней только следы давних путников, которые в следующее мгновение снова накрывает белая мгла.

– Никого, – сообщает он.

Декан подает знак открыть ворота, и брат Роберт на лошади выезжает из обители. Декан вслед осеняет его крестным знаменем. Ворота захлопывают, запирают на засов. Томас смотрит, как Роберт, горбясь, опустив голову, удаляется по дороге и исчезает в тумане.

Впервые оказавшись на колокольне, Томас видит приорат с высоты птичьего полета. Стена разделяет обитель на две половины – мужскую и женскую, которые сообщаются между собой через вращающееся окно в оконном доме – встроенном в стену восьмиугольном кирпичном здании. Надзор за этим окном возложен на самого старого каноника общины. Оно зарешечено, чтобы братья и сестры не видели друг друга. Через него монахини передают каноникам пищу и выстиранное белье. Подобное окно, только меньшего размера, есть и в стене, разделяющей на две половины неф. Через него во время мессы передаются освященные хлеб и вино – Тело и Кровь Христовы. Таким образом, можно сказать, две общины кормят друг друга.

Брат Барнаби идет по двору и машет Томасу – выражает дружеское участие. Томас невольно улыбается. Из всех братьев в монастыре он наиболее близко сошелся с Барнаби. Тот – добрый малый, сын торговца шерстью. Правда, от пива постоянно пьянеет и язык не может держать за зубами – любому готов выболтать почти все, что знает.

---

¹⁹ Радуйся, Мария, благодати полная! / Господь с Тобою; / благословенна Ты между женами...

Томасу вспоминаются события ранних утренних часов. Он услышал, что по дороге едут верховые, лишь тогда, когда те прищипорили коней. Повинуясь инстинкту самосохранения, он припал к земле, а когда все-таки поднялся, увидел двух монахинь. И снова инстинктивно хотел отвести взгляд, подчиняясь установлениям святого Гильберта, но почему-то не отвернулся – этого он не мог объяснить даже самому себе.

Что заставило его кинуться к всаднику – к всадникам? Непонятно. Это было безумие. Он иллюминатор, рисовальщик. Он привык сидеть, склонившись над псалтирью, и наносить контуры рисунков, грунт, чернила, краску, шлифовать расслаивающиеся золотые пластины. Это его работа, его сущность.

И все же тогда его охватила дикая ярость, и с того момента, как он покинул укрытие и метнул боевой посох, Томас знал, что его оружие достигнет цели – ударит в наездника, и ударит сильно.

Он вспоминает угрозы всадника, которыми тот сыпал из-за ворот, пытаюсь донести до них нечто большее, нежели ужасающие подробности задуманной расправы, – нечто такое, что делало его угрозы еще более пугающими. Но вот что? Какие слова он употребил, в какой последовательности? Томас напрягает память. Бесполезно.

Он затруднился бы сказать, долго ли находится на башне, стоя на коленях под колоколом. Привычный ход жизни в монастыре нарушен, богослужения не совершаются. Каноники заняли позиции у стен, монахини прячутся в церкви.

Томас задумывается о двух сестрах. Он видел лицо лишь одной из них – той, что швырнула ведро. Оно было свирепым – иначе не скажешь. Вторую монахиню он мог бы узнать только по ее восхитительным четкам. Томас не посмел открыто рассматривать ее. Это первые женщины, что попались ему на глаза за последние пять лет.

Вскоре у него от голода сводит живот, он чувствует острую потребность облегчиться. Уже собирается крикнуть, чтобы его сменили на колокольне, и осекается. Его ухо улавливает необычный шум.

Что это? Ветер? Нет. Шум – ритмичный барабанный бой – доносится издалека, с восточной стороны. Из-за тумана ничего не видно, но шум, теперь уже непрерывный, приближается, звучит громче, крепчает, напоминая... что? Скрежет, скрип, лязг, все вместе.

А потом он видит и источник шума.

Сначала кажется, будто дорога уплотняется, темнеет, становится более выпуклой, потом туман, плывущий над болотистой пустошью, ненадолго рассеивается, и Томас вздрагивает, замечая всадника.

Тот на мгновение появляется и исчезает. Томас начинает сомневаться в себе. Обман зрения?

Нет. Вон опять его силуэт. Менее отчетливый, но вполне зримый.

Затем всадник снова выступает из тумана. На этот раз он довольно близко, и Томас различает детали. Конь серой масти. Красный плащ. Следом на ломовой лошади трясется великан. За ним катит повозка, груженная сеном. За повозкой еще два всадника едут бок о бок. За этой парой чередуются другие. Томас сбился со счета. Хвост колонны теряется в тумане. Она может быть сколь угодно длинной.

На всех воинах одинаковые белые накидки. Некоторые вооружены длинными копьями, у других за плечами боевые молоты и билли²⁰. Один всадник держит знамя, висящее замерзшими складками.

Томас пытается сглотнуть слюну, но во рту пересохло. Он вскакивает на ноги, хватается за язык колокола и принимается бить им по его медной стенке.

---

²⁰ Билль – колюще-рубящее древковое оружие типа алебарды или секиры; приобрело популярность на территории Европы в позднее Средневековье.

Во дворе появляется декан.

– Идут! – кричит Томас. – Целое полчище!

– Сколько?

– Не сосчитать. Много сотен.

Декан как будто съезживается. Томас отворачивается. Если б он не узнал всадника в красном, тогда еще можно было бы надеяться, что солдаты проедут мимо, что они держат путь куда-то в другое место. Но нет, вон он, верхом на коне серой масти, а за ним великан. А в повозке на соломе, теперь видит Томас, лежит какой-то парень. Зажимает лицо руками, конвульсивно дергаясь при каждом толчке.

Всадник в красном пришпоривает коня, отделяется от колонны и исчезает из поля зрения Томаса за стеной привратничкой. Слышатся крики. Потом послушники, охраняющие вход в монастырь, оборачиваются к декану – ждут его распоряжений. Томас слов не разобрал, но декан вдруг словно цепенеет. Потом жестом велит открыть ворота, и послушники принимаются отодвигать засов.

Что они творят? Глупцы.

– Остановитесь! – кричит Томас. Никто не поднимает к нему головы. Про него забыли.

Ворота распахиваются, пропуская в монастырь всадника в красном и великана. Послушники пятятся, всадники останавливаются во дворе перед привратничкой. Сидят, молчат. Потом к ним выходит приор, и первый всадник, перенеся ногу через седло, спешивается, но как-то неуклюже. Ранен? Всадник с минуту что-то говорит приору, жестикулирует, один раз касается своего лица. Приор напряженно вникает ему, потом оборачивается и обращается к декану. Тот качает головой. Затем поднимает глаза к колокольне, где стоит на коленях Томас. Великан выходит из ворот и мгновением позже возвращается, ведя под уздцы лошадь, впряженную в повозку.

Потом появляется инфирмарий. Он подходит к задку повозки, взбирается на нее, склоняется над лежащим на сене парнем, трогает повязку. Парень корчится от боли. Инфирмарий жестом подает знак, и один из послушников бежит в лазарет.

Томас продолжает наблюдать, не понимая, что происходит.

Первый всадник следует за приором в альмонарий, дверь за ними закрывается. Мгновение спустя приор выходит и что-то говорит ожидающему снаружи декану. После тот кричит Томасу:

– Брат Томас! Давай сюда. Нужны твои показания.

Томас ощупью пробирается к люку и начинает спускаться. Ряса его испачкана птичьим пометом, сердце сбилось с ритма. Он чувствует слабость во всем теле, едва не падает с лестницы. Ноги то и дело соскальзывают с перекладин.

Декан ждет его во внутреннем дворе.

– Во что ты ввязался, брат? – спрашивает он. – Приехал сэръ Джайлз Райвен, а в повозке лежит его сын. Говорит, утром на него на дороге напал каноник. Это мог быть только ты.

– Бог свидетель, – качает головой Томас, – я не сделал ничего плохого.

Не отвечая, декан ведет его за собой через двор под взглядами остальных каноников, которые жестами передают друг другу сообщения, так что слух быстро распространяется по всему монастырю. Томас с трудом переставляет ноги. Вдвоем они минуют великана, наблюдающего за ними ничего не выражающим взглядом. Декан стучит в дверь альмонария, они входят.

Сэръ Джайлз Райвен греется у недавно растопленного очага, в его руке дымится чаша с чем-то горячим. Томас, привыкший видеть тонзуры и выцветшие будничные монашеские облачения, Райвена воспринимает как нечто диковинное. Его короткий, подбитый мехом плащ цвета лепестков розы на солнце алеет в сумраке; синие штаны пошиты из шерсти тонкой выделки. Голенища кожаных сапог для верховой езды подвернуты до колен; на боку висит меч.

Ростом он такой же высокий, как приор, но гораздо плотнее и мускулистее. Волосы коротко подстрижены над ушами. Бедра крепкие, как это присуще тем, кто много времени проводит в седле; плечи широкие. Он стоит, непрестанно приподнимаясь на носках – готов в любое мгновение сделать выпад.

Райвен поворачивается к Томасу. Кожа у него обветренная, покрасневшая оттого, что он часто бывает в разъездах; зубы испорчены сладостями и сушеными фруктами, которые доступны лишь богатым. На щеке синяк, один глаз распух и почернел, второй – темный, непроницаемый.

– Это брат Томас, милорд. – Руки приора взметнулись к наперсному кресту на груди. – Сегодня утром он был за стенами монастыря.

– Хм-м-м... Надо же, а на вид не очень грозный, да?

– Нет, милорд. Он иллюминатор. Его талант – дар Божий. Он изготавливает псалтирь невиданной красоты.

Крякнув, Райвен осушает и ставит на стол свою чашу.

– Пожалуй, лучше сразу его убить, чтоб время зря не тратить, – говорит он.

У приора от испуга вытягивается лицо.

– Разве мы не должны установить истину? – спрашивает он.

– Не вижу смысла, – отвечает Райвен. – Я верю своим глазам.

– Хм... кхе... брат Томас, – начинает приор, почти лопочет, – сэр Джайлз Райвен утверждает, что сегодня утром на дороге за нашими стенами на него и его людей напал грабитель. Этот грабитель был в облачении каноника нашего ордена, и он со своими сообщниками – об этом мы поговорим позже – серьезно ранил его сына Эдмунда.

Так это его сын. Вот в чем дело. Вот почему его угроза была столь зловещей. Томас стоит в молчании, как и подобает канонику ордена святого Гильберта. Приор не смеет взглянуть на него. Райвен потирает ладони над очагом, в котором огонь разгорается сильнее.

– Итак? – вопрошает приор. – Тебе есть что сказать в свое оправдание?

– Это ложь, – выдавливает из себя Томас, едва ворочая языком.

– Ты обвиняешь меня во лжи? – улыбается Райвен.

Томас не знает, как ответить так, чтобы не оскорбить его и не усугубить свое положение.

– Да, – наконец молвит он.

– Так-так, – прицокивает языком Райвен. – Так-так.

Приор собирается что-то сказать, но, не придумав ничего стоящего, поджимает губы. В помещении как будто темнеет. Райвен подливает себе вина.

– А теперь послушай, что будет дальше, – говорит он. – Если сегодня мой мальчик умрет, я велю Морранту – тому верзиле, что ждет за дверью, – на рассвете выколоть тебе глаза и вырвать яйца, а потом ты будешь предан огню. Тебя подвешат над костром посреди монастырского двора, чтобы все монахи видели, как ты горишь и воняешь.

– Но, сэр, он духовное лицо, – робко возражает приор. – Член монастырской общины. Его должен судить церковный суд.

Райвен отмахивается от него:

– У меня нет времени на ваши церковные суды. Я еду в Ковентри, где меня ждет королева. Прослежу за тем, чтобы к завтрашней обедне он получил по заслугам, и поеду дальше.

– А ежели ваш сын выживет? – спрашивает декан, чувствуя, как в нем затеплилась надежда.

– Если мой мальчик выживет, – не сразу отвечает Райвен, – это будет радостное событие, и по случаю его чудесного избавления я потребую удовлетворения в судебном поединке²¹. Что

---

²¹ Судебный поединок – один из способов разрешения споров в средневековой Европе, при котором исход разногласий решало единоборство сторон. По сути, это была санкционированная дуэль. Победитель считался оправданным. Обычно к такому способу прибегали, если установить истину путем допроса свидетелей не представлялось возможным, а ни одна из сторон не признавала своей неправоты.

скажешь на это, брат-монах? Тебе будет оказана честь, ты умрешь как солдат, а вы, святой отец, убедитесь, что правосудие Божие свершилось.

Приор не знает, что сказать, и в ответ лишь открывает и закрывает рот, как рыба. Он бросает взгляд на Томаса и кивает.

– Так тому и быть, – шепчет он.

Колокол на церковной башне снова звонит, медленным размеренным боем оповещая общину, что все хорошо, порядок восстановлен. Но Томас знает, что за считанные мгновения приор приговорил его к верной смерти.

– И разумеется, – улыбается Райвен, – я должен сдержать обещание, которое дал тем двум сестрам, не так ли, брат-монах?

В сопровождении декана Томас покидает альмонарий и идет по двору к конюшне, которую в монастыре используют и как темницу. Декан оставляет ему кружку эля и, удрученно качая головой, запирает дверь. Остаток дня Томас проводит в молитвах, стоя на коленях. Пытается просить Бога о выздоровлении юного Эдмунда Райвена, но каждый раз, стоит ему закрыть глаза, он видит лицо приора в тот момент, когда старик принял решение в пользу отца юноши. И невольно сжимает кулаки. Как можно так дешево продать свою душу? Так безропотно? Не сказав ни слова против?

Спустя некоторое время после вечерни зарядил дождь. Томас не сразу это понял, ибо стука дождя по черепице не слышал с осени, примерно со Дня святого Мартина, когда выпал первый снег. Дождевая вода просачивается в конюшню, и он вынужден всю ночь стоять на мокрой соломе.

К утру в животе урчит от голода, во рту пересохло. Шаркая по грязной соломе, он доходит до стропил, лезет под самую крышу, к зарешеченному окошку. Ничего интересного не видит – только рассвет и дождь. Он спрыгивает на пол и продолжает кружить по конюшне: три больших шага в ширину и десять – в длину.

Через какое-то время декан приносит глиняную миску похлебки из бобов и рыбы и кожаную кружку эля вместе с черным хлебом четырехдневной давности.

– Как он? – спрашивает Томас.

– Выживет. Глаз потерял, но, по словам инфирмария, жить будет.

– Хвала Господу, – испускает вздох облегчения Томас.

– Да, – говорит декан, – славь Господа. И на вот, ешь.

Томас принимается черпать суп. Колокол на башне опять звонит, призывая каноников в часовню. Он поднимает от миски глаза. Странно, что жизнь продолжается, как обычно.

– Брат Томас, позволь дать тебе совет, – начинает декан, усаживаясь на корточки рядом с ним. Он уже далеко не молод, ему, должно быть, лет тридцать пять, и колени у него хрустят.

– Спасибо, брат Стивен, – отвечает Томас, проглатывая кусок хлеба. – Добрый совет мне не помешает.

– Ты должен бежать.

– Бежать?

– Бежать из монастыря. Сегодня же утром, когда все будут на собрании.

– Почему?

– Ты не соперник сэру Джайлзу Райвену. Он солдат. Всю жизнь только и делает, что воюет. Он не владеет пером так, как ты. Не знает, как полировать золото. Все, что он умеет, – это драться. А ты как раз этого не умеешь.

Томас сдавленно сглатывает комок в горле.

– Но если я не выйду на поединок с ним, тогда правосудие Божие не свершится.

– Правосудие Божие, – фыркает декан, поднимаясь во весь рост. – Что есть правосудие Божие? Знаю, брат Томас, как тебе сейчас тяжело, – продолжает он, не давая Томасу и рта раскрыть, хотя видно, что тот хотел бы что-то сказать. – Знаю, что обстоятельства против тебя,

хотя твоей вины в том нет. Но времена теперь смутные. Правосудие ничего не стоит. За воротами обитатели хаос, а приор печется о безопасности монастыря и нуждается в покровительстве такого человека, как Райвен. Он ни в чем не может ему отказать. Любое желание Райвена для него закон.

– Любое?

– Любое.

– Значит, и в этих стенах нет справедливости.

– Брат, будь я приором, – вздыхает декан, – я сказал бы тебе: ежели Бог на твоей стороне, тебе нечего бояться, ты победишь, и справедливость восторжествует. Но я не приор. У меня нет его уверенности. У меня нет его веры. И я знаю таких людей, как Джайлз Райвен.

Томас жует хлеб, а декан продолжает:

– Возьми посох, одежду, еды, сколько унесешь, и беги отсюда. Прихвати с собой свою псалтирь, о которой все говорят. Возвращайся туда, откуда пришел. К своей семье.

– Нет у меня семьи, – отвечает Томас. Он думает о своем отце: умер. Думает о матери: умерла. Думает о сестрах: тоже на том свете. Думает о брате, влачащем жалкое существование на крестьянском дворе под сенью того огромного гранитного утеса. Брата он всегда любил, но между ними встала его жена, и все трое поняли, что рядом с ними будущего у Томаса нет.

– Тогда попробуй вступить в другой орден, – советует декан. – Любой аббат с радостью примет тебя.

– Они сразу поймут, что я монах. Решат, что я вероотступник.

– Значит, тебе остается одно – обратиться к верховному приору, – говорит декан. – Принеси ему свою псалтирь. Покажи свое искусство. Объясни свои обстоятельства. Он дарует тебе справедливость.

– Где его найти? – спрашивает Томас, поразмыслив.

– В Кентербери.

Томас слышал о Кентербери, но не представляет, где находится этот город.

И потом, почему он должен бежать? Ежели с ним Господь?

– А как же промысел Божий? – спрашивает он.

Потеряв терпение, декан забирает у Томаса хлеб и почти пустую миску с супом.

– Господи помилуй. Брат Томас, ты упрям как осел, зря только хлеб сейчас ешь. Ведь умрешь быстрее, чем пища пойдет тебе на пользу.

Томас поднимается на ноги.

– Не сердись на меня, брат, прошу тебя.

Декан смотрит на Томаса и, немного поразмыслив, принимает какое-то решение.

– Ладно, – говорит он, отдавая ему еду. – Ты прав. Доедай. Силы тебе понадобятся.

– Спасибо, брат, – благодарит Томас.

– Мне пора. Люди Райвена расположились лагерем в полях и требуют, чтобы мы кормили их, отдали то небольшое, что у нас есть. А приоресса прислала весточку, что одна из монахинь скрылась.

Томаса охватывает страх. Наверное, он прощается с деканом навсегда, видит его в последний раз.

– Ты добрый человек, брат, – произносит он. – Да пребудет с тобой Господь.

– И с тобой тоже, брат. Боюсь, очень скоро тебе понадобится его поддержка.

Декан уходит, оставляя дверь незапертой, но Томас не двигается с места. Для себя он уже все решил. Он встретит лицом к лицу то, что суждено, и, с Божией помощью, выдержит испытание.

Некоторое время спустя собрание каноников заканчивается, дверь в конюшню снова открывается. В проеме стоят брат Джон и брат Барнаби. Они расстроены, что Томас не сбежал.

– Пойдем с нами, – говорит Джон. – Приор послал за тобой.

Начинает медленно бить колокол – в ритме похоронного звона, и у Томаса мелькает мысль выказать неповиновение. Он уже с тоской думает о тех часах, что провел в конюшне. Но потом все же следует за братьями-монахами по мощеному двору в северное крыло клуатра. Дождь растопил снег, и теперь вокруг все серым-серо.

Остальные каноники собрались в восточном углу – кучка черных туник и белых наплечников на фоне серых стен. Джайлз Райвен с непокрытой головой стоит посреди внутреннего двора, будто хозяин. Упражняется, размахивая мечом с черным лезвием, разминает могучие плечи, разогревает правую руку, со свистом разрубая воздух своим клинком.

Томас с удовлетворением отмечает, что щека у него синевато-багровая, один глаз распух, почти закрыт после вчерашней стычки.

Рядом с Райвеном, чуть в стороне, высится великан. В одной руке у него ужасный пол-экс²², в другой – два новых боевых посоха. Он на полторы головы выше и вдвое шире любого, кто есть во дворе. Его тронутые сединой волосы до плеч длинными космами падают на воротник засаленного кожаного плаща. И он по-прежнему босой, как самый презренный из селян. Завидев Томаса, великан заходится зычным раскатистым хохотом. Райвен прекращает свои упражнения и поворачивается.

– Брат-монах! – кричит он, насмешливо кривя губы, но улыбается вполне искренне. – Хорошие вести.

– И что это за вести? – спрашивает Томас. Он и не подумает удостоить Райвена вежливого обращения «сэр».

– Хорошая новость в том, что мой сын будет жить, – отвечает Райвен. – Но есть и плохая: ты жить не будешь.

Великан хохочет громче. Его смех подхватывают еще двое, сидящие на стене. На одном такой же белый нарамник²³, какой был на сыне Райвена. На нарамнике – знак отличия в виде черной птицы, похожей на ворону. По нижнему краю – орнамент в черно-белую клетку, повторяющийся на квадратном полотнище знамени, которое закрепил на стене его напарник в толстом синем плаще, длинных сапогах и темном головном уборе. Оба вооружены мечами. У обоих в руках кожаные кружки, а рядом брат Джонатан держит наготове для них кувшин с чем-то горячим.

Приор с деканом стоят вместе в дальнем конце двора. С ними брат Ательстан. Он что-то говорит, они его слушают, а сами не сводят глаз с Томаса. У декана вид сердитый – вероятно, гневается из-за того, что Томас не сбежал. Приор выглядит осунувшимся, словно всю ночь глаз не сомкнул, а его очки, которые Томас некогда воспринимал как признак учености, теперь выдают в нем слабого человека. Старик поворачивается к Ательстану. Тот ждет ответа на какой-то заданный вопрос.

Декан отделяется от них и идет по двору к Томасу, выполняя обязанность, которую постыдился взять на себя приор.

– Твой обвинитель выбрал оружие, которым тебе предстоит драться, – говорит он.

– Боевой посох, – вмешивается Райвен, кивком веля великану вручить Томасу один из заостренных шестов. – Полагаю, ты имеешь о нем представление, брат-монах? Оружие простое. Два конца. Средняя часть.

Великан бросает Томасу посох. Он ловит его, вонзает в землю и ждет. В детстве и отрочестве они с братом частенько дрались на посохах, и с этим оружием он умеет обращаться. Ему известны приемы, хитрости, думает Томас и, глядя на заплывший глаз Райвена, немного

---

²² Полэкс – европейское древковое оружие XIV–XV вв. для пешего боя, комбинация топора и молота.

²³ Нарамник – тип плаща XIII–XV веков; представлял собой кусок ткани, сложенный пополам, с отверстием для головы на месте сгиба; по бокам не сшивался, иногда опоясывался, мог быть длинным и коротким. Его носили представители разных слоев общества.

приободряется. Не отдавая себе отчета, снимает верхнее платье с капюшоном, подбирает полы туники, как это делают крестьяне, работающие в поле.

– Ну что, начнем? – Райвен отдает меч великану и забирает у него второй посох.

– Сначала надо произнести молитву, сэр, – просительным тоном напоминает ему приор, наконец-то найдя в себе смелость если и не противостоять воле Райвена, то хотя бы потребовать соблюдения порядка.

– Ладно, приор, – вздыхает Райвен. – Только побыстрей.

Все преклоняют колени, и приор начинает читать «Отче наш». Закончив эту молитву, он делает вдох, собираясь продолжить чтением «Аве Мария...», но Райвен прерывает его.

– Благодарю, приор, – говорит он, выпрямляясь во весь рост, – этого достаточно. Ну что, теперь за дело? Ввиду отсутствия формальных договоренностей предлагаю присутствующим отойти в стороны, а мы будем драться до победного конца. Впрочем, перед тем как ты умрешь, я позволю приору причастить тебя перед смертью, дабы ты отправился в последний путь с необремененной душой. Договорились? У тебя есть что добавить, брат-монах?

– Только то, что это не правосудие, – отвечает Томас.

– Не правосудие, брат-монах? – восклицает Райвен в притворном изумлении. – Не правосудие? Однако сейчас мы здесь с тобой равны перед Богом.

– Вы обученный рыцарь.

Именно так отозвался о нем декан. Райвен бочком приближается к Томасу, поигрывая в руке посохом, чтобы оценить качества своего оружия.

– Вероятно, всемилостивейший Господь знал, что на мою долю выпадет нечто подобное, а? Вероятно, это Он наказал моему отцу обучить меня владению оружием? Не иначе. Вероятно, Он ведал, что ты окажешься жалким грешником, и потому создал твоего отца трусливым человечешкой, который скорее мог научить сына разве что со свиньями совокупляться, но только не драться, как подобает мужчине?

– Мой отец погиб во Франции, сражаясь с французами при Форминьи²⁴.

– В самом деле? – Райвен расправляет плечи. – Сочувствую. Но не ты один потерял родителя на войне. Мой отец погиб при Сент-Олбансе²⁵.

При упоминании Сент-Олбанса Райвен резким движением кисти выкидывает вперед посох, так что его наконечник сверкает у самого носа Томаса. Тот не шелохнулся.

– Я каноник ордена Гильберта Семпрингхемского, – говорит Томас. – Если меня собираются судить за преступление, которого я не совершал, значит, я должен предстать перед церковным судом. А вот это не суд. Это насмешка над правосудием.

Райвен с выражением притворного разочарования на лице опускает посох. Великан снова разражается хохотом.

– Я не могу драться с тобой, брат-монах, – говорит Райвен, – пока ты не ударишь первым. Хм, как бы заставить тебя вступить в бой? Над тобой и папашей твоим я поглумился. По матушке твоей пройтись, что ли? Что можно о ней сказать? Блудливая сучка, щенящаяся в канаве? Нет-нет, сдается мне, это ложный путь.

Томас качает головой, но не негодуя, а с сожалением. В то же мгновение наконечник посоха Райвена застывает почти у самого его правого глаза. Томас моргает.

– Не прошибло, – отмечает Райвен, опуская посох. Он поворачивается к Томасу спиной и отходит. Затем щелкает пальцами. – Ну конечно! – восклицает он, снова поворачиваясь. – Как же я сразу не подумал?! Лаузер!

– Да? – отзывается один из сидящих на стене.

---

²⁴ Битва при Форминьи – решающее сражение Столетней войны, состоялось 15 апреля 1450 г., завершилось полной победой французов.

²⁵ Имеется в виду 1-я битва при Сент-Олбансе – первое сражение Войны Алой и Белой розы, состоявшееся 22 мая 1455 г.

– Четки. – Райвен опять щелкает пальцами и вытягивает руку ладонью вверх. – Дай сюда четки.

Лаузер достает из-под плаща четки и бросает Райвену. Тот еще не успел их поймать, а Томас уже понял, чьи они.

– Где вы их взяли? – спрашивает он. Горло сдавило, в ушах зашумело.

– О, думаю, ты и сам знаешь, не так ли, брат-монах? Нашел сегодня утром. Сразу как солнце встало. Не скрою, она сопротивлялась, но поначалу они все так. И ей понравилось. Но Моррант у нас пылкая натура, правда, Моррант? Бывает, не справляется с собой, да?

Великан хохочет, самодовольно кивает.

Посох в руках Томаса вдруг становится легким, подобно тому как это было накануне. Охваченный праведным гневом, он ощущает прилив сил и наступает на Райвена, замахиваясь посохом.

Райвен отступает, уклоняясь от удара. Со смехом сует четки под рубашку. Говорит:

– Ну вот, теперь ты готов драться.

Первый удар – справа, низкий, мощный, невероятно стремительный, – отсекая посох Томаса, приходится ему по колену. Ногу пронзает боль. Следующий удар Райвена не достигает цели: Томас успевает отпрыгнуть назад, и посох его противника разрезает воздух – *вжик*.

– Ха! – смеется Райвен. – Неплохо, брат-монах. А ты, значит, проворнее своего отца, да?

Он еще не договорил, а Томасу уже приходится поднять свой посох, чтобы перехватить очередной удар. Он кряхтит от напряжения, но деревянные башмаки скользят по земле. Он падает на колени. Райвен бросается вперед, пинком в грудь заваливает Томаса на спину и усаживается на него верхом. Томас вовремя поднимает посох, не давая Райвену своим оружием сдавить ему горло. Правда, он прижат к земле. А Райвен – плотный мужчина с изрытым оспой лицом. От него разит вином и солониной. В заплывшем побагровевшем глазу едва виднеется красное глазное яблоко. Томас взбрыкивает, локтем бьет по ушибу Райвена и, резко вскидывая колено, сбрасывает его с себя. Тот с кряхтением откатывается в сторону.

Томас резво вскакивает с земли, но Райвен проворнее. Снова атакует, не давая Томасу твердо встать на ноги. Но это ложный выпад, и Томас, пытаясь посохом предотвратить удар, снова оказывается на земле – лицом вниз на мокрой траве. В голове звенит.

– Разве это противник? Даже неинтересно, – слышит он голос Райвена и затем чувствует подошву его сапога на своей шее. Какое-то мгновение он не может пошевелиться, не знает, как быть. Смотрит на приора. Тот тарачится, раскрыв рот. Декан хмурится, стискивая кулаки.

Затем Томас ловко изворачивается, будто угорь, хватая Райвена за пятку другой ноги и дергает за нее. Взревев от неожиданности, тот плашмя плюхается на землю. Томас быстро поднимается, но Райвен действует на опережение. Томас чувствует слепящую боль над ухом и опять грохается на траву.

На этот раз он перекачивается, подбирает посох и быстро встает на ноги, отражая очередную атаку – простой рубящий удар сверху и еще один, боковой, другим концом посоха, нацеленный ему между ног.

По-прежнему улыбаясь, Райвен снова взмахивает посохом, но Томас, заметив его маневр, делает шаг вперед. Концом своего посоха он смягчает удар и затем бьет сам – словно граблями проходится своим оружием по пальцам Райвена.

Оба отступают в стороны.

Улыбка сошла с лица Райвена. Томас чувствует запах собственной крови.

Райвен снова нападает – стремительная череда отвлекающих взмахов, потом два точных удара. Первый Томас отражает, второй – не успевает. Райвен посохом цепляет Томаса под мышкой, одним натренированным движением разворачивает его, наступает сапогом на его деревянный башмак и ребром ладони наотмашь бьет противника по горлу.

Томас обмякает всем телом, роняет посох, не в силах продохнуть от боли. Он валится на спину, но от удара о землю встряхивает. Толчок приводит Томаса в чувство, и он успевает уклониться от очередного удара. Посох Райвена свистит у него над ухом. Томас перехватывает его и, используя противника в качестве опоры, выпрямляется. Райвен шатается, теряя равновесие. В одно движение Томас подбирает с земли свой посох, делает короткий боковой замах, которого Райвен не видит поврежденным глазом, и подсекает противника под колено. Тот отскакивает назад, охнув от боли.

– Неплохо, брат-монах, – говорит Райвен. – Однако наш поединок затянулся.

На его первый отвлекающий маневр Томас реагирует, второй пропускает, а потом посох Райвена вихрем налетает на него, описывая над ним дуги, опускаясь ему на голову. Удары сыплются на Томаса один за другим, как он ни пытается уворачиваться.

И вот он снова лежит на земле лицом в грязь. Боль дикая. Горячая кровь заливает глаза. Он поднимается на колени, рукавом вытирает кровь с лица, и как раз вовремя – успевает увидеть, что Райвен опять нападает. Отражает первый удар, уклоняется от второго, но получает кулаком в лицо – так сильно, что зубы дребезжат. Зрение теряет четкость, тело – упругость. Боевой дух угасает в нем, а Райвен ходит вокруг, готовясь нанести смертельный удар.

Томас смаргивает с глаз кровь, тем самым провоцируя очередную атаку – град ударов, которые убили бы его, если бы он не споткнулся. Запутавшись в полах туники, он падает на одно колено и пригибает голову, так что посох Райвена не достигает цели. А потом сам делает выпад. Снова ослепленный на один – заплывший – глаз, Райвен продолжает отбиваться кулаками, но Томасу удается ткнуть его посохом в мягкое место под грудиной – в чревное сплетение. Он со всей силы вдавливая свое оружие в рыхлую плоть.

Райвен останавливается, хватая ртом воздух, закатывает выпученные глаза. Шатается, заваливается назад, опрокидывается на каблуках. Беспомощный, он роняет свой посох и с глухим стуком падает на землю. Лежит, высунув язык; лицо серо-зеленое, изо рта вырывается свистящее дыхание.

Томас поднимается на ноги, опускает полы грязной туники.

Бросает взгляд на приора. Тот по-прежнему стоит с разъявленным ртом, будто прирос к земле. Декан жестами понуждает Томаса довести поединок до победного конца. Вонзить посох в Райвена.

Томас встает над Райвеном, зажимая его тело между ног. Вскидывает посох, держа его вертикально. Осталось только всадить заостренный конец в незащищенное лицо Райвена, и все будет кончено. Воля Божья свершится. Он медлит. На поверженного противника капает кровь из ран Томаса. Лицо Райвена, на котором теперь застыло почти детское выражение, искажено от боли.

Томас отклоняется назад, готовясь нанести удар, напрягает мышцы, поднимает посох и со всей силы вонзает его в землю у самого уха Райвена.

Потом, не забирая посоха, который торчит из земли, словно шест, поворачивается и идет прочь.

Декан встречает его с довольной улыбкой. В руках у него кусок ткани.

– Ты здесь понапрасну растрачиваешь себя, брат Томас, – говорит он, промокая его лицо. – Тебе бы не с псалтирью возиться, а с французами драться. Почему ты его не убил?

Томас не знает, что ответить. Морщится, когда декан касается кровотокающего рубца на его голове.

– Может, это и разумно, – бурчит декан, – но лучше бы ты дал ему убить тебя. Теперь они нам житья не дадут.

Трое телохранителей Райвена сгрудились вокруг него, помогая господину подняться. Рядом топчется инфирмарий. Райвен что-то бормочет, непрерывно кашляя, его шатает.

– Брат Стивен, – спрашивает Томас, – утром, когда принес мне еду, ты сказал, что одна из сестер куда-то пропала?

– Уже нашлась, – мрачно кивает декан.

– Она в добром здравии?

– Мертва, – понизив голос, отвечает декан. – По словам приорессы. Завтра ее похороним.

– У Райвена ее четки, – молвит Томас, осмыслив услышанное.

Декан смотрит на него, оценивая значимость этой новости, потом вдруг отталкивает Томаса в сторону и устремляется вперед.

– Берегись! – кричит он. На том месте, где стоял Томас, сверкает клинок меча, а на них надвигается шатким шагом солдат, которого Райвен называл Лаузером. Декан хватается за утепленный плащ и отшвыривает к стене, так что тот перелетает через нее, выронив меч. Томас поворачивается и видит, что к ним вприпрыжку бежит великан с полэксом в руке. Это грозное оружие с зубцами, шипами и острым лезвием. Таким в самый раз рубить на мясо быка.

– Беги! – кричит декан Томасу. – Беги, брат Томас!

А сам хватается меч Лаузера и бросается на великана, стремясь расцарапать ему лицо.

Великан полэксом бьет по клинку, выбивая меч из руки декана, затем замахивается, чтобы убить его самого, но Томас находит боевой посох Райвена и мчится на громилу. Великан замечает Томаса и полэксом отражает его неуклюжий удар, а затем, резко вывернув кисть, захватывает посох в выемку под стальным зубцом и вырывает оружие из руки Томаса. Наотмашь бьет его кулаком. Томас кувыркком летит на землю. Перед глазами мелькают вспышки света. Великан идет к нему.

Декан хватается посох и опускает его на голову второго из телохранителей Райвена, сидевших на стене. Тот падает, катится по земле. Декан налетает на великана, отвлекая его внимание от Томаса, едва успевающего увернуться от лезвия полэкса. Райвен стоит на ногах, но все еще в согбенной позе, опирается на посох Томаса, который тот вогнал в землю. Томас отпихивает его назад, вырывает из земли свое оружие и, повернувшись, видит, что великан отражает очередную атаку декана. Удар посоха приходится ему по руке, но он даже не морщится.

Декан отступает, глядя на великана почти с благоговением.

– Беги, брат Томас! – кричит он через плечо. – Ради всего святого, сейчас же беги!

Затем он снова вступает в борьбу, замахиваясь посохом на великана, но тот опять с легкостью отражает его удар. С бессмысленной улыбкой на губах он метит полэксом в голову декана, на которого сзади надвигается третий телохранитель Райвена. Томас хочет броситься на помощь к своему собрату, но чувствует запах вина и прикосновение чего-то острого под ухом. Лезвие ножа.

Это Райвен.

– Не вмешивайся. Давай посмотрим, – говорит он. – Прежде чем убить быка, его сначала нужно подразнить. Так гласит закон, да будет тебе известно.

Очень скоро все кончено. Великан делает ложный выпад. Декан не поддается на обман. На него нападает третий человек из свиты Райвена, декан блокирует боковой удар и даже отпихивает его назад. Очередной ложный выпад со стороны великана. На этот раз декан проглотил наживку. Он устремляется вперед, целясь посохом в горло громилы. Тот отступает вбок и наносит ему рубящий удар полэксом. Раздается хруст, как будто лопата вгрызлась в землю.

Яростный рев декана стихает до визгливого скулежа. На нетвердых ногах он идет вперед. Из раны – от горла до грудины – хлещет кровь. С трудом сделав несколько шагов, он падает на колени, роняет руки до самой земли. Вокруг него на грязной траве быстро натекает лужа крови. Он валится в нее, лежит, конвульсивно подергиваясь. Мгновением позже замирает. Кровь постепенно останавливается, и ветер уносит ее запах.

Во дворе тишина. Каноники – череда бледных лиц – стоят в ряд.

– Что ж, отлично, – произносит Райвен. – Теперь твоя очередь.

Томас чувствует, как острие ножа щекочет ему шею, но страх исчез. Если ему суждено умереть, пусть это будет теперь, и чем скорее, тем лучше. Деревянным башмаком он резко, со всей силы наступает на носок сапога Райвена. Тот взвыл. Томас поворачивается, локтем заезжает ему в открытый рот. Райвен опрокидывается на спину. Из-под его рубашки в грязь вываливаются четки. Томас наклоняется, подбирает их.

К нему направляется великан.

– Прекратите! – вдруг взывает приор пронзительным от волнения голосом, вскидывая руки. – Прекратите, во имя Господа! Во имя всего святого!

Не замедляя шага, верзила бьет его наотмашь по лицу тыльной стороной ладони. Приор падает. Великан пинком, словно игрушку, отбрасывает его со своего пути и надвигается на Томаса.

Тот медлит лишь мгновение, а потом наконец-то следует совету декана. Сует под одежду четки и бросается к галерее. Подтягивается на руках, залезает на крышу.

– Убей его! – слышит он крик Райвена и чувствует, как пальцы великана вцепляются в нижний край его туники. Томас отбрыкивается. Великан снова пытается поймать его за подол, но не дотягивается. Томас карабкается по крыше трапезной, стуча по ней деревянными башмаками. Чувствует, что черепица под его ладонями теплая. Он скатывается на внешний двор, грузно падает, неуклюже поднимается на ноги.

Из двери за его спиной доносится шум: кто-то бежит через трапезную. Он отодвигает засов на воротах для нищих и выскакивает за стены монастыря. После дождя земля оттаяла, мельничное колесо снова крутится. Дым поднимается от черных кругов на поле, где люди Райвена ночью жгли костры. Солдаты уже ушли, на поле ни души. Лишь на берегу реки у брода копаются двое послушников.

Томас останавливается. Куда теперь? Мысли в голове путаются. Он оборачивается. Великан вылетает за ним со двора. Хоть и босой, бежит он быстро, размахивая своим огромным полэксом. Томас замечает чей-то силуэт у реки, возле мельницы, где лежит перевернутая лодка паромщика. И напрямик мчится туда через поле, крича:

– Помогите! На помощь!

Того, кого он там углядел, уже и след простыл, а может, ему тот человек просто померещился. Томас хватается за лодку. Грубо сколоченная, с плоским днищем, она гораздо тяжелее, чем он думал. Нагнувшись, он пытается ее перевернуть, но сил не хватает. Он бросает взгляд вокруг, ища шест паромщика: если не сумеет с его помощью перевернуть лодку, то хотя бы использует как оружие.

Великан приближается.

Шеста нигде не видно.

Ничего нельзя поделать.

Томас поворачивается лицом к великану.

– За что? – кричит он. – За что ты меня?

Кажется, что верзила вообще не понимает его вопросов. Лицо у него невыразительное, как у человека, который доит корову или моет посуду. Руку с полэксом он опустил, словно больше не нуждается в оружии. Возвышается над Томасом. Тот пытается ударить его кулаком. Великан ловит его руку. Ладонь у него твердая, как дерево. Он выкручивает Томасу руку, заставляя его опуститься на колени.

– За что? – снова кричит Томас. – Что я тебе сделал?

Великан не отвечает, но, отбросив полэкс, хватается за плечо и без труда отрывает от земли, будто поднял соломенную куклу. Томас дает ему пинка между ног. Никакой реакции. Словно тот вообще не чувствует боли. Великан хватается за горло, так что Томас чувствует давление каждого пальца, и пригибает спиной на перевернутую лодку. Томас сопротивляется, брыкается. Бесполезно. Рука у него на горле сжимается. Великан гладит Томаса по щеке, в его

глазах появляется почти нежное выражение. Но потом Томас видит, как подушечка грязного большого пальца напозает на его правый глаз.

Он издает вопль.

Глава 4

Услышав тревожный набат, приоресса уводит монахинь в часовню и запирает за ними обитую железом дверь на замок. Помещение освещает дрожащее пламя свечей, все готово для богослужения. Монахини в смятении опускаются на колени, начинают молиться.

Кэтрин с беспокойством посматривает на Элис. Та бледна как полотно, ее прежняя решимость испарилась; она в слезах бормочет невнятные молитвы, раскачиваясь на коленях и бессознательно теребя в руках четки. Наконец спокойный перезвон колоколов уведомляет, что опасность миновала. Монахини все разом поднимаются с колен и берутся за руки. Разговаривать в храме запрещено, дабы не мешать молиться каноникам за стеной, разделяющей неф храма, но они вполне успешно общаются жестами. Элис обхватывает Кэтрин худыми руками, крепко ее обнимает.

Через некоторое время монахини возвращаются на свои места, снова преклоняют колени и молча воздают благодарность Господу за избавление от неизвестной им опасности. Кэтрин благодарит Его за спасение от всадников и – пожалуй, еще более ревностно, так как первая угроза миновала, – за то, что каноника никто не видел во дворе на женской половине монастыря.

Даже вообразить трудно, какое наказание ждало бы ее, если б кто-нибудь его заметил, ибо с тех пор, как много лет назад она впервые ступила в монастырь, приоресса постоянно ужесточала для нее наказания. На первых порах Кэтрин еще согревала память о материнской любви (во всяком случае, так ей теперь представлялось), и потому тяготы существования, которое для нее изменилось в одночасье, казались почти невыносимыми. Но с течением лет она поняла, что монастырская жизнь была бы далеко не столь суровой, если б ее не отравляла изощренная жестокость приорессы.

В первые годы Кэтрин долгие недели проводила одна, в заточении своей кельи, питаюсь только ржаным хлебом и чечевицей, да еще иногда, если повезет, соленой рыбой. Она часами стояла на коленях и, сама не зная о чем, молилась Господу, в которого не очень-то верила. Невзгоды сыпались на нее одна за другой, каждая – расплата за поступки, которых она не совершала, а то и просто так, непонятно за что, и Кэтрин стала задумываться, а правда ли, что Бог – тот самый милосердный Отец Небесный, которому служат священники. А может, Бога вообще не существует? Или Он бессилен? Она не могла поверить, что Бог мстителен и желает ей столь лютых страданий.

Она поделилась своими сомнениями с одной из сестер – с юной монахиней, которую считала в чем-то похожей на себя. Часа не прошло, как об этом узнала приоресса. В тот же вечер всех монахинь собрали, чтобы присутствовать при публичном наказании Кэтрин: сестра Джоан держала ее, а приоресса изо всех сил стегала бичом, кряхтя от натуги. Гордыня – смертный грех, кой должно истребить с корнем, приговаривала приоресса, тяжело отдуваясь. Это было первое из многочисленных телесных наказаний, которым Кэтрин подвергалась за время пребывания в монастыре, и теперь, более десяти лет спустя, спину и ноги ее сплошь покрывает узор из мелких плотных рубцов.

Позже ей поручили каждое утро выносить ночную вазу приорессы. Кэтрин выразила протест, заметив, что это должны делать послушницы, они же выносят за остальными монахинями. За что ее снова отстегали и тотчас же отправили нести к реке ведро с нечистотами, хотя кровь от ран под туникой еще не высохла.

Сейчас она наклоняется вперед, устремляя взгляд на приорессу. Та стоит на коленях за несколько человек от нее и молится, положив массивные ладони на молитвенную скамейку, – воплощение набожности. Кэтрин виден ее профиль, и она невольно отмечает, до чего же приоресса неприятная женщина: челюсть тяжелая, густые брови сердито сдвинуты даже во время

молитвы. А сама крупная, здоровая, невероятно сильная, с широкими плечами, как у мужчины. Когда злится, в ярости, прямо-таки видно, как в ее жилах клокочет кровь ее предков-викингов.

Окончив молитвы, приоресса встает с колен и рубящим жестом велит монахиням подняться и выстроиться в привычном порядке. Немного выждав, она ведет их через неф к северному выходу, у которого стоит сестра Джоан. Кэтрин и Элис, обе с опущенными глазами, идут парой, замыкая строй. Когда проходят мимо сестры Джоан, та наклоняется и щиплет Кэтрин за локоть, привлекая ее внимание.

Глаза у Джоан как щелки, мелкие острые зубки обнажены в усмешке. Она над чем-то смеется, тыча пальцем в Кэтрин. Кэтрин вся похолодела.

Ну конечно, каноника заметили во дворе женского монастыря.

Почти ничего не видя от отчаяния, Кэтрин шествует за другими монахинями через двор в зал капитула²⁶. В зале без какого-либо декора на видном месте – возвышение, на котором восседает приоресса, словно королева, склонив голову в молитве. Каменный пол устлан камышом, шуршащим под ногами. Монахини входят в зал, рассаживаются на низкой скамье и все так же безмолвно надевают капюшоны, чтобы не видеть лиц друг друга во время молитвы. Закончив молиться, приоресса обычно читала им выдержки из мартиролога²⁷, но сегодня она читает четвертую главу Устава святого Августина.

– В четвертой главе устава, – провозглашает она, – говорится о важности соблюдения целомудрия.

Кэтрин чувствует, как внутри у нее что-то екнуло.

– Как вам следует поступить, – спрашивает приоресса, – ежели заметите в глазах одной из сестер выражение непристойного беспутства? Предостережете ее, дабы родившееся зло не разрослось, но было немедленно исправлено? Или изобличите порок подобно тому, как врачевательница вскрывает язву?

Приоресса оглядывает монахинь, как будто ожидая ответа. Все молчат. Она закрывает книгу и отходит от кафедры.

– Расскажу вам одну поучительную историю, – продолжает приоресса, – ибо это такой пример, который, возможно, вас вдохновит. Во времена епископа Генри в Уоттоне в провинции Йорка, к северу отсюда, существовал монастырь девственниц. Туда приняли послушницей пятилетнюю девочку. Детские годы она проводила счастливо, в молитвах и молчаливых размышлениях, но по мере взросления стала проявлять признаки девической развязности.

Приоресса помолчала, дабы придать больше важности своим словам.

Взор Кэтрин притягивает плотно закрытая дверь.

– И вот однажды, – рассказывает приоресса, – в монастырь пришли несколько послушников, чтобы выполнить какие-то работы, и девушка обратила внимание на одного из них, ладного парня в полном расцвете юности.

Монахини заволновались, живо рисуя в воображении эту картину, хотя очень немногие наблюдали подобное воочию. Элис, кажется, наконец-то понимает, о чем речь, ибо она снова начинает стонать и раскачиваться, как недавно стонала и раскачивалась в церкви.

– И тот юноша тоже обратил внимание на эту девушку, – продолжает приоресса, избегая смотреть на Кэтрин. – И они оба посеяли друг в друге семена вожделения, а вскоре перешли от кивков к жестам и стали встречаться под покровом ночи.

Монахини ахают от ужаса.

---

²⁶ В монастырских комплексах капитул – зал, где собираются все члены монастырской общины, чтобы послушать чтение главы (capitulum) из устава, отсюда и название помещения. Здесь также они обсуждают различные вопросы, принимают важные решения, сознаются в своих прегрешениях и обличают грехи других.

²⁷ Мартиролог – в церковной литературе Средних веков сборник повествований о христианских мучениках, имена которых приводятся в календарном порядке в соответствии с датой их мученичества.

– Заткните уши, о Христовы невесты! – зовет приоресса с видимым удовольствием. – Ибо той ночью послушница вышла к юноше девственницей, а потом тут же была осквернена телесно, будучи ранее оскверненной духовно!

– Какой стыд, – бормочет одна из монахинь. – Какой позор!

Остальные выражают согласие с ней. Приоресса дает им время успокоиться и начинает снова:

– Очень скоро доказательство ее греховности стало очевидным, и, когда вскрылось, что монахиня носит в своем чреве плод порока, потрясенные девственницы сестринской общины, в возмущении всплеснув руками, набросились на нее, сорвали с головы покрывало и избили безо всякой жалости! Кто-то требовал привязать ее к дереву и сжечь. Кто-то кричал, что с нее надо живьем содрать кожу!

Элис прижимает ко рту четки, целует распятого Христа.

– Но милосердие возобладало, – успокаивает монахинь приоресса, – и грешницу заточили в темнице, приковав ее руки к стене, а цепи, коими были скованны ее лодыжки, просунули в окно и прикрепили к тяжелому бревну из тисового дерева, так что всю ночь она провела в растянутом положении. На следующий день монахини попросили каноников разобраться с юношей, который стал причиной всех этих бед. Одного из каноников – хрупкого паренька с девичьей фигурой – нарядили в одежду этой монашки и отправили в условленное место свидания в назначенное время. И, конечно же, там появился этот развратный юноша, он тут же обрушил свою похотливую алчбу на того, кого принял за послушницу!

Монахини снова ахают в ужасе.

– Сторая от вожделения, он был словно жеребец перед кобылой. Но тут из кустов появились другие каноники. Они жестоко избили его палками, чем уняли его возбуждение.

Элис, не помня себя от страха, иступленно молится, падает на колени, пытается что-то сказать в свое оправдание, и все остальные монахини тоже что-то бормочут и бубнят нараспев.

Кэтрин думает только о бегстве.

Приоресса вскидывает руку, жестом веля всем угомониться.

– Ежели б на том все кончилось, – продолжает она, подняв вверх палец, – ежели бы на том все кончилось, сей яркий пример доблести в защиту непорочности, возможно, был бы предан забвению, но девы монастыря попросили каноников отдать им этого негодяя, якобы для того, чтобы допросить его со всем пристрастием. И когда он оказался в руках монахинь, их стремление вознаградить добродетель было столь велико, что они, положив юношу на стол, привели из темницы провинившуюся послушницу, сунули ей в руки кухонный нож и заставили ее лишить сие чудовище его мужеского достоинства!

Одна из монахинь вскрикивает. Элис вдруг наваливается на сестру Марию. Та шатается под ее тяжестью, не может удержать. Элис соскальзывает по ней на пол, с глухим стуком ударяясь головой о каменные плиты. Врачевательница спешит к Элис, монахини окружают лежащее на полу тело. Кэтрин делает шаг назад и, улучив момент, когда все столпились вокруг Элис, поворачивается и устремляется к двери. Приорессу, которая по-прежнему стоит за кафедрой, она даже взглядом не достаивает.

Кэтрин распахивает тяжелую дверь и выбегает во двор, в холодные объятия дневного света. Краем глаза замечает сбоку колыхание темной материи. Делает два шага и вдруг чувствует, как голень разрывает жуткая боль. Она спотыкается и падает, растянувшись на снегу. Во рту – вкус крови. Кэтрин смотрит вверх и видит, как сестра Джоан, переступив через нее, поднимает дубинку и бьет со всей силы. И все, больше ничего не помнит.

Очнувшись, она понимает, что лежит на спине в одной из конюшен. Ноги ее привязаны к железному обручу, закрепленному высоко на стене. Сестра Джоан, нагнувшись, связывает ей руки над головой. Убедившись, что узел достаточно тугой, сестра Джоан продевает веревку через другой обруч за головой Кэтрин и натягивает ее, так что тело девушки отрывается от

пола. Веревка врезается в запястья и лодыжки, но Кэтрин молча терпит боль. Сестра Джоан не увидит ее слез.

Джоан закрепляет веревку и на мгновение наклоняется к Кэтрин.

– Шкуру бы с тебя спустить, – шипит она, – как намеревались поступить с той монашкой.

Кэтрин чувствует, как немолодая монахиня шершавой ладонью резко проводит по ее ноге – от лодыжки до бедра, задирая юбку, так что та собирается в ворох вокруг талии. Дыхание Джоан становится более тяжелым. В следующее мгновение она поворачивается и уходит, заперев за собой дверь. Кэтрин всхлипывает, слезы скатываются к вискам, смачивая волосы. В конюшне мало воздуха и темно, отсюда не слышно звона колокола, который до сего утра регулировал распорядок ее жизни; она не знает, сколько уже времени здесь находится. Кажется, целую вечность. Она успевает дважды сходить под себя прежде, чем дверь снова открывается и конюшню освещает пламя двух свечей. Две монахини – одна из них Джоан – расступаются, пропуская приорессу.

Та брезгливо принохивается.

– Сестра Кэтрин, – молвит она, – наше сестринство в крайнем возбуждении, не может решить, как поступить с тобой за тот страшный позор, что ты навлекла на нашу общину.

Кэтрин пытается ответить, но у нее сдавило горло.

– Я просила их, чтобы тебе позволили покинуть монастырь, – продолжает приоресса, – идти своей дорогой по белу свету, а мне отвечают, что, изгнанная из обители, ты навлечешь на нас еще больший позор.

Молчание. Приоресса в раздражении смотрит на Кэтрин.

– Дитя, та монашка из Уоттона кричала, – говорит она, – кричала, чтобы ее подвергли бичеванию. Кричала, что она заслуживает наказания! А ты молчишь, будто твой грех не заслуживает ни порицания, ни бесчестья.

– Святая мать, – шепчет Кэтрин, наконец-то обретя голос. – Я сказала канонику всего три слова. Он пришел мне на помощь, когда за стенами обители за мной гнались всадники. Если б не он, меня бы уже не было в живых.

– Ха! Даже сейчас в твоих устах резвится дьявол, дитя мое! Ведь ты ни словом не упомянула нашу сестру Элис.

Кэтрин непроизвольно издает судорожный вздох. Она не хотела упоминать Элис, не хотела навлекать на нее неприятности, не хотела, чтобы ее хулили и наказывали.

– Сестра Элис вообще ничего не сказала канонику. Ни слова! Она даже не смотрела на него!

– Зато каноник на нее смотрел! Сегодня она всю ночь будет молиться в часовне, тысячу раз прочтет «Верую», а утром исполнит твою покаянную обязанность – отнесет ведро из моей кельи к навозной куче...

– Нет!

Кэтрин извивается, но приоресса внезапно подступает к ней, широким лицом заслоняя от Кэтрин все вокруг. Дыхание у нее зловонное.

– Нет? – повторяет она. – Нет? Ты осмеливаешься указывать мне?

– Святая мать, нельзя посылать Элис к реке. Те всадники будут там. Я это знаю! Они будут ее поджидать. Умоляю вас, ради всего святого!

Голос ее переходит в крик. Громко хлопает дверь.

Ночь длится бесконечно. Кэтрин раза три-четыре приходит в сознание, но лишь на несколько мгновений, и каждый раз надеется, что она очнулась от кошмара. Под утро она просыпается оттого, что кто-то, появившись в дверях, выплескивает на нее ведро воды. Она резко выгибается, потягивается (мышцы за ночь свело), отчего веревки еще глубже врезаются в раны на запястьях и лодыжках. Рядом стоит сестра Джоан. Ножом она обрубаёт веревку, которой

руки Кэтрин привязаны к стене. Кэтрин падает на пол, но не вскрикивает: сил не осталось. Она лежит на полу, когда появляется приоресса. Та подходит и снова окидывает ее взглядом.

– Жива? – спрашивает приоресса.

Джоан поддевает Кэтрин носком деревянного башмака.

– Жива.

– Поднимай ее. Пусть отнесет два ведра воды в лазарет. Там для нее есть работа.

Приоресса уходит, а Джоан поднимает Кэтрин, подхватив под мышки.

– Шагай, – командует Джоан.

Она убирает руки, и Кэтрин падает на пол. Джоан снова пытается ее поднять, но она опять падает: ноги ее не держат. Джоан волоком тащит Кэтрин из конюшни. Кровообращение постепенно восстанавливается, Кэтрин вскрикивает и от боли снова валится на пол. Сестра Джоан ее то тащит, то толкает и наконец с трудом вытаскивает во двор.

Занимается рассвет, идет дождь. Снег превратился в слякоть.

Сверху раздаются размеренные удары колокола, звучат как погребальный звон. Кэтрин поднимает ведро из колодца так медленно, что сестра Джоан теряет терпение и принимается ей помогать. Вместе с Кэтрин переливает воду в два ведра поменьше и даже помогает ей встать на ноги. Но затем, идя позади Кэтрин, осыпает ее ругательствами, обзывает дьяволицей, блудницей и более ужасными словами.

Труднее всего преодолеть подъем по каменной лестнице. От боли у Кэтрин кружится голова. Наверху Джоан открывает дверь и вталкивает шатающуюся Кэтрин в лазарет, где пол выстлан соломой. Раньше ей не позволялось бывать в этом беленом помещении над теплой комнатой²⁸. Оно вытянутое, с низким потолком, вдоль стен – шесть соломенных тюфяков в два ряда; в конце длинного прохода, словно алтарь в храме, широкий стол, заставленный пузырьками с настойками и мешочками с травами, приготовленными врачевательницей; рядом со снадобьями лежат пестик и ступка.

В том дальнем конце комнаты Кэтрин видит приорессу. Та стоит, сгорбившись над одним из тюфяков, словно хищная птица над добычей. Мельком подняв глаза на вошедших, она снова обращает взгляд на тюфяк. Молвит недовольно:

– Наконец-то.

Джоан подталкивает Кэтрин, ковыляющую между тюфяками; солома на полу приглушает стук ее деревянных башмаков. На тюфяке, у которого стоит приоресса, кто-то лежит, укутанный в льняной саван.

Это Элис. Она мертва. Покрывала на голове нет, светлые волосы слипшимися прядями лежат на простыне. Правый глаз заплыл. Подбородок исцарапан, словно его терли песком, каким чистят полы. На шее кровоподтеки и нечто похожее на звериные укусы.

У Кэтрин такое чувство, будто у нее изнутри что-то вырвали. Душа болит так же сильно, как и все тело. Она ощущает, как в ней разгорается ярость.

– Я же говорила вам... – начинает она, но приоресса прерывает ее.

– Она сама навлекла на себя беду, сама виновата. Некогда она была для нас примером прекрасной невинной добродетели, но в последние дни жизни ее обуяло развратное зло, и она предпочла Господу дьявола.

– Нет, – возражает Кэтрин. – Это сделали вы. Вы ее убили.

– Молчать! – отсекает ее приоресса.

Джоан бьет Кэтрин.

– Сестру Элис сбили с пути добродетели рогатые легионы дьявола.

---

²⁸ В Средние века почти все помещения в монастыре не отапливались. Там устраивалась одна специальная теплая комната, где поддерживался огонь, чтобы монахи могли немного согреться, растопить чернила или навошить обувь.

Джоан бьет ее еще раз, сильнее. Кэтрин, шатаясь, делает шаг вперед, ставит ведра на пол. Три женщины смотрят друг на друга поверх бездыханного тела Элис.

– Это вы, – не унимается Кэтрин. – Вы виновны в ее смерти не меньше, чем те всадники.

Джоан размахивается, чтобы еще раз ее ударить, но Кэтрин поворачивается и перехватывает ее кулак.

– Довольно! – говорит она, выкручивая руку Джоан с силой, удивительной для нее самой. Ставшая пунцовой Джоан высвобождает руку.

– Гнев – смертный грех, дитя мое, – бормочет приоресса. – Во искупление ты обмоешь нашу сестру для погребения. Я прикажу послушницам принести гроб. Чем скорее мы ее похороним, тем лучше.

Они уходят. Кэтрин стоит над телом Элис. Теперь, когда она одна, по щекам ее льются слезы и капают на саван из грубого полотна, в который укутана Элис. Наконец Кэтрин берет кусок чистой ткани со стола врачевательницы, опускается на колени в изголовье ложа Элис, окунает лоскут в ведро и начинает бережно вытирать лоб несчастной.

В этот момент она завидует Элис. Ее время на земле истекло. Она ушла в мир иной, где не будет слез и страданий. Смерть – это избавление.

Кэтрин вытирает с лица Элис засохшую кровь, слюну, слезы, и ссадины с кровоподтеками на коже проступают более явственно. Когда она промокает тканью неповрежденный глаз Элис, ее вдруг охватывают сомнения. Она откладывает лоскут и прижимает кончики пальцев к разбитым губам девушки.

Неужели у нее разыгралось воображение?

Кэтрин прикасается ухом к груди Элис, и ей кажется, что она слышит слабое биение. Не доверяя себе, Кэтрин кидается к столу, на котором врачевательница держит свои снадобья. Сляканы и мешочки выставлены аккуратными рядами, самые большие сосуды стоят сзади. Кэтрин не знает, что ей нужно, а надписи на склянках и мешочках прочесть не может. Она откупоривает одну склянку, потом другую, вынимая пробки из свиных мочевых пузырей, нюхает содержимое, и вот из одного сосуда – большой зеленой бутылки – в нос ей бьет резкий запах, от которого в глазах появляются слезы, начинается кашель, а голова проясняется. Кэтрин спешит к Элис, выливает немного черной вязкой жидкости на лоскут. Закрывает бутылку, бросает ее на соседний тюфяк, подносит лоскут к носу Элис.

Та реагирует моментально. У нее дрогнули веки.

Элис жива.

Мгновение спустя она открывает глаза и смотрит на Кэтрин. Кэтрин поражена: такой ясный взгляд на фоне синяков и кровоподтеков. Ладонь Элис шевельнулась, пальцы поползли к руке Кэтрин.

– Подожди, – говорит ей Кэтрин. – Я приведу сестру-врачевательницу.

Элис чуть поворачивает голову и кашляет.

– Лежи спокойно, – говорит Кэтрин. – Не двигайся.

Она опростелью спускается по лестнице, выбегает во двор. У колодца приоресса беседует с сестрой Джоан. Обе оборачиваются к ней.

– Она жива! – выпаливает Кэтрин. – Элис жива! Где врачевательница?

– В альмонарии, – вздрогнув, отвечает приоресса. – Поспешите, дитя, приведите ее.

Спотыкаясь и оступаясь, Кэтрин бежит через монастырский двор к альмонарию. Помещение заперто на замок. Она барабанит в дверь, изо всех сил тянет на себя ручки. Дверь не поддается. Кэтрин громко зовет врачевательницу. Внутри – никого.

Кэтрин идет назад. В клуатре никого нет; приоресса и Джоан ушли. В нише у стены сидит одна из монахинь, что-то внимательно читает. Кэтрин направляется к ней.

– Сестра, ты видела врачевательницу?

– После службы она обычно ходит в библиотеку, – отвечает та, вздрогнув от неожиданности.

Библиотека расположена на противоположной стороне клуатра, над кладовой; туда ведет лестница в несколько ступенек. Еще одно помещение, в котором Кэтрин никогда не бывала. Врачевательница действительно там, стоит за кафедрой, на которой перед ней лежит фолиант.

– Сестра Мередит, – окликает ее запыхавшаяся Кэтрин. – Скорей. Сестра Элис жива.

Врачевательница смотрит на нее с недоумением.

– Рада это слышать, сестра, – отвечает она.

– Пойдем. Вы ей нужны.

Сестра Мередит оставляет книгу, идет следом за Кэтрин из библиотеки, спускается по ступенькам. Кэтрин внизу придерживает для нее дверь, потом ведет через двор.

– Куда мы идем? – спрашивает врачевательница.

– В лазарет, конечно.

– А почему Элис там?

– На нее напали. Я думала, вы знаете?

Что-то здесь не так. Пожилая женщина что-то бормочет, пока они поднимаются по лестнице в лазарет. Приоресса и сестра Джоан уже там, возле Элис. Когда открывается дверь, обе отступают от тюфяка, на котором лежит Элис.

Внутри у Кэтрин холодеет.

Сестра Мередит торопливо идет мимо них и опускается на колени возле Элис. Ощупывает ее лицо и шею. Глаза Элис снова закрыты, волосы разметались по простыне. Сестра Мередит берет со стола маленькую медную чашу, ставит на грудь Элис и наливает в чашу воду из глиняного кувшина. И внимательно наблюдает. Потом оборачивается к Кэтрин и говорит:

– Но она мертва?

Приоресса и сестра Джоан пристально смотрят на нее.

Врачевательница наклоняется к Элис и приподнимает ей веко.

– Да, – подтверждает она. – Видишь? Эти пятна? Верный признак того, что она умерла от удушения.

Но Кэтрин не смотрит на Элис. Ее взгляд притягивает длинная царапина на шее сестры Джоан.

– У тебя на шее, – произносит она.

Джоан трогает царапину, потом смотрит на кончики своих пальцев, на которых виднеются следы крови. Раздвигает в нервной улыбке тонкие губы, обнажая острые зубки, и при этом прячет глаза.

И Кэтрин больше не сдерживается, бросается на Джоан. Та даже не успевает поднять руки. Кэтрин валит Джоан на тюфяк, нащупывает ее шею, вдавливая большие пальцы в рыхлое горло. Джоан сопротивляется. Выгибает спину, пронзительно кричит. Приоресса хватается за плечи, отрывает ее от Джоан и отшвыривает в сторону. Кэтрин при падении больно ударяется об пол. Джоан все вопит и вопит. Мечется на тюфяке, царапает себя, словно пытаясь отодрать что-то от спины. А потом изо рта и из носа у нее идет кровавая пена, заливая подбородок. Зубы краснеют от крови.

Приоресса застывает в оцепенении, прижимая ладони к щекам. Джоан чем-то давится. Она переворачивается на живот, и все трое видят, что в спину ей вонзились осколки зеленого стекла. По комнате распространяется одуряющий запах снадобья. Вонь проникает в горло, жжет глаза. Закашливаясь, монашки кидаются в другой конец лазарета.

На этот раз Кэтрин некому остановить. Она выскакивает из лазарета, сбегает вниз по лестнице, неуклюже несется через двор, мимо того самого места, где стоял каноник, и вылетает в ворота для нищих. Никакого плана у Кэтрин нет, только бы сбежать, и ей уже все равно, какая участь постигнет ее потом.

На болотистой пустоши местами еще лежит снег, но все больше виднеются трава и мокрая сырая земля. В полях Кэтрин замечает черные круги от костров. В воздухе витает сладковатый запах холодного дыма и нечистот. Прихрамывая, она бредет по полю в сторону деревушки у переправы через реку. На берегу Кэтрин видит двух послушников с лопатами в руках. Она сворачивает, направляясь к лодке паромщика, которая лежит около мельницы. Если удастся перевернуть и как-то столкнуть лодку в воду, она уйдет по реке, поплывет по течению, неважно куда.

Кэтрин доходит до лодки и пытается ее приподнять, но та слишком тяжелая, да еще и местами вмерзла в землю. Она находит шест паромщика – длинную палку из ясеня. И только собирается, орудуя шестом как рычагом, перевернуть лодку набок, когда замечает какое-то движение у ворот для нищих мужской половины монастыря. Оттуда кто-то выбежал. Мужчина. Наверное, за ней гонится, думает Кэтрин. Объятая паникой, она ищет, где бы спрятаться, и в конце концов укрывается за мельничными жерновами. Но потом различает, что это какой-то каноник мчится со всех ног. Из монастыря появляется еще кто-то.

– Боже милостивый! – восклицает Кэтрин.

Это тот самый великан, что гнался за ними накануне. Он по-прежнему босой, в руке все тот же жуткий топор. Кэтрин переводит взгляд на каноника. Ну да, это он. Бежит в ее сторону. К лодке. Пробует ее перевернуть, но, как и Кэтрин, почти сразу отказывается от этой затеи. Ищет, чем бы поддеть лодку, но потом в панике вздрагивает, видя, что громила приближается.

– За что? – кричит он. – За что ты меня?

Великан не отвечает.

Каноник пытается его ударить, но громила ловит его кулак и выкручивает ему руку. Каноник падает на землю.

– За что? – снова орет он. – Что я тебе сделал?

Великан без труда отрывает его от земли. Каноник пинается, но верзила держит его за горло. Несет на вытянутой руке. Каноник силится вырваться, брыкается, пытается отодраться от себя руки громилы, а тот прижимает его спиной к перевернутой лодке. Каноник продолжает брыкаться, но все тщетно. Великан наклоняется к нему и меняет руки: теперь уже левой прижимает каноника к лодке, а правую поднимает к его лицу. Каноник пытается увернуться, но великан гораздо сильнее. Он смотрит канонику в глаза и как будто гладит его по щеке, а потом большим пальцем накрывает его глазное яблоко. Каноник вопит.

Недолго думая, Кэтрин покидает свое укрытие за жерновами, бросается к лодке, от которой ее отделяют несколько шагов, и изо всех сил, какие у нее еще остаются, с размаху бьет шестом великана по затылку. Раздается треск, от которого у нее самой дрожат колени.

Громила выпускает из рук каноника, выпрямляется и стоит в недоумении, словно вдруг вспомнил о каком-то деле. Поворачивается, удивленно смотрит на нее сверху вниз.

Кэтрин делает шаг назад, снова поднимает шест. Великан идет на нее, раскинув руки. Она готова еще раз огреть его шестом, но видит, что на лице у него появляется бессмысленное выражение, глаза закатываются под лоб, а сам он кренился набок, качается и наконец грохается на землю.

Мгновение спустя он затихает.

Каноник прижимает к глазам ладони и бормочет молитву, хватая ртом воздух. Вскоре он перестает молиться, убирает руки от лица и обращает взгляд на Кэтрин. Потом приподнимается на локтях и смотрит на поверженного великана.

– Он мертв? – спрашивает Кэтрин.

Каноник встает и разглядывает великана более пристально.

– Вроде нет, – отвечает он.

У Кэтрин словно камень с души свалился, но беспокойство не улеглось. Они молчат. Поднимается ветер. Дождевые тучи уплыли, на небе снова белые облака. Кэтрин и каноник смотрят на стены монастыря, потом друг на друга.

– Тебя изгнали? – спрашивает он.

– Монахини видели, как я разговаривала с тобой, – кивает Кэтрин.

Она снова устремляет взгляд на монастырь. Из ворот для нищих мужской части обители выскакивают трое мужчин, один из них хромает. Обнажив мечи, они направляются к ним. Это те самые всадники, которые напали на них предыдущим днем.

– Брат, смотри! – показывает Кэтрин.

– На этот раз они нас точно убьют. – Каноник наклоняется и подбирает топор великана. Это грозное оружие: укрепленное лангетами²⁹ четырехфутовое дубовое древко со стальными заострениями на обоих концах; лезвие топора с обратной стороны уравнивает смертоносный шип. На лезвии – засохшая кровь, словно коричневые кружева. В руках каноника оружие кажется невероятно легким.

– Нельзя тебе с ними драться, – говорит Кэтрин. – Их же трое, даже эта штука не поможет.

– Со мной Господь, – отвечает каноник. – Он поможет.

– А где был твой Господь, когда этот громила собирался выдавить тебе глаза? – Она жестом показывает на великана.

Каноник вздрагивает. Смотрит на нее, открыв рот.

– К тому же, – продолжает Кэтрин, спеша избавить его от необходимости отвечать на ее богохульство, – Господь уже помог. Лодку нам оставил. Давай. Подсоби.

Она подсовывает шест под край лодки и снова пытается ее перевернуть. Опять не получается.

Видя ее мучения, каноник приходит на помощь: подсовывает топор под борт лодки, и вдвоем они переворачивают ее, обнажая серую траву и семейство дохлых крыс. Каноник откладывает топор в сторону, вместе они толкают лодку по земле и спускают в бурюю реку, где уровень воды поднялся из-за растаявшего льда.

Люди, что вышли из ворот монастыря, бегут к ним по полю, что-то кричат.

Каноник, стоя в воде, держит лодку. Кэтрин бросает в нее гребной шест и забирается сама.

– Залезай! – говорит она, протягивая ему руку. – Скорей!

А каноник все еще мешкает. Он что, с ума сошел?

– С тремя ты не справишься! – кричит она. – Тебя убьют! А потом и меня! Они убьют нас обоих. Залезай!

И тогда он принимает решение. Подбирает с земли топор, кладет его в лодку. Потом сам запрыгивает, прежде толкнув лодку в стремнину. Суденышко качается, оседает и, кажется, вот-вот пойдет ко дну, но потом поднимается и начинает кружиться на воде.

Преследователи уже совсем близко. Кэтрин различает их черты. У одного на лице кровь. Крича, они бегут мимо поверженного громилы. Тот, что в белой рубашке, спускается по берегу и заходит в воду почти по пояс. Но они понимают, что опоздали. Тот, что вошел в реку, с досады бьет кулаком по воде.

Каноник погружает гребной шест в воду и, отталкиваясь от дна, посылает лодку на середину реки, где течение сильное. Те двое, что остались на берегу, следуют за ними вдоль русла. Тот, что в воде, выходит на берег и кричит что-то канонику. Кэтрин слов не разбирает. Скоро они минуют переправу, и мужчина исчезает из виду.

---

²⁹ Лангеты – металлические полосы, спускавшиеся от головки оружия вниз по сторонам древка и предназначавшиеся для защиты его от перерубания.

Кэтрин еще долго через плечо смотрит назад, наблюдая, как сначала крыши, а затем наконец и колокольня монастыря растворяются вдали. Впервые на ее памяти она оказалась вне поля зрения обители и теперь плывет по реке, уносящей ее в неведомые края.

Часть II

Через узкое море февраль–июнь 1460 г.

Глава 5

Монахиня сидит на носу лодки и внимательно смотрит по сторонам. На коленях у нее лежит полэкс великана. Она потирает покрытые волдырями ступни. Томас не может придумать, что ей сказать.

– Куда мы теперь? – наконец молвит она.

Хороший вопрос.

– Нужно держать путь в Кентербери. – В его голосе звучит уверенность, какой он вовсе не чувствует в себе. – Падем в ноги верховному приору, изложим ему свои обстоятельства. Он выслушает нас и восстановит справедливость.

Монахиня оборачивается к нему. Глаза у нее голубые, а лицо бледнее пергамента.

– В Кентербери? А где это? – спрашивает она.

Томас не знает.

– Там, где находится верховный приор, – отвечает он.

Пауза.

– То есть ты не ведаешь?

– Нет, – признается он.

Монахиня кивает и снова поворачивается к нему спиной. Томас пребывает в смятении. Подумать только, еще день назад все его мысли были заняты лишь тем, как он будет золотить выпуклую букву Т. Монахиня больше не говорит ни слова. Через некоторое время туман начинает рассеиваться, над ними кружат чайки – черные крылья на фоне светлых облаков.

– Опять снег пойдет, – произносит Томас, думая о предстоящей ночи.

Потом вдруг – треск камышей, крик с берега.

– О Господи всемогущий на небесах...

Это великан. Он продирается к ним через тростниковые заросли. Томас налегает на шест, и лодка, кренясь, уходит дальше от берега.

– Оставь нас в покое! – кричит монахиня. – Ради всего святого, оставь нас!

Великан устремляется к ним, но у кромки воды останавливается. Дико озирается, орет что-то невразумительное. Как будто увяз в земле.

– Милостивая Дева Мария, – выдыхает Томас. – Он боится воды.

Великан смотрит на них, решая, как ему быть. Потом бежит вдоль реки, грудью рассекая заросли. Перед ним, неторопливо взмахнув крыльями, взлетает выпь.

Главное – не сбиваться с ритма, отталкиваясь шестом, рассуждает Томас. И держаться правого берега. Тогда не надо думать ни о чем другом – ни о том, что случилось, ни о том, что еще может произойти. Он ощущает пульсацию в замерзших ногах, в голове звенит от ударов Райвена, но он продолжает орудовать шестом, снова и снова погружает его в воду, не обращая внимания на то, что вода заливают руку. А великан трусит рядом с ними по берегу.

Потом верзила внезапно останавливается. Стоит в зарослях камыша и осоки, где среди высоких мокрых стеблей завывает ветер. Но теперь сквозь его нестройную песню Томас различает еще какой-то шум. Великан кричит, показывая вперед, и в лице его отражается жалость. Он снова кричит и машет руками.

– Брат? Видишь? – Монахиня оборачивается к Томасу и тоже показывает вперед.

А перед ними поросшие камышами берега разверзаются, и река, по которой они плывут, впадает в другую, а этот новый поток – широкий, полноводный из-за выпавших дождей и таяния снега, – выходя из берегов, устремляется на юг. Лодка входит в эту вспученную мутную реку, и ее подхватывает бурное течение. Вода заливаема через борта, скапливается на дне у их ног. Монахиня принимается вычерпывать ее руками.

– Мы тонем, – говорит она. – Нужно пристать к тому берегу.

Однако река становится все шире и несет их вперед. Они минуют сети и садки для ловли рыбы и угрей. Всюду по берегам камыши побиты и срезаны. В поле копают мотыгами двое мужчин в бурых капюшонах. Завидев лодку, они перестают работать и провожают их взглядами. Равно как и всадник с ловчей птицей на руке.

С помощью шеста Томас направляет их посудину к небольшой деревушке, где высится церковная башня, но, когда они приближаются, ватага мальчишек, бросающих камни в петуха, переключает свое внимание на чужаков – целится в их тонущее суденышко. Они уже стоят по щиколотку в воде, а лодка все глубже погружается в реку. И ничего с этим не поделаешь. Томас налегает на шест, поворачивая лодку к западному берегу. Ее нос в последний раз уходит под воду и врезается в густые камышовые заросли. Томас выпрыгивает из лодки и оказывается по самые бедра в ледяной воде. Он придерживает лодку для монахини, но та теперь едва способна двигаться. Дюйм за дюймом она подбирается к краю и падает в бурюю воду. Томас торопливо обходит лодку, теряя башмаки на илистом дне, нерешительно берет ее за руку. Она не сопротивляется, и он помогает ей вылезти на берег. Потом возвращается за полэксом и только успевает забрать оружие, как лодку уносит течением.

На берегу он отжимает мокрые полы своего одеяния и смотрит по сторонам. Ничего и никого: только камышовые заросли и наносы ила. Вдалеке – лес. А за лесом что, дым поднимается? Вероятно, там какая-то деревня.

– Нужно идти. – Томас взмахом руки показывает, что они должны направиться вниз по реке. – Обязательно набредем на какое-нибудь селение. Там и спросим дорогу до Кентербери.

На лице монахини отражается сомнение. Он видит, что ее запястья и лодыжки изранены. Она тоже потеряла один башмак. Оба понимают, что долго идти они не смогут.

– Скажем, что держим путь по монашеским делам.

– Вместе?

Томас хмурится. Она права. Они должны разойтись. Он глядит в сторону верховья реки. К ним плывет одинокий лебедь. Томас наблюдает за ним. В следующее мгновение из камышей появляется второй лебедь, присоединяется к первому, вдвоем они проплывают мимо и исчезают из виду. Томас вспоминает строки, которые он начертал на пергаменте.

– «Двоим лучше, нежели одному, – цитирует он, – потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего».

– «Но горе одному, когда упадет, – продолжает монахиня, – а другого нет, который поднял бы его»³⁰.

Томас впервые внимательно разглядывает монахиню. В лице ожесточенность, черты резко очерчены, вся будто состоит из одних углов.

– Екклесиаст, – говорит монахиня. – Я не знаю этого стиха полностью.

– Я тоже, – через силу улыбается Томас. – Но нам лучше быть вместе, хотя бы какое-то время.

Она кивает. Томас берет полэкс, закидывает его за плечо. Хорошо, что у них есть с собой оружие. Но странно, что в его руках оно как родное. Теперь, когда кровь с топора смыта, видна искусная работа мастера – узоры, вытравленные на металле. Неудивительно, что великан хотел вернуть свое оружие. Должно быть, оно стоит немалых денег.

³⁰ Екклесиаст, гл. 4, стих 9 (Синодальный перевод).

– Это всегда можно продать, – говорит Томас.

Они пускаются в путь, идут вдоль реки. У монахини зубы стучат. Томас вспоминает свой поединок с Райвеном, мысленно оценивая каждый замах, каждый удар, и пытается представить другой исход, при котором декан остается в живых. Не получается. Он осознает, что очень крепко стискивает руками древко – так сильно, что аж голова болит.

Эх, сейчас он готов отдать что угодно, лишь бы увидеть Райвена распластанным у своих ног!

Спустя некоторое время появляется первая снежинка – плавно опускается, кружась на ветру. За ней еще одна, потом еще и еще, и вскоре белые хлопья начинают летать во множестве, будто перья в курятнике.

Оба одновременно замечают полуразвалившуюся хижину и ускоряют шаг, надеясь найти там что-нибудь. Когда подходят к хижине, монахиня отстает от Томаса, а тот просовывает голову в дверь. Рассчитывает увидеть хлеб на столе, горшок с похлебкой, кожаную кружку эля и – хвала Иисусу! – пылающий очаг. Но внутри сумрачно, стоит запах холодной золы, а в углу громоздится что-то неживое.

– Есть что-нибудь?

Томас мотает головой. Монахиня рукавом вытирает нос и пожимает плечами. Он снова смотрит на нее. Что-то в этой женщине вызывает беспокойство. Что именно? Томас вспоминает ее слова. «А где был твой Господь, когда этот громила собирался выдавить тебе глаза?» Томас качает головой. Пытается осмыслить ее вопрос. Где был Господь? И что это значит? Что Он был где-то еще? Не там?

Монахиня, словно догадываясь, что Томас думает о ней, обращает на него взгляд, но тут же отводит глаза. Оказывается, они оба стыдятся смотреть друг на друга, осознает он. С трудом переставляя ноги, они бредут и бредут. У самого леса монахиня останавливается и протягивает вперед худую руку. Томас хочет что-то сказать, но она прикладывает палец к губам и ведет его вверх-вниз: не шуми. Этот знак известен членам всех религиозных сообществ, которые вкушают пищу в молчании, а для общения используют язык жестов. Затем монахиня быстро поднимает обе руки и правым указательным пальцем касается носа: дым, запах. Она учуяла дым.

Томас не уверен, но, возможно, сквозь запахи снега и собственного тела он тоже улавливает некий слабый аромат. Они идут молча по краям тропы, пока не проходят под навесом из переплетенных голых ветвей вязов. Здесь запах дыма – чудесный, манящий – ощущается сильнее.

И теперь в темноте мерцает свет. Чуть в стороне от тропинки, на поляне. Костер. Томас выставляет перед собой руки ладонями вверх, потом потирает их одна о другую – показывает, что видит костер. Монахиня кивает. Огонь она заметила гораздо раньше него, догадывается Томас. Они скользят меж деревьями: мягкий ковер из опавших листьев приглушает их шаги. Впереди виднеется маленький костерок, отбрасывающий круг неяркого света. Дальше в темноте фыркает то ли лошадь, то ли мул. Глаза животного то и дело сверкают: в них отражаются блики огня. Над костром на треножнике висит котелок. Томас унюхал аромат рыбной похлебки, примешивающийся к запаху древесного дыма.

У него засосало под ложечкой.

С тех пор как утром декан принес ему хлеб с пивом, у него крошки во рту не было. У Томаса учащается дыхание, и у его спутницы тоже, слышит он.

Однако где же хозяин всего этого богатства?

Они притаились в темноте, сидя на корточках за поваленным деревом. Монахиня теперь совсем рядом, так что их колени соприкасаются и он ощущает ее дыхание на своей щеке. Слышит стук своего сердца, а может, и ее тоже.

– Встаньте.

Мужской голос. Приказ раздается сзади. Они медленно выпрямляются во весь рост и отворачиваются от огня, глядя в темноту. Томас никого не видит.

– Выйдите на свет, – снова повелевает тот же голос. – Монах, сразу предупреждаю, в твою голову нацелена стрела. Если не бросишь свой топор, будешь пригвожден к дереву.

Томас бросает полэкс. На мгновение наступает тишина.

– Кто такие? – спрашивает незнакомец.

– Сэр, – начинает Томас, проглотив комок в горле, – мы служители Божьи и никому не желаем зла. Мы странники. Держим путь по монашеским делам.

– По монашеским делам? – с нотками изумления в голосе уточняет незнакомец, но тон его смягчается. Можно подумать, что поначалу он просто хотел их напугать.

– Да, сэр, – подтверждает Томас. – Мы члены ордена святого Гильберта Семпрингхемского.

Молчание. Затем:

– Как так получилось, что вы путешествуете вместе? Каноник и сестра из того же ордена?

Томас в темноте смотрит на свою спутницу. Сам он не знает, что на это сказать.

– Ну?

– Это долгая история, сэр, – говорит монахиня.

– Я не прочь послушать.

– Позвольте просить вас о милосердии, прежде чем мы объясним свои обстоятельства? – взывает к незнакомцу монахиня. – Мы давно ничего не ели и продрогли до костей.

Очередная пауза.

Из темноты на свет выходит высокий мужчина в утепленном плаще с глубоким капюшоном, в котором теряется его лицо. В руках он держит арбалет, но даже при столь скудном освещении Томас видит, что тетива и стрелы отсутствуют. Незнакомец боится их не меньше, чем они его. А может, и больше.

Нагнувшись, он подбирает с земли полэкс. Видно, что этот человек не молод.

– И все же, кто вы такие? Зачем идете куда-то? – Выпрямившись, он рассматривает оружие. – Босые, да еще вместе?

– Я Томас Эверингем, – представляется Томас. Лица незнакомца он по-прежнему не видит. – Каноник ордена святого Гильберта. Из монастыря в Хаверхерсте.

Он жестом показывает куда-то в темноту, решив, что приорат находится в той стороне.

– А ты, сестра?

– Я сестра Кэтрин, – отвечает монахиня. – Из того же приората.

Впервые Томас услышал ее имя. Он поворачивается к монахине. Лицо у нее суровое, взгляд настоженный, подозрительный. Она смотрит на него, и он опять отводит глаза.

– Так вы, значит, голодны? – спрашивает незнакомец.

– Умираем с голоду, сэр.

– *Fabas indulcet fames.* – Тихо рассмеявшись, он кладет арбалет в тень дерева. – Для голодного всякий хлеб хорош. Горшок мой невелик, пища скудна, но я готов поделиться с вами тем немногим, что у меня есть. В обмен на ваш рассказ.

Речь у него быстрая, ученая, как у приора или клириков, наведывавшихся в их монастырь. Он кладет полэкс рядом с арбалетом и дает Томасу голые ветки боярышника.

– Подкладывай по одной, брат Томас, – наставляет он. – Чтоб костер не погас. А то в этих краях уж больно сыро – еврея можно утопить.

На незнакомце сапоги с короткими голенищами, которые топорщатся вокруг его тощих ног, и, определяет Томас, никакой он не солдат, хоть и вооружен арбалетом. Покопавшись в тени дерева, тот вытаскивает на свет кожаную суму, из которой достает бутылку и парусиновый сверток, и дает Томасу небольшой ломоть хлеба. Томас ломает хлеб напополам и один кусок отдает Кэтрин. В темноте их пальцы случайно соприкасаются, и по его руке пробегает странная

дрожь. Он отдергивает руку, заметив, что так же сделала и монахиня. Пока они едят, их новый знакомец открывает еще одну сумку, извлекая из нее одеяло и плащ.

– Держите, – говорит он. – От одного вашего вида замерзнуть можно.

– Благодарствую, сэр, от всего сердца. – Не переставая жевать, Томас отдает одеяло Кэтрин, а сам укутывается в плащ – тяжелый, подбитый мехом, с пуговицами, ремнем и воротником из овечьей шерсти. Такого роскошного одеяния Томас сроду не носил. Значит, их знакомец – богатый человек.

– Вы не назвали нам свое имя, сэр.

Это сказала Кэтрин. Она завернулась в одеяло по плечи, и, хотя склоняется к теплу костра, глаза ее остаются в тени.

– Я Роберт Дод из Линкольна, – представляется мужчина и, помедлив в нерешительности, добавляет: – Квестор.

– Продавец индульгенций? – уточняет Кэтрин.

– Был им, – подчеркивает Роберт Дод. Томасу не совсем понятно, что он под этим подразумевает.

– Сэр, но почему вы ночуете в лесу? – спрашивает он, наконец-то проглотив хлеб. – Вы могли бы остановиться на постоялом дворе или попросить приюта у аббата в монастыре. Там вам было бы удобнее.

Продавец индульгенций переводит взгляд с каноника на монахиню, будто что-то решая для себя. С его уст могло бы слететь сколько угодно ответов, и все до единого лживые, но в конечном итоге он честно признается:

– У меня скрофулюс³¹. Королевская напасть.

Томас и Кэтрин перестают жевать. В темноте слышно, как бьет копытами мул. Продавец индульгенций со вздохом откладывает свой кусок хлеба и стягивает с головы капюшон. Свет костра падает на его лицо. Шею мужчины от уха до ключицы покрывают пучки изъязвленных опухолевых наростов, самый крупный – размером с мелкую сливу.

– Видите? – Он снова надевает капюшон, и его лицо уходит в тень. – Посему я и вынужден чураться людей. Минувшим вечером пришел в деревню к западу отсюда, хотел купить эля. А жена пивовара приняла это за бубоны.

Он перекрестился, будто бы это могло отвратить чуму.

– Такой ор подняла. Мне повезло, что живым ноги унес, да не потерял мула и кладь. Мужчины, вероятно, были на охоте, а может, воюют где-то. За мной погнались одни только мальчишки. Бросали в меня камни, хотя у одного был лук. В общем, я воздал хвалу святому Себастьяну за то, что похож на чумного. Во всяком случае, близко подходить ко мне они побоялись.

– Так у вас ведь есть оружие, – замечает Кэтрин.

– Ну да, есть, – смеется продавец индульгенций. – Древнее и никчемное. Человек, у которого я купил его, клялся и божился, что оно принадлежало Иоанне, французской ведьме. Представляете?

Из котелка над костром начинает валить пар. Продавец индульгенций наклоняется к нему, длинными пальцами крошит сушеную рыбу и кусочки бросает в варящуюся похлебку.

– Откуда вы знаете, что вас поразила не чума? – спрашивает Кэтрин, как будто не желая отходить от этой темы.

– Будь это чума, меня давно не было бы в живых, – объясняет он. – Эти чирьи у меня уже больше года, и все набухают, растут. Они мне как давние друзья, я с ними сроднился.

– Болят? – спрашивает Кэтрин.

---

³¹ Скрофулюс – устаревшее название золотухи.

– Нет, – качает головой продавец индульгенций. – Холодные. На ощупь. Впрочем, ничего удивительного – при нынешней-то зиме.

– Мы будем молиться за вас, сэр, – обещает Томас. Кэтрин бормочет что-то неопределенное.

– Благодарствую, – отзывается он. – Спасибо вам обоим. С вашими молитвами и с Божьей помощью я найду исцеление во Франции.

– Во Франции?

Томас не верит своим ушам. О Франции ему известно лишь то, что там погиб его отец и что страна эта разграблена и разорена. Там, когда колокол бьет тревогу, даже скот понимает, что нужно сбиваться в кучу и прятаться от англичан. Мужчины и женщины бросаются в реку, лишь бы их не схватили. Франция не то место, где нужно искать исцеления от чего бы то ни было, разве что от самой жизни.

– Я держу путь туда, – объясняет продавец индульгенций. – Сначала через Узкое море в Кале, оттуда – на юг, в Шиньон, ко двору короля Карла, чтобы он излечил меня своим прикосновением³².

Все это он произносит скороговоркой, словно не желает распространяться о подробностях своего путешествия или ритуала врачевания. Томаса одолевает жажда, посему он безмерно рад, когда Роберт Дод открывает бутылку и льет эль в кружку.

– Однако расскажите свою историю, – просит тот, меняя тему разговора. – Что заставило вас покинуть монастырь? Удовлетворите мое любопытство.

– На нас напали люди сэра Джайлза Райвена, – начинает Томас, не отрывая глаз от кружки.

– Сэра Джайлза Райвена? – Продавец индульгенций перестает наливать эль и подается вперед всем телом, так что пламя костра освещает его лицо.

– Вы его знаете? – спрашивает Томас.

– К северу от Стамфорда нет ни одного человека, который не слышал бы о Джайлзе Райвене. Говорят, он присвоил себе замок в Корнфорде после того, как старый лорд Корнфорд был убит. Сослался на какое-то дальнее родство. Также говорят, что он собственноручно убил Корнфорда, всадив ему в глаз кинжал, и теперь намеревается женить сына на дочери убиенного старика.

Томас закрывает глаза, представляя Райвена – как тот, улыбаясь, держит четки почившей монахини.

– Нам об этом не ведомо, – молвит Кэтрин. – Мы долгие годы не покидали стен монастыря.

Кивнув, продавец индульгенций наполняет кружку элем.

– Давно ты монашествуешь? – спрашивает он, вручая кружку Томасу.

– Восемь лет. – Томас осушает кружку и возвращает ее хозяину. – С двенадцати лет.

– А ты, сестра?

– С детства, – не сразу отвечает она. Томас и Роберт Дод переглядываются.

– Тебя предназначили в монахини? – уточняет последний.

– Да, – подтверждает она, помедлив в нерешительности.

– Я думал, эта практика осталась в прошлом.

Кэтрин собирается что-то сказать, но, открыв рот, тут же его закрывает. Как будто сомневается.

– И сколько весен ты провела в обители? – допытывается продавец индульгенций.

---

³² В период с XI–XII вв. по XVII в. было распространено поверье, что короли Англии и Франции исцеляют от золотухи возложением рук на страждущих.

– Десять? – предполагает она, пожимая плечами. На лице ее появляется отчаянное выражение. – Пятнадцать?

Значит, ей около двадцати, прикидывает в уме Томас. Примерно его возраста. Все трое какое-то время молчат. Тишину нарушают лишь шипение мокрого хвороста в костре да шум реки, доносящийся из-за деревьев.

– Родные дают о себе знать? – спрашивает продавец индульгенций у Кэтрин. Томас передает ей кружку эля. На этот раз они пальцами не соприкасаются, и он отмечает, что она рукавом вытирает край кружки, потом, хмурясь, качает головой и пьет. У Томаса тоже есть к ней вопрос, но продавец индульгенций перехватывает его взгляд, словно говоря: «Не надо ее больше пытаться», и затем спрашивает о другом:

– Как так получилось, что Райвен на вас напал?

Томас рассказывает. Продавец индульгенций мрачно хмыкает.

– Времена сейчас беспокойные, смутные. – Приободрившись, осмелев в компании монахов, он палкой ворошит в костре, чтобы сучья горели веселее. – Всюду полно людей, которые хватают что плохо лежит, не страшась Бога, презирая законы Святой Церкви.

– Почему? Почему так? – недоумевает Томас.

– Я всего лишь презренный продавец индульгенций, – вздыхает Роберт Дод. – Все, что мне ведомо, я знаю не из первых уст. Но я общаюсь с людьми. Слушаю, что они говорят.

– И что же они говорят?

– Многие сходятся во мнении, что виноват король.

– Король?

– Да. Хм, мы с вами едва знакомы, а сидим ночью в лесу и ведем речь о короле. Странно, вы не находите? Но, в общем-то, да. Король. Генрих, шестой по счету, из дома Ланкастеров.

– И что же он сделал, чтобы навлечь такое на страну?

– Говорят, человек он простодушный, бесхитростный, не шибко умный. Не то что его отец, Генрих Пятый. Помните его? Нет, конечно. Он правил до вас. Вот он был настоящий король. Не раз бил французов.

Продавец индульгенций в задумчивости смотрит на огонь.

– Что с ним случилось? – спрашивает Кэтрин.

– М-м? О. Слишком скоро скончался. Хорошие правители долго не живут.

Некоторое время все трое безмолвствуют. Продавец индульгенций смотрит на языки пламени. Огонь завораживает, думает Томас. У них за спинами фыркает и бьет копытами мул.

– Значит, сын не такой, как отец? – возобновляет разговор Кэтрин.

Продавец индульгенций собирается с мыслями.

– Именно так, – отвечает он. – У него случаются припадки. Приступы помешательства. Он становится вялым, никого не узнает, даже родного сына. Поговаривают, что этот его недуг – кара Божья.

В наступившей тишине Роберт Дод помешивает палкой в котелке.

– Но что же он сотворил, чтобы навлечь на себя такую напасть? – спрашивает Кэтрин.

Продавец индульгенций забирает у монахини кружку и подливает в нее эль.

– Он расплачивается за грехи своего деда, – отвечает он. – Его тоже звали Генрих. Генрих Четвертый. Говорят, он сместил с трона короля Ричарда, который правил перед ним, а потом убил его. Говорят, что его преступление и есть первопричина всех нынешних бед, терзающих королевство, и что, пока дом Ланкастеров удерживает трон, война здесь не прекратится.

– Война? – переспрашивает Томас. Ему вспоминаются истории декана об осадах, резне, насилии. Но то было во Франции. Ему трудно представить, чтобы такое происходило в Англии.

– Да, война идет, – подтверждает продавец индульгенций, – и будет идти. Ибо пока король страдал помутнением рассудка, двор разделился на два лагеря, понимаете? Один возглавляет

королева, волчица Маргарита Анжуйская из Франции – француженка! Во главе второго стоит герцог Йоркский, кузен короля.

Без лишних слов ясно, кому принадлежат его симпатии.

– И кто побеждает в этой войне? – любопытствует Томас.

– Пока преимущество у королевы. На прошлый День святого Эдуарда ее армия разгромила войско герцога Йоркского у ворот Ладлоу. В тот раз король принял участие в сражении, и люди герцога Йоркского отказались поднять оружие против королевского штандарта³³, пусть трон и достался ему несправедливым путем. *Rex non potest peccare*. Короли не ошибаются. Король есть король, даже если он узурпатор.

– Странно, – роняет Кэтрин.

– Не то слово, – соглашается с ней продавец индульгенций. – И, скажу я вам, жители Ладлоу в тот день дорого заплатили за этот постулат, ибо после того, как солдаты Йорка сложили оружие и рассеялись, королева запустила в город свои войска. Говорят, солдаты оприходовали все бочки с вином, какие только смогли найти, и в канун дня святого уже до того упились, что из рук выпускали награбленное лишь для того, чтобы совершать насилие над женщинами. Как раз в этой сумятице и погиб лорд Корнфорд от руки вашего обидчика Джайлза Райвена.

Глотнув эля, продавец индульгенций снова смотрит на огонь. Котелок дымится, вода, в которой варятся зеленые овощи, булькает.

– Но ведь королева Маргарита – владычица этой земли, – замечает Томас. – Почему она допустила, чтобы ее подданные так страдали?

– Начнем с того, что она француженка, – говорит продавец индульгенций. – К тому же денег у нее нет, посему, чтобы расплатиться с солдатами, она дала им добро на грабеж. А многие из них с севера – невежественные жестокие дикари, почти такие же необузданные, как шотландцы. Любовь к грабежам – их вторая натура.

– А где сейчас этот герцог Йоркский? – осведомляется Томас.

– В Ирландии. Его предали позору и заклеили изменником. – Голос продавца индульгенций меняется. – А его великий сподвижник граф Уорик – в Кале, за Узким морем. И тоже объявлен вне закона.

Он поднимает глаза от огня, словно вдохновленный неким воспоминанием.

– Но он вернется, ибо не было еще на земле более славного человека, чем граф Уорик.

Томас отмечает, что продавец индульгенций произносит имя графа Уорика с благоговением, будто говорит о святом или о великомученике. Он допивает кружку.

– А до его возвращения, – продолжает их новый знакомец, – родственники королевы будут отнимать у нас то малое, что мы имеем, и лишать наследников их законных прав. Взять хотя бы вашего Джайлза Райвена. Он один из приспешников нового герцога Сомерсета. Способен поставить ему более сотни верховых лучников, думаю, пятьдесят алебардчиков и несколько тяжеловооруженных всадников. И пока он обеспечивает нового герцога воинами, тот будет поддерживать его в любом споре, а кто сейчас посмеет перечить герцогу? Никто.

Все трое погружаются в молчание, которое через некоторое время нарушает Томас:

– Райвен сказал, что он движется на юг. Дабы присоединиться к королеве.

– Да, – кивает продавец индульгенций. – Королева собирает армию. Скоро наступит весна, хоть сейчас в это трудно поверить. Приход весны откроет сезон военных кампаний, а с началом военных компаний из Франции вернется граф Уорик, и, думаю, он будет претендовать на нечто большее, чем свое законное место в королевском совете.

Он снимает с треножника котелок, ставит его у ног Томаса и дает ему деревянную ложку. Томас тихо благодарит его, произносит молитву и принимается есть. Похлебка обжигает губы и язык, но он без передышки черпает и черпает ложкой бобы, кусочки овощей и скользкой

³³ Личный флаг монарха Англии.

рыбы. Съев половину похлебки, он передает котелок Кэтрин. Та берет его и начинает быстро орудовать ложкой, но, перед тем как сунуть ее в рот, подозрительно смотрит на то, что выудила из котелка.

Пока она насыщается, продавец индульгенций уходит в темноту, чтобы облегчиться. Томас подбрасывает в костер еще одну ветку. Сидеть близко у огня, подставляя ладони под языки пламени, – роскошь, о которой он давно мечтал.

Утолив голод, Кэтрин бормочет благодарственную молитву Господу, затем отставляет в сторону котелок и снова укутывается в одеяло. Больше она не издает ни звука. Но тишина их не угнетает. Ни он, ни она обычно по собственной воле не произносили за день больше пятидесяти слов, и молчание, когда оно не прерывается молитвой, для них привычное состояние. Однако он остро чувствует, что она рядом и притягивает его взгляд.

Продавец индульгенций возвращается к костру, и Томас заканчивает свой рассказ о ложных обвинениях Райвена. Когда он описывает поединок в клуатре, Роберт Дод едва сдерживает ликование.

– Святые благодетели! Ты дрался с Райвеном на посохах?

Томас кивает.

– И победил?

– Ну да, – снова кивает Томас, хотя тогда он победителем себя не чувствовал.

– Пресвятой Спаситель, принявший смерть ради нас! – смеется продавец индульгенций. – Да ты, брат Томас, не так прост, каким кажешься. Прямо чудеса какие-то!

Он наливает еще эля и передает кружку Томасу. Тот залпом выпивает. Потом Кэтрин коротко рассказывает, как ее обвинили в том, что она дала приют монаху, и посадили под замок. Дойдя до смерти Элис, она говорит:

– Может, это Райвен и его великан надругались над ней, но жизни лишили – задушили – приоресса и сестра Джоан. В этом я могу поклясться всем, что есть святого на свете.

Продавец индульгенций внимательно наблюдает за ней.

– Что было потом? – вопрошает он.

Она молчит, качая головой. Прячет лицо под одеялом. Воцаряется тишина. Спустя мгновение Кэтрин устраивается поудобнее и, несмотря на холод, начинает тихо сопеть.

– Эль крепкий, – замечает продавец индульгенций.

Наклонившись вперед, он натягивает одеяло на сбитые ноги Кэтрин, затем наливает в кружку остатки эля. Выпрямившись, он доверительным тоном обращается к Томасу:

– Когда, по-твоему, станет известно, что вы вероотступники?

– Но мы не вероотступники! – восклицает Томас.

– Теперь я это знаю, – отмахивается продавец индульгенций. – Но, увидев вас первый раз, я вполне резонно предположил, что вы возлюбленные и потому сбежали из монастыря. И так будут думать все.

Томас невольно бросает взгляд на Кэтрин. Та все так же мирно посапывает, но он уверен, что она прислушивается к разговору мужчин.

– Но... – начинает он.

– Никаких «но». Монах и монахиня. Как только о вашем побеге узнают, вас предадут анафеме. К завтрашнему дню весть о вашем грехе разнесется по городам и весям, дойдет даже до Бостона, если вам не повезет, и тогда уж помощи ни от кого не ждите. Помогать грешникам запрещено, а кто по доброй воле решится оскорбить Церковь? Никто. Сначала на ваши поиски отправят братьев-монахов, потом за вас возьмутся судьи, издав судебный приказ о задержании вероотступников.

– Так ведь самое худшее, что может произойти, – нас вернут в приорат, да?

– Когда вы покидали приорат, против вас было выдвинуто только обвинение в нападении. Теперь же, вне сомнения, вас обвинят во всех смертных грехах. И твой приор будет только

рад окреститься от тебя: отдаст в руки Райвену, а тот уж будет действовать наверняка. Убьет тебя. И ее тоже.

Томас понимает, что это горькая правда. Выпив эля, он воспрянул духом, но теперь чувствует, что снова впадает в уныние.

– Мы идем в Кентербери, – сообщает он продавцу индульгенций. – Декан приората говорит, наш единственный шанс – обрести благожелательного слушателя в лице верховного приора, главы нашего ордена. Он выслушает нас и восстановит справедливость.

– И ты надеешься, что ваш верховный приор пойдет против такого человека, как Райвен? Об этом Томас как-то не задумывался.

– Пожалуй, нет, – отвечает он, вспоминая то, что продавец индульгенций сказал о герцоге Сомерсете. – Но что еще нам остается?

– Вспомни, что гласит Второзаконие, – говорит ему Роберт Дод. – Око за око.

Томас чувствует, как что-то всколыхнулось в его груди: трепет волнения. Ему предлагают вкусить некоей чуждой свободы.

– То есть ты намекаешь, чтобы я сам искал встречи с Райвеном?

– Почему бы нет? – пожимает плечами продавец индульгенций. – Ты доказал, что умеешь драться.

Томаса не смущает то, что мгновение назад их знакомец говорил ровно противоположное.

– Нет, – отвечает он, – не могу. Я каноник ордена святого Гильберта из Семпрингхема. Мне должно искать правосудия у верховного приора. Должно положиться на веру в Господа, ибо, как святой Павел поучает римлян, «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь»³⁴.

Продавец индульгенций чуть приподнимает брови. Говорит:

– Да, да. Ты, конечно, прав.

Оба умолкают. Томасу неловко, что он цитирует Библию столь ученому человеку, но тот вроде бы не возражает.

– Вот скажи, – спрашивает он через некоторое время, – как ты рассчитывал добраться до Кентербери?

Томас колеблется.

– Я об этом еще не думал, – признается он.

Взгляд продавца индульгенций падает на ноги Томаса.

– Отсюда до Кентербери лучше всего добираться морем, – объясняет он. – Из Бостона. Заплатить капитану судна, чтобы он довез вас до Сандвича на побережье Кента. Это если он следует в Кале, конечно. Крюк небольшой.

– У нас нет денег, – молвит Томас.

– Послушай меня, брат Томас, – говорит продавец индульгенций. – В соборе Линкольна я заплатил за то, чтобы звонили в колокола и молились святому Николаю за успех моего предприятия. А что, если теперь я оплачу ваш путь в Кентербери? Обеспечу вас одеждой, обувью, пропитанием?

– Зачем бы вам тратиться на нас?

Он отвечает не сразу. Как будто обдумывает свои доводы.

– Мы все трое странники, – наконец говорит он, – в известном смысле. А странники помогают друг другу. Помогают один другому, чтобы помочь самим себе. И я, оказав помощь вам, помогу себе. Понимаешь, да?

Томас не знает, что на это сказать. Далеко ли они уйдут, не имея обуви, одежды и денег? Стоило ему представить всю безнадежность их положения, и его тут же охватывает страх.

---

³⁴ Новый завет. Послание к Римлянам святого апостола Павла. Глава 12, стих 19 (Синодальный перевод).

– Я был бы сердечно благодарен вам, сэр, за такое предложение.

Продавец индульгенций кивает, словно они пришли к согласию. Он расслабляется, садится поудобнее. Томас допивает последний глоток эля. В тепле костра от полы его платья поднимаются завитки пара, ноги его обморожены и изранены, но от выпитого эля по телу растекается блаженство, так что он почти не чувствует боли.

– Только вот что, – продолжает продавец индульгенций, окидывая взглядом спящую Кэтрин, – вам бы обоим лучше изменить внешность, поскольку по вашим следам наверняка пойдут братья-монахи. Они будут искать в паре мужчину и женщину. Поэтому для тебя надо бы раздобыть мирскую одежду, в которой ты не будешь похож на монаха, а ее одеть в мужское платье, скрывающее ее женскую сущность. Она вон тощая, кожа да кости, ни спереди, ни сзади ничего не выступает. Запросто сойдет за юношу.

Глава 6

Кэтрин просыпается до рассвета. Тело ноет от побоев, которые ей пришлось терпеть в минувшие дни, и от холода, за ночь просочившегося в каждую косточку. Чтобы подняться с земли, ей приходится встать на колени, потом сесть на один из вьюков продавца индульгенций и дожидаться, когда боль утихнет. Оглядевшись, она видит, что находится на небольшой поляне в каком-то лесу. У потухшего костра – мул и двое мужчин. Мул доброжелательно смотрит на нее. Мужчины спят рядом на земле, укрывшись серым походным одеялом.

Это ее шанс. Она должна убраться подальше от этого каноника Томаса. Незачем ей тащиться в Кентербери. Незачем искать встречи с верховным приором, ибо на какое правосудие может рассчитывать человек, нарушивший пятую заповедь?³⁵ Закрывая глаза, Кэтрин представляет сестру Джоан в последние мгновения ее жизни и точно знает, что каждый шаг, который она делает навстречу верховному приору, приближает ее к виселице.

Она встает. Коленки безбожно ломит, ноги как деревянные. Но оставаться здесь нельзя. Можно уйти прямо сейчас, вернуться тем же путем, каким они шли сюда. Каноник за ней не последует, во всяком случае в ту сторону. Она тянется за своими пожитками и тут понимает, что у нее с собой ничего из вещей нет, да и вообще бежать уже поздно.

Томас просыпается. Открывает глаза и устремляет взгляд вверх, на ажурный балдахин из голых сучьев, потом смотрит на нее и, опять смежив веки, качает головой.

Кэтрин снова опускается на землю. Придется подождать подходящего момента, думает она.

– Доброе утро, сестра, – приветствует ее каноник.

– Доброе утро, – отзывается она.

Кэтрин позволяет себе задержать на нем взгляд. Внешне он полная противоположность продавцу индульгенций. Томас – рослый широкоплечий парень с длинными руками и ногами. Ладони и ступни у него тоже огромные. Он напоминает ей молодого пса, щенка, по которому сразу видно, каким здоровенным он станет, когда достигнет зрелого возраста. В сравнении с Томасом продавец индульгенций – он уже тоже проснулся – щуплый, высохший старик, бесцветный, с морщинистой дряблой кожей.

– Господи Иисусе на небесах. – Он медленно и неуклюже поднимается на ноги, шумно вдыхая холодный утренний воздух. Помолившись, они доедают остатки похлебки и грузят вьюки продавца индульгенций на его мула. Он замечает запекшуюся кровь в волосах Томаса над ухом.

– У меня есть целебная мазь. – Продавец индульгенций роется в своих сумках и достает глиняную баночку. Он откупоривает ее, и по поляне разносится больничный запах. Кэтрин вспоминает сестру Джоан и тонкую струйку крови на ее рыхлом подбородке. Продавец индульгенций наносит мазь на рану. Томас морщится, но затем сообщает, что чувствует онемение, потом – тепло.

– Что это? – любопытствует Кэтрин, внимательно наблюдая, как продавец индульгенций осторожно размазывает снадобье по всей ране.

– Смесь из тринадцати трав, – отвечает тот, довольный, что она проявляет интерес, – свиного жира и почек бузины.

Он протягивает ей баночку, показывая содержимое – темное пастообразное вещество.

– Эта мазь охлаждает и заживляет почти любые раны, – добавляет он.

Потом он прячет баночку с мазью в кожаный мешочек, а тот сует в другой и аккуратно убирает сверток в поклажу на муле, как самое бесценное сокровище. Томас стоит с полэк-

³⁵ «Не убий» – в катехизисе католической церкви.

сом великана, не зная, куда деть оружие. Самому нести? Или на мула положить? В итоге они решают: пусть полэкс едет на муле, – и трогаются в путь, следуя по тропинке, деревья вдоль которой постепенно редуют и расступаются, открывая перед ними застланную туманом широкую болотистую пустошь.

– Матерь святая, – смеется продавец индугенций. – Ну и компания у нас, загляденье! Два вора, по которым виселица плачет, и жертва чумы. Слава богу, что висит туман, а то народ давно бы уже поднял крик и погнал нас ко всем чертям.

На взгляд Кэтрин, наряд у него слишком кричащий. Длинное платье, в чем-то схожее с туникой Томаса, но ржаво-красного цвета; поверх платья подбитый мехом синий плащ с плотно сидящим на голове капюшоном, выкрашенным в ярко-зеленый цвет; круглая шляпа с низкой тульей из черного войлока, прижимающая капюшон к голове. Кэтрин отметила, что шляпа, капюшон и борода почти полностью скрывают чирьи на его шее.

Рядом с ним Томас выглядит вороной, но Кэтрин знает, что самое ужасное зрелище являет она сама: на ее залатанном платье запеклась грязь, башмак всего один, на голове и вовсе ничего, нет даже обычного куска ткани, чтобы спрятать волосы. Она похожа на нищенку, какой приоресса дала бы от ворот поворот.

– Вот, возьми пока мою шляпу, – говорит продавец индугенций, отдавая ей свой головной убор. – На рынке у старьевщика подберем тебе что-то более подходящее. Уже, должно быть, недалеко.

Где-то впереди мерно бьют колокола, Кэтрин чувствует запах угольного дыма. Они выходят на какую-то дорогу, и, пока идут, из грунтовой она превращается в каменную. Они то и дело ловят на себе подозрительные взгляды других путников, которые обгоняют их, ведя за собой навьюченных мулов.

– Сэр, доброго вам дня милостию Божией, – напевно произносит продавец индугенций каждый раз, когда замечает, что кого-то из их тройцы слишком пристально рассматривают. И каждый раз любопытный кивает, отвечает на приветствие и, перекрестившись, как ни в чем не бывало идет дальше.

Глаза Кэтрин горят негодованием, и спустя какое-то время продавец индугенций трогает ее за локоть.

– Мы здесь чужаки, сестра, – объясняет он. – Если кому-то не понравимся, нас могут обвинить в каком-нибудь преступлении, и, не имея рядом друзей, которые могли бы поручиться за наше доброе имя, мы окончим свой жизненный путь вон как тот бедняга.

Он жестом показывает на дерево, где стая птиц терзает что-то, висящее на суке. Это труп мужчины, почти голого, кожа в пятнах разложения, из живота вываливаются кишки, похожие на перекрученные серые веревки. Его лицо долбит клювом птица с блестящим оперением, и с каждым ударом труп дергается на суке. Стоит одуряющий сладковатый запах гниющего мяса.

– Дней десять висит, – предполагает продавец индугенций.

– Но почему его не хоронят? – спрашивает Кэтрин, ладонью прикрывая нос и рот.

– Оставили висеть в назидание другим, – пожимает плечами продавец индугенций. – Будь это ведьма, ее бы просто задушили и бросили у обочины на растерзание собакам. На юге пойманного вора прибивают за ухо к столбу и дают ему нож, чтоб мог срезать себя со столба.

Они продолжают путь. Туман смещается к реке, открывая их взорам мокрую равнину, где виднеются редкие купы деревьев, низенькая хижина и отара овец с маслянистой шерстью.

Впереди показался город – скопление церковных шпилей и крыш под покровом черного дыма.

– Город Бостон, – объявляет продавец индугенций. – Обитель примерно тысячи душ. Нам нужно пройти через него, чтобы добраться до гавани.

Кэтрин замедляет шаг.

– Смелей, – подбадривает ее продавец индульгенций. – Иди с той стороны от мула, чтоб стражник тебя не видел. И держи его за веревку, чтобы, ежели заметит, подумал, будто это твой мул и ты чего-то стоишь.

Они занимают очередь за возчиком, который пытается затащить на мост своего вола.

– *Nos opus, hic labor est*³⁶, – бормочет продавец индульгенций. Выглядит он встревоженным.

На дальнем конце моста под деревянным навесом стоит толстяк в грязном кожаном жилете и железном шлеме; второй стражник, с биллем, собирает деньги у тех, кто проходит по мосту. Когда они приближаются к нему, продавец индульгенций приветствует его:

– Доброго вам дня, сэръ! – И кладет монету в протянутую руку. Стражник ничего не говорит, но, нахмурившись, показывает монету толстяку, и тот поднимает руку, останавливая движение.

– Никогда прежде не видел вас, господин. – Его взгляд скользит по мулу, по Кэтрин, по Томасу и снова останавливается на продавце индульгенций.

– Я Роберт Дод, – представляется тот. – Торговец из Линкольна.

Толстяк смотрит на них сверху вниз.

– Сними капюшон.

Продавец индульгенций замирает. На вид он дряхлый старик. Мгновением позже дрожащими пальцами он принимается развязывать узел под подбородком. И вдруг мул поднимает хвост и испражняется. Мужчина с мешком свеклы на плече живо скидывает на землю свою ношу и давай скорее подбирать дымящийся навоз.

– Рукам так тепло еще не было со Дня святого Мартина, – хохочет он. Сзади кто-то ругается, все остальные путники вокруг начинают торопить стражников. А квестор обнаруживает, что узел затянулся еще туже, и стражник в конце концов пожимает плечами, будто ему все равно. Показав на мула, он скругляет палец, требуя еще монету.

– Если хочешь провести мула по мосту, плати еще пенни.

Продавец индульгенций с радостью достает из кошелька на поясе монету. Толпа двигается вперед. Когда они поворачивают за угол, старик прислоняется к стене, поглаживает пальцами завязки капюшона и выдыхает:

– Слава святому Иакову.

Немного отдышавшись, он ведет их к рынку. Они бредут по мощенной булыжником узкой улице, над ними высятся дома самых разных форм и размеров, все – с застекленными окнами. А в конце улицы – внушительное сооружение из ясеневых бревен в строительных лесах, указывающих на то, что здесь воздвигается нечто грандиозное.

Но больше всего Кэтрин пугает столпотворение. Она никогда еще не видела такого скопления мужчин, женщин и детей в одном месте. Ор стоит невообразимый. Торговцы на все лады расхваливают свой товар, покупатели, напротив, занижают его достоинства, сбивая цену; деньги переходят из рук в руки, все спорят с беззлой страстностью. И в центре всей этой сумятицы сидит меланхоличный медведь – существо, в чем-то похожее на человека и в то же время чужеродное. Рядом с ним какой-то мужчина поедает пирог.

– Сначала нам нужно подкрепиться, а потом уж за дело, – говорит продавец индульгенций. Он привязывает мула к ограждению и дает монетку какому-то мальчишке, чтобы тот постерег его животное. Потом по крытой улице ведет своих спутников к харчевне, где покупает каждому по миске похлебки, густой, темной, с беконом и желтоватыми ленточками капусты. Ничего более вкусного и ароматного Кэтрин еще не ела. Им также приносят краюху плотного ржаного хлеба, еще теплого, прямо из печи, и глиняную тарелку с тремя сдобными пирожками, из которых буквально сочится сливочное масло. Жена повара дает им кружки с элем, они

---

³⁶ *Nos opus, hic labor est* (лат.) – «Это есть труд, это – подвиг». Вергилий, «Энеида», книга VI. Перевод В. Брюсова.

сидятся на приступку у стены харчевни и принимаются за еду. На десерт продавец индulgенций заказывает каждому по печеному яблоку со сморщенной кожицей. Яблоки горячие, руки обжигают.

– Видать, вы сильно проголодались, – замечает харчевник – коренастый коротконогий мужчина с хитрыми глазками. Его жена наблюдает за ними из темноты кухни.

– *Fabas indulcet fames*, – отзывается продавец индulgенций, повернувшись к нему впол-оборота. – Мы давно в пути, добрый человек, путешествуем от иноземных берегов, задержались из-за непогоды. Теперь, насытившись, пойдём к старьевщику, а потом к сапожнику.

– Ну и к цирюльнику, наверное, тоже, – говорит харчевник, кивая на тонзуру Томаса. – А то, не ровен час, донесут на вас. Тут таких много.

– Пожалуй, – соглашается продавец индulgенций, допивая эль. Он расплачивается с хозяином харчевни и торопливо уводит своих спутников.

Кэтрин подташничает.

– Мы должны найти наше судно, – говорит продавец индulgенций. Для Кэтрин это неожиданная новость. – Того и гляди наткнемся на монахов, а они сразу поймут, что вы бежали из монастыря. Но сначала – одежда.

Старьевщика они находят за прилавками портных на дальнем конце рынка, рядом с торговцем лошадиными шкурами и мочой. Он сидит на земле, поджав ноги, а вокруг него громоздятся груды тряпья из самых разных тканей самой разной расцветки. Старьевщик занят починкой, но, завидев продавца индulgенций, откладывает в сторону шитье и встает.

– Господин, да дарует Господь вам процветание, – приветствует он.

Быстрым взглядом он оценивает стоимость их одеяний с учетом изношенности и прорех и, хотя доволен, что у него появился столь денежный покупатель, как продавец индulgенций, морщится при виде монашеских облачений Томаса и Кэтрин. Продавец индulgенций объясняет, что ему нужно, и кропач³⁷ с сомнением на лице принимается перерывать ворохи своего товара, ища что-нибудь подходящее.

– Для этой крошки сейчас у меня ничего нет, – говорит он, кивая на Кэтрин. – Женщины сами чинят свою одежду или, если все же приносят мне, потом обычно забирают. Ведь они реже попадают в передряги, нежели мужчины, и их не так часто убивают.

– Женское платье меня не интересует, – отвечает продавец индulgенций беспечным тоном. – Она пусть сама пытается свое счастье. Мне нужна одежда для него и для другого моего слуги. Тот парень поменьше, чем этот.

– Это проще. – Старьевщик снова начинает копаться в грудях своего товара, но уже в других. Поднимает какую-то вещь, рассматривает ее и отбрасывает в сторону. Наконец вручает Томасу два вороха. – Это должно вам подойти.

Продавец индulgенций расплачивается, и они удаляются в улочку за рыночной площадью.

– Здесь можно переодеться, – говорит он, отделяя один ворох от другого. – И под ноги смотрите.

Они доходят до конца улочки, где стоит ужасающая вонь, и там разъединяются: Кэтрин сворачивает за один угол, Томас – за другой. Оба пытаются сообразить, как надевать эту новую одежду. Для Кэтрин вообще все вещи в диковинку. Она берет каждую по очереди, смотрит, что та собой представляет. Потом натягивает льняные брэ³⁸, следом – тканые штаны-чулки, которые на поясе подворачивает и подвязывает. После быстро снимает монашеское платье и сует голые руки в рукава камизы. Эта нательная сорочка – розового цвета, местами выцветшая, под мышками ворсистая, залоснившаяся от носки. Поверх Кэтрин надевает желтовато-корич-

---

³⁷ Кропач – портной, перешивающий и чинящий ветхую поношенную одежду.

³⁸ Брэ – короткие нательные штаны в эпоху Средневековья.

невую рубашку, какие носят большинство мужчин, а затем куртку – зеленую, утепленную, но заношенную и пропахшую лошадыми. На ней спереди с одной стороны ряд круглых роговых пластинок (Кэтрин такие видит впервые), а на второй – обметанные прорези. Кэтрин в недоумении. Для чего это? Костюм топорщится на груди, в мужском платье ей не по себе. Всю жизнь она носила монашеские балахоны, а это новое облачение облегает ее тело в непривычных местах. Однако теперь, когда она избавилась от тяжелых юбок, движения ее менее стеснены, и Кэтрин рассчитывает, что в этой одежде ей будет тепло, если только она ноги не промочит.

С Томасом они снова сходятся на узкой улочке и пару мгновений рассматривают друг друга. Куртка у него синяя, штаны-чулки наполовину зеленые, наполовину красные. Куртка плотно облегает туловище: застегнута на пуговицы. Увидев это, Кэтрин наконец-то понимает, что это за костяные диски на ее собственной куртке, и принимается неловко вставлять их в петли.

– Мужская одежда, – произносит она.

– Так безопаснее, – кивает Томас. – Искать будут каноника и монахиню.

Она тоже кивает. Но как-то неуверенно. Томас искоса поглядывает на нее.

– Зачем он это делает? – спрашивает Кэтрин, надевая фетровую шляпу, что ей дали. –

Он не обязан быть столь добрым к нам.

– Должно быть, исполняет епитимью, – отвечает Томас. – Думает, если поможет нам, во Франции его ждет удача. И если он надеется извлечь выгоду из своей помощи, значит, наверное, мы можем с чистой совестью принять его дар благочестия?

Кэтрин видит, что Томаса тоже гложут сомнения.

– Так и так пришлось бы где-то добывать другую одежду, – убеждает она его, – иначе нам несдобровать.

На такой веский довод Томасу нечего возразить.

– Смотри, – говорит он, – я забрал это у Райвена. Пусть будет у тебя.

Он протягивает ей четки Элис. Кэтрин медлит, не решается их взять.

– Я ведь ее даже не знал, – добавляет Томас, вкладывая четки ей в руку.

Кэтрин не желает наживаться на гибели Элис, но она берет четки, через голову вешает их на шею и прячет под рубашкой. Какое-то мгновение ощущает на коже холод слоновой кости.

Продавец индульгенций, увидев их, хохочет.

– Не безупречно, – отмечает он, – но что есть совершенство?

Он протягивает им по паре коричневых кожаных башмаков. Они обуваются. Кэтрин оглядывает себя. И с трудом верит своим глазам.

– Боже всемогущий! – восклицает Томас. Он шевелит пальцами ног и широко улыбается. Кэтрин тоже раздвигает губы в улыбке, испытывая почти невыносимое блаженство. Ноги сразу начинают согреваться, и, хотя башмаки ей велики так, что шлепают по булыжникам, ходить в них гораздо удобнее, нежели в деревянных и уж тем более босиком.

– Благодарствуйте, господин, – выражает признательность Кэтрин. – Благодарствуйте за вашу доброту.

– Я лишь исполняю свой христианский долг, – отвечает продавец индульгенций. – Однако нам лучше здесь не задерживаться.

По рынку торопливо идут два монаха. За ними спешат другие, высыпавшие из какой-то церкви.

– Шляпу надень, – тихо напоминает Томасу продавец индульгенций, и тот быстро прикрывает свою выбритую макушку. Когда монахи идут мимо них, Кэтрин цепенеет, невольно затаивает дыхание. Один из монахов, рыжий, на вид выпивоха, пристально смотрит на ее пах, и она, чувствуя себя обнаженной, прячется за спину Томаса.

Монахи проходят, и они вместе с продавцом индульгенций идут за его мулом. Квестор расплачивается с мальчишкой, и по узкой дороге они следуют к склизкой от воды серой камен-

ной пристани. Впереди под бескрайним бледным небесным пологом простирается море, на волнах покачиваются лодки и корабли самых разных размеров.

У Кэтрин от этого зрелища захватывает дух.

– Боже милостивый! – тихо охает она.

Всюду на пристани тюки шерсти, бочонки вина, бревна, мотки толстого корабельного каната и накрытые парусиной нагромождения бог весть чего, меж которыми снуют люди. В воздухе витают запахи соли, рыбьих потрохов и чего-то еще незнакомого.

Путники идут по пристани, пока не находят спокойное местечко у груды плетеных корзин конической формы, из которых в море сочится зеленая вода.

– Приглядите за мулом, – велит продавец индульгенций, – а я поищу капитана порта. Да, Томас, ты давай-ка постриги нашу сестру, чтобы она была больше похожа на Кита, а не на Кэтрин.

Так в одно мгновение из Кэтрин она превращается в Кита. У продавца индульгенций Томас заимствует нож и состригает ее волосы, роняя обрезки на землю у ее ног. Кэтрин не по себе, когда его пальцы дотрагиваются до ее головы. Она непроизвольно выгибает спину, поднимает плечи, словно старается избежать его прикосновения. Затем Томас садится, а она берет нож и принимается стричь его. Начинает медленно, пытается не дотрагиваться до Томаса, срезая его густые волосы, но потом понимает, что, если не будет придерживать пряди другой рукой, ничего не получится. Томасу, она чувствует, тоже неловко. В какой-то момент Кэтрин перестает стричь и осматривает рану у него над ухом. Немного счищает мазь и видит, что расчесанная кожа воспалена, синевато-багрового цвета.

Продавец индульгенций, возвратившись к ним, разражается хохотом.

– Святые на небесах! Он похож на умалишенного!

Кэтрин ничего не говорит, но тоже не может удержаться от смеха, глядя на пятнистую голову Томаса. Тот натягивает капюшон.

– Сэр, нашли корабль?

– Нашел. Каракка³⁹ «Мэри» отплывает в Кале со следующим приливом.

– В Кале?

– Да. Но вы не бойтесь. Капитан Кобэм с радостью согласился пристать в Сандвиче перед тем, как пересечь Узкое море. Сандвич находится в Кенте, и оттуда до Кентербери день пути пешком. Так что все, благодарению Господу, складывается как нельзя лучше. «Мэри», конечно, не настолько удобное судно, как мне хотелось бы, и капитан Кобэм довольно грубый человек, но ничего не поделаешь: *non licet omnibus adire Corinthum*. Не всякому дано побывать в Коринфе⁴⁰, как вы понимаете.

Продавец индульгенций вместе с Томасом возвращаются на рынок купить хлеба и чего-нибудь еще. Кэтрин остается среди корзин одна.

Это ее шанс. Она начинает рыться в тюках на спине мула, ищет мешок, в котором продавец индульгенций хранит деньги. Этот? С целебной мазью? Где он? Ей не удастся его найти. Мучимая совестью, Кэтрин ненадолго прекращает поиски. Мимо ведет вереницу мулов парень с изуродованным ухом. Следом идет мужчина с мертвым барсуком в руках; вид у него несчастный.

Боже милостивый! В каком व्यюке? Негнущимися пальцами она силится развязать узлы. Ага, вот. Наконец-то. Заветный сверток спрятан в грубом мешке – для маскировки. Сверток

---

³⁹ Каракка – большое парусное судно XV–XVI вв., распространенное во всей Европе. Отличалось исключительно хорошей по тем временам мореходностью и потому использовалось для плаваний в океанах в эпоху Великих географических открытий. Каракки использовались и как торговые, и как военные корабли.

⁴⁰ На протяжении всей Античности Коринф славился богатым городом, особенно по части веселого времяпрепровождения и мотовства. Поэтому бытовала поговорка «не всякому дано побывать в Коринфе», смысл которой можно истолковать как «дорогое не всем доступно».

с мазью она вытаскивает как раз в тот момент, когда продавец индульгенций и Томас спешат назад. Они купили сыра, хлеба, мешок яблок, три бурдюка вина и даже сумели продать мула за приличную цену. Торопливо направляясь к ней, они постоянно оборачиваются, потому старик не успевает заметить, как она убирает в тюк мешок, в котором лежит снадобье.

– Нам лучше не задерживаться, – говорит продавец индульгенций. – У монахов какой-то переполох, и, думаю, дело тут не в двух вероотступниках.

Он бросает взгляд на Кэтрин, и она отводит глаза. Старик качает головой, словно пытаясь избавиться от какой-то мысли, и она знает, что он догадался. Когда он расскажет Томасу?

– Пойдемте, – торопит их продавец индульгенций, и они спешат на поиски капитана Кобэма. Тот стоит, подбоченившись, и наблюдает, как длиннорылый портовый кран с ручным приводом опускает раскачивающийся на весу тяжелый ящик на палубу трехмачтового парусника.

Каракка «Мэри», судно с большой осадкой, в длину достигает около двадцати пейсов⁴¹. Кобэм, заметив, что к нему идут пассажиры, поворачивается и наблюдает за их приближением, не меняя выражения лица. Вблизи становится видно, что капитан – крепкий мужчина с рыжеватыми волосами и обветренным, задубелым лицом.

– Доброго вам дня, – приветствует он их, в шутку притрагиваясь к шляпе.

Его взгляд задерживается на Кэтрин, и она чувствует, как ее обдаёт жаром. Но в следующее мгновение он отворачивается и кричит работягам, управляющим краном, чтобы они погрузили тюки квестора. Тот особенно беспокоится за тюк, в котором спрятана мазь, и никому его не доверяет. Кэтрин замечает, как Кобэм приподнимает светлые брови, и ее сомнения насчет капитана перерастают в стойкую подозрительность.

– Держи свое оружие. – Продавец индульгенций вручает Томасу полэкс. – Лучше не оставлять его без призора.

Потом от торговца лошадьми приходит парнишка с мешочком денег, и, когда все вещи погружены на парусник, продавец индульгенций прощается с мулом, глядя животное по носу.

– Прощай, добрый друг, – говорит он со слезами на глазах, хотя мул смотрит на него совершенно невыразительно. – Может, еще и свидимся, когда я вернусь обновленным человеком.

Парнишка уводит покорного мула прочь, а Кэтрин вслед за продавцом индульгенций по сходням поднимается на судно. Она даже и не думает протянуть Томасу руку, хоть тот и предлагает свою помощь. И мгновением позже она вступает в неведомый мир, который колышется под ее ногами.

Самого настила почти не видно под мешками, бочками, тюками и всевозможными деревянными приспособлениями непонятного назначения. По краям лежат смотанные канаты, парусина, два огромных проржавевших якоря. В одном углу сидит на перевернутом ведре темнокожий человек, греет руки над тлеющим огнем, разведенным в центре широкой каменной плиты. Другие матросы, бездельничая у веревочных ограждений, рассматривают новоприбывших. Матросов человек семь или восемь, все жилистые, на вид – кровожадные дикари.

– Вы там вон располагайтесь, если ума хватает. – Кобэм кивает на дощатую дверь ниже палубы на корме парусника.

– Очень хорошо, – говорит продавец индульгенций. Он пробирается по палубе к указанной двери и с трудом ее открывает. В лица им ударяет жуткий смрад, еще более сильный, чем зловоние моря: дьявольская смесь блевотины и уборной.

– Ночью здесь на палубе чертовски холодно, – добавляет Кобэм с ухмылкой.

Снова начинает сыпать снег, на шляпе продавца индульгенций оседают жирные мокрые снежинки. Кэтрин смотрит на пристань, туда, где в сумеречной мгле исчезает мул. Парнишку, который уводит животное, останавливают два монаха в черном облачении. Бенедиктинцы.

---

⁴¹ Пейс – мера длины, равная 76,2 см.

– Давайте зайдём в каюту, – предлагает она.

– И то правда, – соглашается продавец индульгенций, перехватывая ее взгляд. – *Ignis aurum probat, miseria fortes viros*⁴².

Свет в каюту проникает через щели в планках окна, пол сырой, на стенах – давно затвердевшая корка грязи. Продавец индульгенций закрывает за ними дверь. Они все задерживают дыхание.

– Нам нужно посидеть здесь до отплытия, пока корабль не увезет нас подальше от монахов, – говорит продавец индульгенций. Он смотрит через щель в окне.

– Или пока капитан не сдаст нас, – добавляет Кэтрин.

– Увы, – соглашается с ней старик, – похоже, он и впрямь готов мать родную продать. Но я заплатил ему только половину того, что с нас причитается. Пообещал, что вторую половину отдам после того, как он благополучно доставит нас в Кале, где меня, сказал я, встретят с деньгами товарищи по ремеслу. Он не выдаст нас братьям-монахам, пока не получит свои деньги, но, поскольку ему известно, что нас разыскивают, наше путешествие может быть сопряжено с еще большими трудностями и обойтись нам дороже, чем мы рассчитывали.

Они сидят в смрадной темноте, прислушиваясь к голосам извне. Наконец наступает тишина. Монахи, судя по всему, ушли.

– Хвала Господу, – вздыхает продавец индульгенций. В темноте видны только белки его глаз.

За дверью раздаются чьи-то шаги на трапе, крики, снова шаги и снова крики. Парусник внезапно вздрагивает, кренился, оживает. Кэтрин импульсивно хватается Томаса за руку и чувствует, как он цепенеет.

– Отчаливаем, – объясняет продавец индульгенций. Над ними на корме разносится зычный голос Кобэма, словно он подбадривает матросов: «Раз, два, взяли!»

Кэтрин отпускает руку Томаса как раз в то самое мгновение, когда продавец индульгенций прижимает к щекам ладони.

– Боже милостивый на небесах! – восклицает он.

– Что? Что такое?

– Мы не сделали подношения святому Николаю, – отвечает старик. – Не принесли ему дар, чтобы в путешествии нам сопутствовала удача.

---

⁴² *Ignis aurum probat, miseria fortes viros* (лат.). – «Огонь испытывает золото, несчастье – сильных людей» (Сенека).

Глава 7

Восточный ветер гонит большие волны с пенящимися гребнями, они перекатываются под караккой, приподнимая парусник и бросая его ближе к подветренному берегу. Капитан Кобэм, в низко надвинутой на лицо кожаной шляпе, стоит на кормовой палубе, широко расставив ноги, и бранится что есть мочи.

– Черти в преисподней! – ревет он. – Будьте вы прокляты!

Продавец индульгенций и Томас сидят на корточках рядом и, опустив головы между ног, ободранными ладонями цепляются за кренящийся борт.

– Мы разобьемся! – кричит старик, перекрывая вой ветра. – Нужно было заказать мессу, сотню месс.

Его снова рвет, и он вытирает рот тыльной стороной ладони. Роберта Дода тошнило всю ночь, и от натуги он обессилел. Лицо его пожелтело, глаза налились кровью, борода пропиталась слюзью, которую не смывает даже дождь.

К вечеру он слабеет настолько, что не может сидеть. С помощью Кэтрин и юнги Томас переносит его в каюту и укладывает в грязный гамак.

– Пресвятые угодники, – стонет старик, – разве я мало страдал? Мне посоветовали принять целебную ванну. Сказали, это поможет. Я велел служанке – она хорошая девочка – утопить новорожденных щенков-фокстерьеров. Потом велел выпотрошить несчастных и, *Jesu Christe*, сварить из них суп. Да. Суп. Суп из собак. На целую ванну. В которой я мокнул четыре часа с двумя...

Все его существо снова сотрясает рвотный спазм, но наружу уже ничего не выходит: желудок пуст.

– ...с двумя шкурами недавно освежеванных козлят. Одну положил на голову, другую – на грудь, чтобы не подхватить простуду. Мне сказали, что этого будет достаточно, что я исцелюсь, но куда там. Нет. Господь желает, чтобы я умер от морской болезни.

– Капитан говорит, от морской болезни еще никто не помер, – вставляет юнга, задержавшись в дверях каюты, чтобы хоть немного побыть не под дождем.

– Только мысль о смерти и не дает мне умереть, – стонет продавец индульгенций.

Юнга смеется и спешит прочь, балансируя на покато́й палубе. Дверь в каюту с грохотом захлопывается.

– Хороший парнишка, – говорит продавец индульгенций. – Чем-то похож на моего мальчика.

– У вас есть сын?

– Похоронил его три года назад, – качает головой старик. – Чума.

Непогода буйствует еще два дня. Парусник выдерживает шторм, и, когда дождь прекращается, жизнь на палубе возобновляется. В вышине парят чайки – белоснежные крылья на фоне синего неба. Светит солнце – ласкает теплыми лучами кожу, хоть до костей и не прогревает. Кок разводит костер на своей каменной плите и варит похлебку из рыбы, которую наловил юнга. Судно по-прежнему бросает на волнах, но команда принимается чинить паруса. Все, что промокло, сушится, в том числе и продавец индульгенций.

На следующий день земля по правому борту удаляется, на горизонте появляются корабли. Вода под носом парусника меняет цвет, становится как пенящееся пиво. В ней плавают обломки бочек, перья, грязные камыши,дохлая собака.

– Плыдем через эстуарий, – объясняет юнга, показывая куда-то на запад. – Там Лондон.

Капитан Кобэм теперь более бдителен, велит юнге вскарабкаться по вантам на грот-мачту и оттуда вести наблюдение.

– Пиратов боится, – тихо объясняет продавец индульгенций. – Еще одна беда, которой теперь приходится опасаться.

Томас рассеянно хмыкает. Ему кажется, он вообще не спит с тех пор, как покинул монастырь, ибо каждый раз, стоит ему закрыть глаза, он представляет Райвена или его телохранителя-великана в тот самый момент, когда верзила готовится выдавить ему глаз. Или вспоминает гибель декана в клуатре. И все эти образы оживают, как будто те события происходят теперь, а не случились несколько дней назад. И каждый раз он резко просыпается с гулко бьющимся сердцем и видит, что у него сжаты кулаки.

Он пытается молиться об избавлении от этих снов и просит Господа отомстить от его имени. Но, произнося молитву, невольно воображает себя избранным орудием Господа. Представляет, что находит Райвена, как предлагал это сделать продавец индульгенций, и вступает с ним в поединок: бьет его, режет, топчет, ломая кости, терзая плоть. И каждый раз ему приходится унимать свои фантазии, успокаивать себя и возвращаться к молитве.

Продавец индульгенций, сидя рядом с ним на тюке, вздыхает.

– Представляю, как ей тяжело, – говорит старик, кивая в сторону Кэтрин. Та стоит к ним спиной в носовой части парусника. – Сбежать из монастыря, чтобы оказаться в самой гуще толстокожих мужланов.

Не отвечая, Томас снова бросает взгляд на Кэтрин. У той спина прямая, плечи напряжены.

– А что ты, брат Томас? Вернешься в свою обитель?

– Когда-нибудь вернусь, – молвит он. – Там хорошо.

– Хорошо-то хорошо, – соглашается продавец индульгенций, – только, сдается мне, эта хорошая жизнь продлится недолго.

– Вы о чем?

– В монастырях сосредоточены слишком большие богатства, – осторожно начинает старик, показывая в сторону суши. – Наши герцоги из кожи вон лезут, устраивая выгодные браки для своих детей. Однако самым выгодным во всей Англии был бы брак между аббатом Вестминстера и аббатисой Сиона. И такие люди, как твой Джайлз Райвен, непременно найдут способ – не мытьем, так катаньем – прибрать к рукам чужое добро, и потом уже – лета не пройдет – все монастыри, приораты, женские и мужские обители станут добычей в чьей-нибудь охотничьей сумке.

Речь продавца индульгенций прерывает крик юнга на мачте. Парнишка что-то увидел. Все матросы прекратили свои занятия.

– Что там? – кричит Кобэм.

– Балингер⁴³, – сообщает юнга. – Идет быстро. Десять весел, может больше. Грот поднят. Идет к мысу.

Томас вскакивает на ноги, идет на корму к Кэтрин и видит, что один из кораблей буквально летит по реке. Весла ритмично опускаются в воду, уверенно толкая балингер вперед. Кобэм зычным голосом отдает указания, и матросы ослабляют натяжение парусов, чтобы сбросить ветер. Корабль замедляет ход. Они ждут.

– Изменил курс! – кричит юнга. – Идет к нам.

Кобэм, чертыхнувшись, отдает новые указания. Команда снова натягивает паруса, каракка кренится. Кобэм поворачивает румпель, направляя судно на восток, в открытое море.

Разговоры утихают. Матросы напряжены.

– Что там? – кричит Кобэм.

---

⁴³ Балингер – весельно-парусное судно, широко распространенное в парусных флотах западноевропейских стран XIV–XV вв. В военно-морских силах выполняли функции разведывательных кораблей. Впервые появились в Великобритании и изначально использовались в китобойном промысле (вельботы).

– За нами гонится, – отвечает юнга.

По палубе прокатывается стон.

– Проклятые пираты, – бранится Кобэм. – Плохо дело. Граф Уорик должен был навести порядок в этих водах, а тут вон что. Разве что?.. – И вдруг его осеняет. – Кто они? – спрашивает он юнгу. – Видишь какие-нибудь знаки отличия?

– Металл сверкает на солнце.

– Доспехи?

– Может быть. Шлемы точно есть.

– Не исключено, что это люди Уорика, – предполагает Кобэм.

Они смотрят на залатанные паруса, которые опять сдуваются, потому что ветер стихает. Каракка теряет ход. Снова выругавшись, Кобэм принимается нажимать на румпель, словно это может ускорить движение судна.

– Эй, кок! – кричит он. – Слышь, кок! Хватит жрать сухари. Давай свисти, вызывай ветер!

Кок – гемуэзец, по словам продавца индугенций, – начинает свистеть. По тяжелой парусине прокатывается рябь.

– Свисти, придурок! Не останавливайся! – Кобэм мечется по палубе. – Саксби! Эй, Саксби! Бросай за борт все лишнее.

Саксби – помощник капитана, темноволосый кудрявый громила с золотой серьгой в форме кольца в одном ухе. Он хватается за еще теплый каменный очаг кока, не без труда поднимает его, вразвалку идет с ним к борту и бросает в зеленую воду. Глухой всплеск, фонтан брызг, летящих через палубное ограждение. Кок ни на мгновение не перестает свистеть. Саксби и еще трое матросов перекидывают через борт якоря. Те с гулким «бух-бух» плюхаются в воду.

– Святой Иисусе на кресте, – бормочет Кобэм. – Сколько ж денег ухнуло!

– Капитан, нас догоняют! – кричит юнга.

– Ладно, – произносит Кобэм. – Избавляемся от балласта. Эй вы! Господин Дод. Помогите-ка нам со своими парнями. Все лишнее за борт.

Томас и Кэтрин вместе с матросами начинают тягать и бросать за борт тюки и вьюки. Продавец индугенций, едва не теряя сознание, лишь скулит: «Не надо, нет, нет, нет», видя, как его вещи швыряют за борт наряду с остальным грузом. Что-то тонет, что-то остается на плаву. Канаты, парусина, ведра, тюки, коробки – все, что не закреплено на палубе, летит вниз. За караккой тянется шлейф покачивающихся на воде деревянного инвентаря, досок и обернутых в парусину мешков.

Один из матросов выносит из каюты мешок продавца индугенций.

– Господин! – вскрикивает старик, бросаясь к нему. – Только не этот! Это все, что у меня есть!

Матрос смотрит на Кобэма, тот прищуривается, кивает.

– Ладно. Верни на место.

Матрос швыряет мешок обратно в каюту, но все остальное идет за борт. Горшки и кастрюли кока, деревянный стул, веревки, смола, продукты, эль. На корабле остаются лишь люди, паруса, мешок продавца индугенций и оружие: четыре ржавых меча, билль на длинном древке, кувалда, которой разбивали цепи, и полэкс великана. У каждого члена команды по два ножа: один на поясе, второй спрятан в одежде. Томас берет в руки полэкс, один из матросов дает Кэтрин веревку. Ее конец связан в узел размером с большой кулак, а в нем спрятан камень – смертельное оружие.

– Выходит, я тоже должна драться, – шепчет она Томасу и, взмахнув веревкой, вздрагивает: утяжеленный узел пролетает мимо ее носа.

– Уфф! – восклицает Томас. – Осторожней.

Она смотрит на узел. Томас встает перед ней, чтобы защитить от надвигающейся опасности.

– По-прежнему нагоняет, но уже не так быстро, – докладывает юнга.

Он мог бы и не предупреждать. Все матросы выстроились вдоль борта, наблюдают, как баингер несется к ним, разрезая воду. Кобэм следит за его приближением с кормы.

– Проклятье! – ругается он. – Зря выбросили каменный очаг. Швырнули бы на них отсюда, сразу бы всех потопили.

Томас замечает, как что-то мелькает в вышине. В следующее мгновение что-то с резким стуком врезается в корабль. Все вздрагивают.

– Господи Иисусе!

В палубу вонзились две жирные стрелы, выбив снопы щепок. Обе с ярд длиной и толщиной с палец Томаса. Только что их не было – и вот они уже торчат из палубы. От каждой стрелы поднимается пыль, словно дым от чадающей свечи.

– Проклятье! – бранится Кобэм и затем обращается к юнге: – Эй! Парень! Предупреди, когда они снова соберутся выпустить в нас свои чертовы стрелы, маленький...

Он осекается на полуслове и, ладонью прикрыв глаза от солнца, смотрит вверх.

– ...ублюдок, – тихо договаривает капитан. Одна стрела, вонзившись в грудь юнги, припиливает его к мачте. Кобэм бросает взгляд вокруг. – Саксби! Саксби, черт бы тебя побрал! – орет он. – Хватит пялиться, как козел. Избавься от старья.

Кобэм кивает, и Саксби, покинув свой пост у корабельного ограждения, с ухмылкой подбегает к бледному, перепуганному продавцу индугенций. На глазах остолбеневшего Томаса Саксби хватается старика под мышки, задом подтаскивает к борту и бросает в воду. Продавец индугенций не успевает даже вскрикнуть.

Саксби отступает.

Томас устремляется к борту. Ничего и никого. Только зеленое море, пенистые волны до самого горизонта. Старика нигде не видно. Утонул. Томас ошеломлен.

Саксби рядом самодовольно фыркает.

– Это был бесполезный балласт, приятель! – кричит Кобэм. – Толку от него никакого. Драться он бы не смог.

Томас готов придушить Саксби.

Тот видит, что выражение его лица изменилось. В руке Саксби сверкнуло лезвие, а он умеет обращаться с ножом. С размаху метит в лицо Томасу, пытаясь отнять у него полэкс. Томас откидывает голову назад, и нож рассекает воздух.

Смеясь, Саксби снова нападает. Томас выкидывает полэкс пикой вперед. Хочет просто отпугнуть Саксби, но тот идет на него слишком быстро, не ожидая его выпада. Раздается хруст. Томас чувствует, как пика полэкса врезается во что-то мягкое. Саксби охает, глаза его округляются. Томас уже не отдает отчета своим действиям. Он глубже вгоняет пику. Лицо Саксби меняет цвет, язык вываливается наружу. Он хватается ртом воздух.

Томас отступает. Полэкс обагрен кровью. Саксби падает на колени, глаза его закатываются.

Все произошло так стремительно.

– О боже! – вскрикивает Томас. – Господи всемогущий! Прости меня! – Он роняет смертоносное оружие и хватается Саксби за руки, словно, если будет держать его, это спасет ему жизнь. – Я не хотел. Ты же видел! Клянусь всеми святыми!

Но Саксби уже мертв. Его бездыханное тело выскользывает из рук Томаса и валится на палубу.

– Боже всемогущий!

Томас отступает от убитого, озирается по сторонам: кто ему поможет, кто поверит? Кэтрин, бледная как полотно, тарашится на него с раскрытым ртом. Все случилось так быстро.

Внезапно. Так легко. Палуба и башмаки Томаса испачканы кровью; под телом Саксби тоже скапливается красная лужа.

– Ах ты черт! – взревел с кормы Кобэм. – Что ты натворил? Эй вы! Чего стоите? Убить его. Обоих убить, черт бы вас побрал! Убить и бросить за борт!

У Томаса перед глазами все плывет. Звуки как будто отдаляются. Время замедляется. Он недоуменно смотрит на свои руки – руки убийцы.

Боже всемогущий! Он убил человека.

– Томас! – вдруг кричит Кэтрин и шлепает его по плечу. – Томас!

Зрение и слух восстанавливаются. Голова наполняется шумом. На него, на Кэтрин несутся матросы. Томас подбирает с палубы полэкс и толкает Кэтрин к себе за спину. К ним подбегает первый матрос с ржавым клинком в руке. Томас полэксом отбивает удар. Матрос невольно пятится. Краснолицый, безобразный, он брызжет слюной от ярости. Томас тупым концом бьет его в пах. Это получается само собой, без усилий. Кажется, что полэкс невесом в его руках. Как будто пляшет сам по себе.

Матрос что-то кричит, роняет меч и отскакивает назад, но оступает и теряет равновесие. Не раздумывая, Томас устремляется к упавшему и вонзает лезвие ему в лицо. Тот издает пронзительный крик и ладонями зажимает кровавое месиво на месте носа и зубов. Корчится на покато́й палубе и в конце концов захлебывается собственной кровью.

А на них уже нападает другой матрос – верзила с облезлым носом, в толстой кожаной куртке. Он за спиной у Томаса, пытается пырнуть Кэтрин зазубренным ножом. Она уклоняется от удара. Лезвие со свистом разрезает воздух. Лица ее не задевает, но цепляет рукав. Томас поворачивается и вонзает гребень полэкса матросу под мышку, ломая ребра. Тот задом пятится к бортовому ограждению и валится на спину, суча ногами по палубе. Его руки и грудь заливают кровь, из горла вырываются хрипы. Через мгновение он тоже мертв.

– Боже мой, боже мой. – Лицо Томаса покрывает восковая бледность.

– Ах ты гад! – ревет Кобэм.

Их крови жаждут еще трое – громилы со сбитыми костяшками пальцев и пустыми глазами. Один подбирает с палубы ржавый меч. Томас наблюдает, как один матрос обходит его слева, а другой – справа. Как он будет биться сразу с двумя?

И тут с балингера на каракку вновь обрушивается град стрел. Пять глубоко вонзаются в палубу, образуя чостокол. Последняя впивается в пятку нападающего матроса, пригвождая его к доскам. Тот, взыв, роняет меч, дергает за оперение стрелы.

В это самое мгновение второй матрос бросается с мечом на Томаса. Томас принимает удар на железный лангет полэкса, подступает к обидчику и, по примеру Райвена, левым кулаком бьет его в нос. По лицу матроса текут две струи крови, а Томас резко разворачивается и вонзает ему в колено лезвие топора. Матрос, обмякнув, валится на палубу. Томас припечатывает его шипом на обухе. С такой раной он промучается несколько дней, прежде чем умрет.

На Томаса наступает третий матрос, идет вокруг него, низко держа клинок, но в его лице и движениях сквозит нерешительность, и он тотчас отступает, едва Томас наставляет на него пику полэкса.

– Помогите! – кричит матрос, за пятку припиленный стрелой к палубе. – Помогите, ради бога! Ради всего святого! Помогите!

Кобэму надоело это представление. Он покидает свой пост у румпеля и быстро спускается по трапу. Хватает ржавый меч и надвигается на матроса со стрелой в пятке. Тот смотрит на него умоляюще, но потом выражение его лица меняется, и он пытается отползти назад.

– Нет! – кричит он, прикрываясь руками.

Кобэм с размаху опускает меч ему на горло. Фонтан крови. Матрос падает как подкошенный, да еще и неуклюже подпрыгивает, будто свалился с дерева. Одна его нога по-прежнему пригвождена к доскам палубы, которые заливают кровь.

– Вот как надо, уроды! – ревет Кобэм. – Раз – и готово! Все видели?

Капитан поворачивается к Томасу.

– Я ведь принял вас за вероотступников, – шипит он. – Зря не сдал вас братьям-монахам!

С этими словами он делает выпад в сторону Томаса, рубит с плеча. Томас отбивает удар. Тогда Кобэм устремляется к Кэтрин. Томас атакует. Кобэм подставляет под полэкс меч. От удара металла о металл раздается лязг. Кобэм силен, сильнее Томаса, даже, пожалуй, сильнее Райвена. Он отталкивает Томаса и локтем заезжает ему в скулу. У Томаса подкашиваются колени, в глазах темнеет. Полэкс сразу тяжелеет, едва не вываливается из руки.

Улыбаясь, Кобэм собирается нанести новый удар, но тут Кэтрин бьет его веревочным молотом.

Кобэм шатается. Его рука взлетает к шее, куда пришелся удар. Он проверяет, есть ли кровь. Совсем чуть-чуть. Он пытается исподтишка полоснуть Кэтрин мечом. Томас с размаху опускает топор на клинок, вышибая его из руки Кобэма. Тот вскрикивает от боли, меч с кланьем катится по палубе к Кэтрин. Она наклоняется, чтобы его подобрать. В руке Кобэма появляется нож. Он кидается к Кэтрин, хватая ее за ворот, подтаскивает к себе, наклоняет назад, обнажая ее шею. Томас приходит в чувство.

Он с размаху рубит полэксом, едва не задев Кэтрин. Глухой стук железа о кость. Томас вонзает пику полэкса в шею Кобэма прямо под подбородком. Тот умирает мгновенно. Его тело, превратившись в мертвый груз, валится на палубу, вырывая из ладони Томаса рукоять полэкса. Воздух наполняется знакомым железистым запахом крови.

Кэтрин покачивается на ослабевших ногах, держится за горло. Томас нагибается, выворачивает полэкс из тела Кобэма, готовясь отражать следующую атаку. Дыхание его затруднено, перед глазами опять все плывет. Выставив перед собой полэкс, он смотрит на матросов, собравшихся на палубе.

Те не двигаются. Бледные, ошеломленные, стоят и таращатся на него. Потом бросают оружие и отступают. Томас и сам с трудом верит в то, что произошло. Кэтрин смотрит на него так, будто видит впервые.

– Мне нужно сесть, – говорит он. Чувствуя, что ноги не держат его, он бросает полэкс и опускается на палубу. Лицо его морщится, и по щекам текут безмолвные слезы. Он стискивает ладони вместе, чтобы унять дрожь в руках.

– Что теперь? – спрашивает Кэтрин. На ней тоже лица нет, над губой размазана кровь.

– Будем ждать, – отвечает за Томаса кок-генуэзец, – и надеяться, что нас не убьют.

Томас почти забыл про пиратов.

Толчок. Это балингер, теперь невидимый с палубы, ударился о борт каракки. Мгновением позже на судно поднялись, перепрыгнув через ограждение, два человека в тяжелых, подбитых мехом плащах. В руках у них мечи, на головах – стальные шлемы. Первый – рослый, в высоких сапогах, больше подходящих для всадника, нежели для моряка, двигается легко и непринужденно. Второй – маленький, жилистый, как терьер, с рыжими бакенбардами и большим носом, который не раз был сломан. На обоих – табары, на которых видны круги от пота и проступившая соль.

Чужаки останавливаются и оглядываются.

– Черт бы меня побрал! – восклицает второй. – Похоже, мы опоздали к сбору урожая.

Первый, на голову возвышающийся над своим спутником, убирает меч в ножны и снимает шлем.

– Святые небеса, – разочарованно произносит он. – Что здесь произошло?

У него темные волосы, коротко остриженные над ушами, как у Райвена, но он моложе, с открытым красивым лицом, которое внушает Томасу доверие. Через борт медленно переваливаются еще трое. Видно, что они непривычны к качке. По всем признакам – деревенские парни, каких Томас знал в родном селении давным-давно. Все как на подбор мускулистые, широко-

плечие, кровь с молоком, сутулые от постоянной работы в полях. Все вооружены короткими мечами, за исключением одного: у того лук и колчан со стрелами. Как и на первых двух, на них красные плащи с маленькой белой звездой на правой стороне груди. При виде трупов все трое крестятся.

Первый проводит рукой по волосам.

– Я Ричард Фейкенгем, – представляется он матросам, – из Мартон-Холла в Линкольншире, и от имени своего господина графа Уорика, коменданта Кале, которому вверено следить за порядком на морях, я конфискую это судно для его целей.

– Так вы не пираты? – спрашивает кок-генуэзец.

– Нет, – отвечает он с оскорбленным видом. – Мы солдаты. Так, кто из вас капитан?

Один из оставшихся в живых матросов – он старше остальных, похож на хорька, с залысинами на лбу – показывает на Кобэма.

– Хм. А помощник капитана?

Матрос показывает на Саксби.

– Понятно, – говорит Фейкенгем. – Кто из вас знает, как управлять этой посудиной?

И снова инициативу проявляет тот же немолодой матрос.

– Как тебя зовут?

– Лиссон, – отвечает матрос. – Джон Лиссон. Из Фалмута.

– Так что, Джон Лиссон из Фалмута, сумеешь доставить нас в Кале? Через Узкое море?

Помедлив в нерешительности, Лиссон кивает.

– Тогда приступай.

Лиссон обводит взглядом остальных матросов, словно спрашивает у них дозволения, затем по трапу поднимается на корму к румпелю. Криком отдает команду, два других матроса и кок-генуэзец кидаются ее выполнять. Когда они проходят мимо невысокого солдата, который вместе с Фейкенгемом первым ступил на каракку, тот оскаливается и рычит на них, будто пес.

– Уолтер, не убивай никого из них без острой необходимости! – кричит ему Ричард Фейкенгем. – Без матросов эта посудина сама не доплывет куда нам нужно.

Потом он поворачивается к своим людям.

– А вы привяжите-ка наше судно к этому и потом помогите подняться сюда отцу.

Один из солдат кричит что-то людям на балингере. Ему кидают канат, он ловит. Фейкенгем оглядывается, будто что-то забыл, и видит рядом с трупами сидящего Томаса и стоящую Кэтрин.

– Что здесь случилось? – осведомляется он.

Томас проглатывает комок в горле. Говорить он не в силах. Знает: если попытается, снова заплачет.

– Они выбросили за борт нашего господина, – отвечает за него Кэтрин, показывая на корму. – А потом пытались убить нас.

– И вы их убили?

Кэтрин кивает.

Фейкенгем вскидывает брови.

– И кто же вы такие? – спрашивает он. – Как вообще оказались на этом судне? Вы же не из команды, верно? – Он кивает на матросов.

– Нет, – подтверждает Кэтрин. – Мы были его слугами.

– Того, кого утопили? А кем был он?

– Его звали Роберт Дод. Он был продавцом индульгенций. Из Линкольна.

– Из Линкольна? Может, я и знал его. Мы тоже из Линкольна. Уолтер? Ты был знаком с неким Робертом Додом? Продавцом индульгенций? Из наших краев?

В ответ – раздраженное бурчание: нет, он такого не знал.

– Ладно, спрошу у отца. Хотя у него нет времени на всякие глупости. Индульгенции и прочее.

Взгляд Фейкенгема падает на полэкс великана, лежащий там, где выронил его Томас. Он нагибается, подбирая окровавленный топор.

– Твой?

Томас кивает.

– Отличное оружие, – восхищается Фейкенгем. Он начинает размахивать полэксом, проверяя его маневренность. – Отменное.

– Мы направляемся в Кентербери, – сообщает Томас, словно это все объясняет.

Фейкенгем пропускает его слова мимо ушей.

– Запросто без глаза оставит, – говорит солдат, которого он назвал Уолтером. Тот, внезапно появившись рядом с Фейкенгемом, внимательно смотрит на Томаса. Хмурится, потирая щетинистый подбородок. Потом медленно окидывает взглядом Кэтрин, отчего ей становится не по себе. Что-то в ней ему не нравится.

– Уолтер, избавься, пожалуйста, от этих, – просит Фейкенгем, показывая на трупы. – Всех за борт. И еще проследи, чтоб здесь немного прибрались. И займемся делами. Нам нужно добраться до Кале, не привлекая к себе внимания.

Уолтер опускается на корточки подле мертвых моряков и принимается шарить в их одежде. Что-то тихо бормочет себе под нос, разочарованно фыркает. Прикарманивает несколько монет, которые находит в кошельке, висящем на шее у Кобэма. Три ножа не самого лучшего качества оставляет на палубе: кому надо, возьмут. Кэтрин быстро их подбирает. С одного из моряков он снимает мешочек с деревянными четками. Томас молча наблюдает.

Он убил человека. И не одного. Конечно, он сделал это, чтобы спасти себя, спасти Кэтрин, однако в нос бьет запах крови на его руках и башмаках. Эта кровь словно пятно на его душе.

– Эй, слуга. Помоги.

Уолтер выпрямляется во весь рост, держа за ноги Саксби. Хочет, чтобы Томас взял мертвеца за плечи. Томас встает, берет Саксби за кожаную куртку и поднимает. Вдвоем они несут тело к борту.

– Мы что, даже молитву не произнесем? – спрашивает Томас. Его ужасает сама мысль, что человек, даже такой, как Саксби, отправится на небеса или в преисподнюю без благословения или заупокойной молитвы. В монастыре, когда умирает каноник или монахиня, члены общины молятся за упокой их душ три дня.

– Нет, – отрезает Уолтер, глядя на него как на дурачка.

И на том разговор окончен. Они бросают Саксби за борт. Томас смотрит, как тело плюхается в воду, а Уолтер уже зовет его, чтобы заняться другими трупами. Вдвоем они подтаскивают мертвецов к борту и швыряют в море. Мертвые, они всего лишь туши, куда более тяжелые, чем при жизни. Томас бормочет молитву, благословляя каждого в последний путь. Один из оставшихся матросов забирается по канатам на мачту и сбрасывает оттуда труп юнги. Его тело с болтающимися руками и ногами летит вниз, задевает о штаги, подпрыгивает и падает в море, вызвав небольшой всплеск.

– Совсем еще юнец, – замечает Фейкенгем, глядя ему вслед. – Жаль.

Матросы принимаются натягивать хлопающие паруса. Каракка обретает устойчивость и начинает двигаться вперед. Линия горизонта выравнивается. Еще два человека, вскарабкавшись с балингера на каракку, помогают перебраться через борт старому сэру Джону. У него красное лицо, белые как снег волосы, синюю бархатную шляпу украшает длинное серое перо. Старик одет в подбитый мехом плащ, на ногах – заляпанные грязью красивые кожаные сапоги, некогда имевшие цвет конского каштана. Ступив на палубу, он прихрамывает, словно его терзает боль.

– Проклятье, – бормочет старик. В его тусклых голубых глазах блестят слезы. Какое-то время он стоит, покачиваясь, словно знает, что следующий шаг причинит ему нестерпимую муку, и высматривает кратчайший путь до того места, где можно сесть.

– Сынок, пожалуйста, принеси мой сундук, – просит он Фейкенгема. Тот подбегает к борту и отдает распоряжение людям на балингере. Мгновением позже еще два солдата доставляют на борт каракки сундук из красной кожи, окованный медью, и ставят его у стены каюты. Один из этих солдат тучный, человека толще Томас еще не встречал, однако руки у него могучие, каждая как бритый поросенок, а грудь широкая, будто церковная дверь. Пока старик, тяжело дыша, ждет, Ричард Фейкенгем открывает сундук, достает большую красную подушку и снова его закрывает. Подушку он аккуратно кладет на сундук и помогает старику сесть на нее.

– Тебе удобно, отец? – спрашивает он.

– Спасибо, мой мальчик, – благодарит сэр Джон. – Спасибо. И что бы я делал без тебя, м-м?

Устроившись на сундуке, старший Фейкенгем поправляет шляпу и бросает взгляд вокруг.

– Неплохой кораблик, – одобрительно произносит он. – Молодой Уорик будет доволен. Его взгляд падает на стоящих неподалеку Томаса и Кэтрин.

– А вы кто будете?

– Сэр, мы слуги Роберта Дода, – отвечает Томас, – продавца индульгенций из Линкольна.

– Старика Дода? – Лицо старшего Фейкенгема проясняется, когда он слышит знакомое имя. Он обращает взор на сына. – Знаешь, он однажды пытался продать мне мазь от моего недуга. Я потом часто жалел, что не раскошелился, но, когда сын его умер, примерно год спустя, я подумал: ежели ему не удалось своим снадобьем из пальца святой Цецилии или лопатки еще кого-то исцелить собственного сына, вряд ли он сумел бы помочь мне.

– Вот, возьми, отец.

Ричард Фейкенгем подает старику кубок, и тот пьет, содрогаясь.

– Так где он? Мастер Дод? – спрашивает старший Фейкенгем, вытирая платком рот.

Томас рассказывает ему о том, что случилось с продавцом индульгенций.

– Утонул? Эх, бедняга.

Сэр Джон помолчал. Подняв глаза на Томаса, заскользил взглядом по его окровавленной одежде.

– Но вы, я вижу, так просто не сдались, м-м?

– Они убили пятерых, – сообщает молодой Фейкенгем, показывая отцу полэкс великана. – Пятерых с половиной, если учесть еще того.

Он кивает на матроса с раной в животе, который лежит в тени корабельного ограждения. Тот еще жив.

– Бог мой, Ричард, – присвистнул старик, глядя на полэкс. – Ты только посмотри, какой красавчик. Не хотел бы я драться с тем, у кого в руках сие оружие. Так кто ты будешь?

– Томас Эверингем из... Я... слуга.

Старик в задумчивости смотрит на Томаса и Кэтрин.

– Слуга, говоришь? Однако сколько человек ты убил сегодня утром? А сам и царапины не получил. Это что – чудо? Вы как думаете, а? Ричард? Джеффри? Это ли не чудо?

Он обращается к сыну и толстому солдату. Ни тот ни другой не отвечают, но оба допускают такую возможность.

– Наверное, милосердный Господь присматривает за тобой, м-м? Возможно, Он прочит тебе некое особое предназначение, а? Некое высшее призвание? – шутит сэр Джон, снова устремляя взгляд на Томаса. – Ты рослый парень, верно? – отмечает он. – Не сильно дюжий, но... Когда-нибудь стрелял из лука?

– Лет пять уж не стрелял, – прикидывает в уме Томас. – Не упражнялся с тех пор, как отец отправился во Францию.

– Во Францию, м-м? И не вернулся?

– Нет, сэр.

Палуба качается у них под ногами, старика сковывает боль, и он на мгновение забывает про них. Глаза его наполняются слезами, но вскоре самообладание к нему возвращается, и он опять прикладывается к кубку. Потом говорит:

– Я обязался предоставить моему господину Фоконбергу⁴⁴ пятнадцать лучников. Именно столько у меня их было, пока один не сбежал домой, когда увидел море, так что сейчас одного мне не хватает.

– Они говорят, что держат путь в Кентербери, – вставляет Ричард.

– Что ж, еще одно счастливое совпадение. Мы тоже туда отправимся, как только представится возможность.

– Вы доставите нас в Кентербери? – уточняет Томас.

Он с трудом верит в такую удачу.

– Мы не перевозчики, парень, – смеется сэр Джон, – но если ты готов принять участие в моей кампании в качестве лучника, тогда я позабочусь о том, чтобы вы добрались до Кентербери, и не только.

Говоря это, он смотрит на сына. Ричард сдержанно улыбается.

– Но... – начинает Томас, собираясь признаться, что он дал монашеский обет. Кэтрин едва заметно качает головой. Старик неверно истолковывает ее знак.

– Что, не желаешь? – спрашивает он. – Тогда придется проверить, действительно ли Господь уготовил тебе некое особое предназначение, ибо вы отправитесь к берегу вплавь, прямо сейчас. Я не повезу тебя в Кале лишь для того, чтобы увидеть, как ты переметнешься к герцогу Сомерсету, сбежишь в его вонючий замок. Ты слишком ловко управляешься со своим полэксом, и я не хотел бы в будущем встретиться с тобой на поле боя, сожалея, что не убил тебя, когда имел такую оказию.

Томас поворачивается к Кэтрин. Разве у них есть выбор?

– Мы будем служить вам верой и правдой, – произносит он.

– Такой ответ мне больше по нраву, – говорит Фейкенгем. Потом обращается к Кэтрин: – А сколько тебе лет, юнец? Четырнадцать? Пятнадцать? Когда-нибудь стрелял из лука? Хотя вряд ли, больно уж ты тщедушный. Что ж, думаю, мы найдем тебе применение. Пока не нарастишь мускулы. Будешь оруженосцем у моего сына. Ричард? Что скажешь?

Ричард кивает. Вид у него довольный. Кэтрин молчит.

– Платить вам столько же, сколько своим лучникам, я не могу, но обещаю, что вы будете получать по четыре марки в год и носить одежду получше той, что на вас сейчас. Вы почти всегда будете сыты и иметь долю из того, что нам перепадет. Что скажете?

Им ничего не остается, как только кивнуть.

На том и порешили.

---

⁴⁴ Уильям Невилл (1410–1463) – барон Фоконберг по праву жены, 1-й граф Кент с 1561 г., лорд-адмирал Англии с 1462 г., дядя Ричарда, графа Уорика. Участник Войны Алой и Белой розы на стороне Йорков.

Глава 8

Три дня и три ночи каракка «Мэри» стоит близ берегов Кента, не в состоянии сдвинуться с места из-за сильного встречного ветра. К северу на скалах они различают две башни святилища Владычицы Небесной⁴⁵, но, сколько ни молятся, погода не меняется, и на третий день все уже с завистью наблюдают, как матрос, которого ранил Томас, наконец-то умирает.

– Ну вот, Томас, – говорит ему Уолтер, – еще одна зарубка на твоём топоре. Этого давай за борт и потом помогай остальным с парусами. Эй ты! Девица красная! Приберись здесь.

При словах «девица красная» Кэтрин на мгновение цепенеет. Потом отворачивается, пряча лицо в складках капюшона. Щеки у нее пылают, сердце громко стучит. Толстяк Джеффри трогает ее за плечо.

– Не обращай внимания, Кит, – тихо говорит он. – Язык у него злой, но в душе он добрый человек.

Кэтрин кивает, но боится встретиться взглядом с Джеффри, хоть и благодарна ему за сочувствие. Она оставляет его и принимается морской водой смывать с палубы кровь умершего, искоса поглядывая на сапоги Уолтера, который стоит неподалеку и наблюдает за тем, как она работает. Потом Кэтрин помогает Джеффри разносить кружки с дождевой водой больным, как это делал погибший юнга.

Наконец на четвертый день ветер меняет направление. Можно продолжать плавание. Матросы снова ставят грот, и каракка приходит в движение, разрезая носом бурные воды.

Насколько Кэтрин может судить, толстяк Джеффри – единственный, кто следит за тем, чтобы солдаты были накормлены, одеты и устроены на ночь. Другой, Уолтер, отвечает за военную подготовку и дисциплину. В этом старый сэр Джон полностью на них полагается. Его сын Ричард сосредоточен на собственных проблемах и все больше молчит. В отличие от Джеффри. Тот весьма общителен, речь у него быстрая и спокойная. От него Кэтрин многое узнает о сэре Джоне Фейкенгеме и его людях.

А история сэра Джона, насколько Кэтрин удастся уловить ее суть и после пересказать Томасу, такова: старик Фейкенгем воевал во Франции, сражался при осаде города, название которого Кэтрин забывает, едва Джеффри заканчивает свой рассказ. Там его войско выкосила болезнь, которую Джеффри называет дизентерией. От этой же болезни в конечном итоге скончался и король Генрих Пятый. Эта болезнь и решила исход той битвы.

Джеффри перечисляет баталии, в которых участвовал сэр Джон. Их названия Кэтрин ни о чем не говорят. Ей ясно одно: сэр Джон воевал и остался цел, хотя был на волосок от смерти. В одном из сражений его взяли в плен, и ему пришлось платить выкуп. В том сражении французы применили пушки, и кто-то важный – Кэтрин притворилась, будто ей знакомо имя этого человека, – был убит и до того изуродован древком боевого топора, пока он, запутавшись в стременах, лежал под своим конем, что герольд опознал своего господина лишь по характерной щели между зубами.

После обнищавший сэр Джон вернулся домой в Англию, где его ждало печальное известие: его замок близ Линкольна захватил один местный рыцарь – якобы на каких-то законных основаниях, которых на самом деле у него не было; просто он рассчитывал на поддержку герцога Сомерсета, если вдруг сэр Джон попытается вернуть себе свою собственность.

– Сэр Джон обратился за помощью к своему кузену – лорду Корнфорду. Надеялся, что тот замолвит за него словечко при дворе, ведь сэр Джон сумел устроить помолвку молодого

---

⁴⁵ Имеется в виду святилище Владычицы Небесной Звезды Морей (Shrine of Our Lady Star of the Sea) – старая часовня на скалах селения Брэдстоу (ныне город Бродстерс – Brodstairs), построенная в 1350-х гг. Две ее башни служили главным ориентиром для моряков. Корабли, проплывая мимо, отдавали честь святилищу – по традиции приспускали верхние паруса. Ныне это святилище находится на территории церкви Святой Троицы (Holy Trinity Church Brodstairs).

Ричарда с дочерью Корнфорда. Но Корнфорд мало чем мог ему помочь, пока герцог Сомерсет имел большое влияние при дворе. А потом его надежды и вовсе рассыпались в прах: Корнфорда убили на Ладфордском мосту. Закололи беднягу кинжалом в глаз. Причем уже после битвы. На том все и кончилось.

Поразительное совпадение.

– Кто его заколол? – спрашивает Кэтрин, хотя ответ ей известен.

– Тот же человек, который присвоил себе Мартон-Холл. Райвен. Сэр Джайлз Райвен. Правда, никто не ведает, когда он успел стать рыцарем. Если вы из Линкольна, то должны были о нем слышать.

Кэтрин кивает.

– Об этом Райвене дурная слава гремит по всему Линкольнширу, – продолжает Джефффри, – а теперь и за его пределами, ибо он не только захватил замок лорда Корнфорда в Корнфорде, но и сделал дочь Корнфорда своей воспитанницей.

– И что это значит?

Джефффри обескуражен тем, как мало ей известно.

– Только то, что он отменил запланированную свадьбу между молодым Ричардом и той девушкой!

Кэтрин такое объяснение мало о чем говорит.

– Старый сэр Джон потерял свой манор⁴⁶, а молодому Ричарду не достанется замок Корнфорд.

Джефффри сплевывает от отвращения.

– И вот теперь этот Джайлз Райвен, проклятье на его голову, – говорит Джефффри, – вместе со своей армией лучников сидит в замке, купается в роскоши, млея от мысли, что его сын унаследует все богатство Корнфорда и будет обеспечен до конца жизни. А мы, пятнадцать человек, лишены всего, даже собственных имен, болтаемся в Узком море и блюем, как свиньи. А ведь у меня там, дома, остались жена и дочь.

Кэтрин идет к Томасу. Он стоит у борта и, перегнувшись через ограждение, смотрит в сторону английского берега, невидимого за пеленой тумана. Плечи его укутаны куском парусины, глаза покраснели от недосыпа. Души тех, кого он убил, тяжким грузом лежат на его совести, догадывается она. Последние дни он не отходил от умирающего матроса – заламывая руки, молился за его жизнь.

– Сэр Джон знает Джайлза Райвена, – сообщает она.

– Откуда? – вздрагивает Томас.

Кэтрин объясняет. Он сбрасывает с плеч парусину и начинает вышагивать по палубе. Она наблюдает за ним. В сравнении с матросами и солдатами он выглядит осунувшимся и худым, аж кости видно. Чем скорее он вернется в монастырь, тем лучше. Там он будет счастливее, предполагает Кэтрин. Но при мысли о расставании с ним ее охватывает паника. Как ей потом быть?

Томас возвращается к ней. Вид у него еще более смятенный. Выражением глаз он чем-то напоминает ей Элис или, может быть, кого-то из других монахинь в их обители, долго предававшихся молитвам.

– Это Промысл Божий, – говорит он. – Другого объяснения нет.

Кэтрин молчит, чувствуя, как внутри у нее что-то опускается.

– Зачем бы Он наслал эти ветры, – вопрошает Томас, – если не для того, чтобы задержать нас, дабы мы встретили этих людей? Зачем бы Он уберег нас в схватке с... Кобэмом? Прав сэр Джон. Он уготовил для нас особое предназначение.

---

⁴⁶ Манор – феодальное поместье в средневековой Англии и Шотландии, основная хозяйственная единица экономики и форма организации частной юрисдикции в этих государствах.

Кэтрин не верит, что Бог отводит кому-то определенную роль. Если это так, то почему лишь отдельным людям, а не всем и каждому? Она не верит, что, по замыслу Господа, она должна была долгие годы терпеть издевательства приорессы. Не верит, что, по замыслу Господа, Элис должна была принять столь ужасную смерть. Поверить во все это – значит признать, что Бог жесток и мстителен.

– Это Господь пожелал, чтобы мы отправились в Кале, – говорит Томас.

Кэтрин встряхивает головой, чтобы избавиться от крамольных мыслей.

– Почему? – спрашивает она. – Почему именно в Кале?

Томас приходит в замешательство. Сердито смотрит на нее. Потом взгляд его смягчается.

– Оттуда мы сможем отправиться в Кентербери, – отвечает он. – Где найдем верховного приора и изложим ему свои обстоятельства.

– А-а. – Кэтрин не хочет думать о Кентербери.

– Тебя что-то беспокоит? – спрашивает Томас.

Теперь она растерялась. Ее смущают его вопрос, его взгляд. Он смотрит так, будто искренне переживает за нее и готов прийти на помощь. Для Кэтрин это внове.

– Да нет, ничего, – отвечает она.

Кэтрин отводит глаза, смотрит за борт, на волнующееся море у кромки сгущающегося вокруг них тумана. Она понимает, что откладывать больше нельзя. Нужно сказать Томасу, что от верховного приора она не ждет ничего, кроме петли. И чем скорее, тем лучше. Она должна объяснить ему, что не может следовать за ним в Кентербери, не может вернуться в монастырь. Кэтрин поднимает на Томаса глаза и только собирается сделать признание, как с носа парусника раздается крик кого-то из матросов. Томас отворачивается. Время для признания истекло.

Услышав крик, все, кто есть на корабле, настораживаются. Ричард Фейкенгем, появившись на палубе, находит Лиссона – нового капитана каракки.

– В чем дело? – осведомляется он.

– Корабль, – отвечает Лиссон, кивая в сторону французского берега.

Матросы и солдаты подбегают к борту, смотрят на неясный силуэт судна вдали. Похоже, что это тоже каракка, как и их парусник, только тот корабль идет быстрее, носом разрезая пенящиеся воды. Паруса его наполнены ветром.

Ричард Фейкенгем, когда волнуется, стискивает зубы, и сейчас даже под десятидневной щетиной на его лице видно, как на скулах ходят желваки.

– Откуда идет? – спрашивает он.

– Из Дюнкерка, может быть, – говорит Лиссон.

– Уверен?

– Идет от того берега.

– Но ведь это может быть кто угодно?

– Флаг пока не разглядеть, но это не торговое судно.

– Нет?

– Посмотрите на их касти⁴⁷, – объясняет он. – Это боевой корабль. Скорее всего, пираты.

Приближающийся парусник имеет высокие надстройки на носу и корме, дающие преимущество команде, когда дело доходит до боевых действий и нужно выпускать стрелы и бросать камни.

– Может, французское судно, или испанское, или бретонское. А может, из Сандвича. Застряло там из-за ветра. А может, это корабль английского флота.

– Тогда лучше быть начеку, – говорит Ричард, поворачиваясь к своим людям, которые собрались на палубе. – Уолтер? – окликает он.

---

⁴⁷ Касти (от англ. castle – «замок», «форт») – башнеподобные надстройки на носу и корме для лучников и арбалетчиков.

Уолтер уже гонит лучников за оружием в каюту, откуда они появляются в полном снаряжении. Громоздкие в стеганых кожаных куртках, они закрепляют на запястьях кожаные наручи, на пальцах – кожаные напальчники. У каждого на пояском ремне висит короткий меч, на его рукояти – маленький круглый щит. В последнюю очередь они расчехляют луки и в прорези роговых насадок на его концах вставляют тетивы.

– Шлемы на головы, парни, – командует Уолтер.

Все надевают шлемы – железные, плотно прилегающие к головам, с кожаными ремешками под подбородком.

Ричард стоит на носу корабля, а Джеффри закрепляет у него на спине пластинчатый доспех. У Джеффри, при всей его грузности, весьма ловкие пальцы, и он проворно завязывает скрытые ремешки. На палубу выходит старый сэр Джон.

– Ричард! – кричит он сыну. – Встань где-то в другом месте. Не делай из себя мишень.

Ричард, бледный, продолжает переключивать из руки в руку меч. Пластины его доспеха постукивают и скрипят. Не отвечая отцу, он пристально всматривается в приближающийся парусник.

– Уолтер, поднять флаг, – отдает распоряжение сэр Джон.

Уолтер оставляет свое место у бортового ограждения и идет к сундуку сэра Джона, из которого достает квадратный кусок ткани. Один из матросов берет полотнище и по выбеленкам⁴⁸ карабкается вверх на несколько ярдов.

– Выше, выше. Вон туда, – показывает Уолтер.

Матрос, поднявшись до указанного места, привязывает верхний угол к флагштоку и туго натягивает полотнище. Флаг – большая черная звезда на белом фоне – надувается ветром. Солдаты тихо ликуют.

– Видно, что за штандарт у них? – спрашивает сэр Джон матроса. Тот, стоя босыми ногами на веревочном ограждении, приставляет козырьком ладонь ко лбу и пытается рассмотреть флаг на чужом корабле, но мгновением позже качает головой.

– Ладно, бог с ним, со штандартом, – бормочет Уолтер. – Пушки там есть? Бомбарды?⁴⁹

При упоминании артиллерийских орудий матрос быстро спускается на палубу. Лучники притихли.

– Ничего не вижу, – говорит Ричард. – Туман. Черт! Дым, что ли? Смотрите! Точно! Они разожгли костер. Будут пускать в нас огненные стрелы.

Он поворачивается к Томасу и Кэтрин, стоящим без дела перед входом в каюту.

– Вы двое! Найдите ведра. Принесите на палубу воды.

Поскольку Кобэм и его люди выбросили за борт всю утварь, есть только одно ведро – с балингера.

– Я же говорил, что нужно взять с собой монаха. – В обычно спокойном голосе Джеффри появляются крикливые нотки. – Тогда было бы кому вести нас в молитве.

Томас уже готов взять на себя эту обязанность, но вовремя закрывает рот. Вдвоем с Кэтрин они на веревке опускают ведро в море, зачерпывают в него зеленую воду и поднимают. Лучники тем временем преклоняют колени и приглушенными голосами начинают напевно читать «Отче наш». Каждый осеняет крестом палубу перед собой и затем, наклонившись, целует это место.

– Ладно, всем встать, – приказывает Уолтер, когда молитва закончена. Лучники переглядываются между собой, теребят свою амуницию. Один нервно зеваает.

---

⁴⁸ Выбеленка – смолёный линь толщиной в мизинец, которым переплетены поперек ванты вместо ступеней на паруснике.

⁴⁹ Бомбарда – название первых артиллерийских орудий различных калибров и конструкций, имевших распространение в XIV–XV вв.

– Стрелы суньте за ремни, – командует Уолтер. – Каждая на счету, больше у нас нет. Выбирайте мишень и цельтесь в лица. В лица, ясно? В лица. Во все светлое. Вы не упражняться будете. Здесь все по-серьезному.

Они пока еще вне досягаемости стрел лучников с чужого корабля, но парусник быстро идет на сближение. Джеффри стоит рядом с Кэтрин. Он вооружен боевым молотом с обухом в виде клюва, похожим на полэкс Томаса, только с укороченным древком. Его оружие предназначено для использования одной рукой.

– Что на штандарте – видите? – спрашивает он.

Томас качает головой. Кэтрин вытягивает шею. В это мгновение под порывом ветра флаг расправляется – алое полотнище на фоне серого неба.

– Что-то изображено, – говорит Кэтрин.

Сэр Джон, хромя, подходит к ним и хватается руками за бортовое ограждение.

– Конечно, изображено! – рявкает он. – Что именно?

Кэтрин не успевает разглядеть. Корабли сближаются, зарываясь носами в зеленую воду. Флаги на ветру полощутся, сроятся, сворачиваются. Потом полотнище расправляется. На нем – какое-то существо. Кэтрин вспоминает медведя, виденного в Бостоне.

– Может, это медведь? – уточняет она. – Медведь, обхвативший что-то?

– Обрубок?

– Обрубок дерева? Пожалуй.

– Уверен?

Кэтрин кивает.

– Ха! – Сэр Джон хлопает ее по плечу, так что она чуть не падает на колени. А он, сложив ладони рупором, пытается докричаться до другого корабля:

– Уорик! Уорик!

Лучники шумно выдыхают от облегчения, бегут к борту и тоже начинают кричать. Вскоре с другого парусника несутся ответные крики. Слышно, как солдаты радостно вздыхают. Вскоре другая каракка подходит к ним. Люди на ней одеты почти так же, как солдаты сэра Джона, – в красные плащи и кожаные куртки. Они смотрят, как их капитан лезет на леер и вскидывает руку в знак приветствия.

– Куда направляетесь? – кричит он.

– В Кале! – кричит в ответ Ричард. – Мы из отряда сэра Джона Фейкенгема!

Несмотря на разделяющее парусники немалое расстояние, Кэтрин видит, что фамилия Фейкенгем капитану другой каракки ни о чем не говорит.

– Удачи! – кричит он. – Берегите себя!

Парус на их судне трепещет, когда встречный корабль проплывает мимо и, поймав попутный ветер, быстро исчезает за пеленой тумана в юго-западной стороне.

– Ладно, – начинает Уолтер, – поволновались и будет. Убираем все по местам.

– Господь даровал тебе зоркие глаза, Кит, – хвалит Кэтрин сэр Джон. Она заливается румянцем и спешит спрятать лицо, теребя дужку ведра. Старик ковыляет в свою каюту.

– Что с ним? – спрашивает она у Джеффри.

– Фистула, – отвечает Джеффри. – Слишком много времени проводил в седле под дождем, да еще в тяжелых доспехах, пока гонялся за французами.

Лучники уже снимают с луков тетивы, убирают в мешки мечи и щиты. Один Ричард по-прежнему охвачен беспокойством.

– Ему еще только предстоит познать вкус сражения, – тихо объясняет Джеффри. – И его это гложет сильнее остальных. – Он кивает на других солдат. Те шутливо поддразнивают друг друга: опасность миновала, и настроение у всех приподнятое.

– Дафидд, ты от страха чуть в штаны не наложил, когда думал, что в тебя ядра полетят.

– Вовсе нет, – возражает валлиец с присущим ему жутким акцентом. – Мы с Оуэном еще и не в таких переделках бывали, да, брат? Однажды нас обстреляли два пьяных моряка из Англии. Всяко бывало.

Дафидд и его брат Оуэн откуда-то из Уэльса. Возможно, отцы у них разные, ибо Дафидд телосложением плотный, брови у него темные, а черные волосы жесткие, как лошадиный хвост. Оуэн же широк в кости, волосы рыжеватые, а лицо всегда пустое. Дафидд не прочь поспорить, а Оуэн говорит мало, лишь издавая одобрительные возгласы, если ему что-то нравится. Он почти всегда улыбается, обычно сидит в молчании, держа на коленях свои большие ладони, и смотрит на брата. По словам Джеффри, Оуэн – дурачок, но, как ни странно, на окружающих он действует умиротворяюще.

– Сэр Джон сомневался, стоит ли брать его в отряд после Ладфорда, – сообщает Джеффри, – но Дафидд утверждает, что Оуэн с двухсот шагов попадает вмышь. Правда, это ему еще предстоит показать, но пока проблем он никому не создавал.

Дафидд и Оуэн часто играют в кости с Черным Джоном, прозванным так за цвет волос. Кроме него, в отряде еще пять Джонов. Рыжий Джон, веснушчатый, с огненными волосами, которые торчат во все стороны. Малютка Джон Уиллингем, самый малорослый в отряде до появления Кэтрин. Джон Брамpton родом из селения Брамpton, расположенного близ манора сэра Джона. Есть еще Джонсон, то есть сын Джона, из Линкольна, получивший свое имя в честь отца. Шестерку Джонов замыкает Другой Джон, тоже из Линкольна, тоже сын Джона. Наружностью он похож сразу и на Джона Брамптона, и на Джонсона, и потому, дабы как-то отличать его от тезок, этого Джона прозвали Другим.

Еще одного лучника зовут Томасом, но он Томасом и остается, а сам Томас получает прозвище Северянин, потому что в его речи сохраняется выговор жителей северных областей. В отряде также есть два Роберта и один Хью, тоже из Линкольна. Большинство по воскресеньям и в праздничные дни совершенствовали мастерство владения луком на стрельбищах⁵⁰ за церквями в родных селениях. Они все с детства вместе трудились на полях, и их объединяет дух товарищества.

Из других солдат вместе с Дафиддом и Оуэном иногда играет в кости Саймон Скеттл из Лондона, но его никто особо не жалует, и, хотя сам он говорлив, любая беседа при его появлении тут же прекращается.

Уолтер питает неприязнь к Хью – долговязому парню с толстыми губами. Глаза у того как у девчонки и всегда будто на мокром месте.

– Ты скорее монах, нежели лучник, – говорит ему Уолтер. – Точно в стрельбе упражнялся? Ну-ка, покажи еще раз свои пальцы.

Хью и выглядит, и чувствует себя лишним в отряде лучников, оттого и впрямь оказывается лишним, словно сбывается то, что он сам себе напроорочил. На протяжении всего плаванья он стоит один, хмуро глядя на туман, который постепенно рассеивается, открывая их взорам французский берег.

Кэтрин ощущает едкий смрад угольного дыма и человеческих испражнений, который постепенно усиливается. Лучники толпятся у борта, всматриваясь в берег, где над городом плывут клубы дыма, выползающего из труб на домах.

– Кале, – фыркает Уолтер. – Последний клочок Франции, который мы называем нашим.
– Похоже на дыру в заднице, – замечает Дафидд.

---

⁵⁰ Во времена Плантагенетов всем мужчинам предписывалось упражняться в стрельбе из лука. Эдуард III (1312–1377) ввел обязательные воскресные соревнования по стрельбе из лука, а его преемник, Ричард II (1367–1400), закрепил эту традицию статутом от 1389 г., что позволило Англии всегда иметь под рукой боеспособное войско. Подготовка одного лучника длилась десять – пятнадцать лет. Мальчиков начинали тренировать с семи лет. Ежедневные тренировки длились по несколько часов. В каждом селении имелось свое стрельбище.

– Можно и так сказать, – соглашается Уолтер, – только это наша дыра. Или, по крайней мере, графа Уорика.

Все смеются. Оставшиеся в живых матросы начинают убирать паруса, каракка замедляет ход. До них доносится шум морского прибора.

– Вон там форт Рисбан. – Уолтер кивает на крепость, возвышающуюся в конце длинной низкой отмели, которая окружает порт. Крепость представляет собой грязное сооружение с солевым налетом, загаженное птичьим пометом. Из нижних стен торчат три толстых черных дула. На парапетной стенке с бойницами стоят солдаты, за ними дымится костер, как будто дрова, что они жгут, сырые.

Лиссон отдает команду, которой ждали матросы. На подплывшее к ним небольшое весельное судно сбрасывают канат, и каракку буксируют по зеленым водам узкого пролива между фортом Рисбан с одной стороны и замком Кале – с другой.

За замками, в окружении стен из известняка, находится сам город – скопление церковных башен и остроконечных крыш. Вдоль пристани тянется широкая полоса лачуг и стоек с крючками, перед которыми женщины и дети потрошат рыбу и чинят сети. Мимо них мужчины торопливо толкают тележки, груженные баулами, тюками, ящиками и бочками.

«Мэри» на буксире входит в мутные воды оживленной гавани, и каракка заканчивает свое плавание у склизкой от водорослей деревянной пристани. Пока одни матросы швартуют судно, другие с грохотом бросают на берег сходни. Из каюты появляется сэр Джон Фейкенгем. Лицо у него серое, и выглядит он еще более нездоровым, нежели тогда, когда поднимался на борт судна, – буквально висит на толстой руке Джеффри.

– Давайте возблагодарим святого Николая за благополучное окончание нашего путешествия, – произносит он, но потом, заметив Томаса и Кэтрин, признает: – Хотя я знаю, что не все этому рады.

Саймон и Рыжий Джон тащат сундук сэра Джона. Следом за отцом из каюты выходит Ричард.

– А с этим что? – обращается он к Томасу и Кэтрин. В руках у него мешок продавца индulgенций, которым тот очень дорожил. Мешок теперь грязный, но он крепко завязан, так что его содержимое не пострадало. Кэтрин видит, что Томас хочет что-то сказать, и быстро его опережает.

– Это его, – говорит она, показывая на Томаса. Тот, глянув на нее, кивает и протягивает руку за мешком. Ричарду все равно, чья это кладь. Он бросает мешок Томасу, и тот закидывает его на спину.

Вместе они ступают на сходни. Кэтрин следует за Томасом, пытаясь представить, что лежит в мешке. Что это за сокровище такое, если продавцу индulgенций оно было дороже всех остальных его вещей?

Глава 9

Томас и Кэтрин сидят бок о бок на жернове. Она смотрит на свои башмаки. Под их кожаными подошвами хрустят мелкие камешки, которыми усеяна пристань.

– Ты когда-нибудь думала, что окажешься во Франции?

Томас топает по земле, будто желает убедиться, что ему это не снится. Здесь погиб его отец; сюда, на этот отдаленный клочок английской земли, англичане устремляются, чтобы прославиться и разбогатеть. Томас чувствует легкое возбуждение, словно эта земля сообщает ему что-то. Кэтрин менее взволнована.

– Я вообще не думала, что когда-нибудь покину стены монастыря.

Томас разговор не продолжает. Вдвоем они наблюдают, как Джефффри торгуется с возчиком, чтобы тот на своей повозке, запряженной волом, доставил их отряд в город, где они могли бы встать на постой.

– В городе жилья вы не найдете, – говорит возчик. – Все англичане, которые служат графу Уорику, сейчас здесь. И среди них покрывших себя позором изменников столько, что сил не хватит у каждого под носом кулаком потрясти.

Возчик – старый солдат с давнишним зарубцевавшимся розовым шрамом на носу. Его приятель, держащий за кольцо вола, пьян, стоит и глупо улыбается, пока лучники грузят на повозку свое снаряжение. Томас несет железный котел, который пачкает его ладони жирной копотью. У Кэтрин в руке деревянное ведро с деревянными ложками, тарелками, кружками и парой кожаных мехов. Братья-валлийцы вдвоем, словно мертвеца, тащат точильный камень и огромный рулон парусины. В повозку загружают шесты для палаток, копьё, еще одно ведро со сломанными стрелами, ворох грязных овечьих шкур не самой хорошей выделки, ящики, баулы, парусину, запасные луки, мешки со стрелами, несколько биллей с ржавыми лезвиями, три нагрудника с вмятинами, три шлема в виде шляп, связку кинжалов-ронделей⁵¹ и фальшион⁵², а также набор свинцовых молотов в дырявой бочке. Сверху лучники кладут свои мешки.

– Ладно, парни! – кричит Джефффри. – Двигаем.

Возчик стегает вола, и они все следуют за повозкой через пристань к Морским воротам Кале. Томас и Кэтрин шагают плечом к плечу позади остальных. Томас несет на спине тяжелый мешок продавца индulgенций. Они минуют подъемный мост и в толпе носильщиков торопливо проходят под зубьями портикуллиса⁵³ между двумя укрепленными башнями. Ворота охраняют караульные в стеганых кожаных желтовато-коричневых куртках. У каждого на груди крест святого Георгия, на голове – блестящий шлем с забралом, в руке – билль.

– Пентюхи. – Уолтер показывает на столпившихся у ворот солдат. – Их назначили в местный гарнизон. А сами после трудового дня даже тетивы натянуть не способны. Не то что мы.

– Уолтер, – предостерегает Джефффри.

– А что я такого сказал? – Уолтер разводит руками, всем своим видом выражая притворное простодушие. Святая невинность. – А если и смогут, все равно не вспомнят, за кого должны сражаться. – Он постепенно повышает голос, и рука одного коренастого солдата тянется за мечом. Еще двое хватаются за билли.

Появляется начальник караула.

– Так, спокойно! – рявкает он. – Спокойно. Пропустить.

Уолтер фыркает.

---

⁵¹ Рондель – кинжал с гардой и навершием в форме дисков, один из самых популярных кинжалов Средневековья.

⁵² Фальшион – европейское клинковое оружие с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой.

⁵³ Портикуллис – в средневековых крепостных сооружениях прочная решетка, опускавшаяся в проеме ворот, чтобы заблокировать вход.

– А ты, паршивый коротышка, еще раз рот откроешь, – говорит ему начальник стражи, – я сам тебя проткну.

Уолтер смеется. Повозка катит по узкой улице к рыночной площади, гроыхая на булыжниках. Отряд движется следом. Вокруг видны только склады шерсти – огромные каменные здания с глухими стенами, куда купцы свозят свой товар.

– И что это было? – спрашивает Томас у Джеффри. Тот обращает на него взгляд, в котором заметно одновременно раздражение и удивление.

– Вы двое как будто вчера на свет родились. Вообще, что ль, ничего не знаете?

Томас качает головой.

– Так ведь это их товарищи переметнулись во вражеский стан на Ладфордском мосту в прошлом году, – объясняет Джеффри. – Перешли на сторону королевы. Точнее, короля. Командиром у них был начальник здешнего гарнизона – некий Троллоп. Эндрю Троллоп, с севера. Считался добрым другом графа Уорика. А как до дела дошло, предал его.

– Так что случилось? – допытывается Томас. – Ты там был?

– И я, и Уолтер. На ту битву герцога Йоркского мы пришли в составе войска лорда Корнфорда. С нами были люди из Кале, командовал граф Уорик, и, хотя армия короля втрое превосходила нас по численности, мы занимали выгодную позицию – возвели укрепления, у нас были даже бомбарды и пушки. Армию короля серьезным противником никто не считал. Они ведь были северяне. Скорее у монахини свечку сопрут, нежели встретятся лицом к лицу с мужчиной. В общем, в ночь перед сражением мы помолились и легли спать в поле, где расположились лагерем. А утром, еще до того, как отслужили мессу, стало ясно, что все ушли. Как выяснилось, ночью солдаты из Кале переметнулись на сторону короля. И, поскольку теперь ему была известна наша диспозиция и людей у него стало вчетверо больше нашего, герцог Йоркский и граф Уорик утратили всякую надежду на победу и бежали – дабы не пролилась кровь простого народа, как они объяснили.

Возчики приводят их на рыночную площадь, где дома со щипцовыми крышами и застекленными окнами стоят как будто на удалении от булыжных мостовых. Над ними высятся башни церковью святой Марии и святого Николая, соседствующих со «Стейпл-Инн» – помпезным каменным зданием, в котором комендант Кале ведет свои дела. Даже здесь Томас чувствует запах гниющего мяса.

– Матерь божья! – тихо восклицает Кэтрин. – Еще один.

Прижав ладонь ко рту, она отворачивается от ужасного зрелища, но Томас, сам того не желая, смотрит во все глаза. На каменном кресте висят на грязных веревках четыре крапчатых куска человеческой плоти: рука, две ноги, облепленные жирными черными мухами, и часть туловища с оголенными ребрами, по которым прошелся топор палача.

– А где же его голова? – хмыкает Дафидд.

Покинув рыночную площадь, они идут по улице с трактирами, харчевнями, банями и ареной для петушиных боев.

– Эх, выпить бы сейчас. Душу б за это отдал, – бормочет Уолтер.

Из дверей постоялого двора за ними наблюдает женщина с непокрытой головой. Еще одна смотрит из верхнего окна, и взгляд у нее наглый, непристойный, отмечает Томас. Уолтер облизывает губы.

– Блудница, – говорит он, обращаясь к Кэтрин. Та притворяется, будто не видит женщин. – Смотри, Девица, чтоб сэр Джон не застал тебя с одной из них, а то лишишься месячного жалования.

– А девке за ее труды руку сломают, – добавляет Джеффри.

Кэтрин ближе придвигается к Томасу. Он осознает, что ему это нравится, но ее близость приводит его в смятение, туманит рассудок, он не знает, куда деть руки. Томас бросает на нее взгляд. Она смотрит в сторону, не на него. Они продолжают путь. Кэтрин следует в его тени.

Улочки между домами темные и зловонные, словно забитые сточные канавы. Кое-где груды самых разных отходов высятся аж до пояса. Лишь по самому центру остается узкий проход для передвижения людей и животных. На этих улицах находятся конюшни и свинарники, сырмятни и мастерские по выделке меха, и все вносят свою лепту в смрад и шум.

– Фу-у! – восклицает Джеффри, когда они идут мимо красильни, где в огромном чане кипит моча и собачье дерьмо. – Ну и вонь, а?

Хуже всего скотобойни, где мясники забивают животных и разделяют туши, оставляя все ненужное гнить на улицах. Здесь громоздится куча гниющих копыт.

У Булонских ворот тоже караул, но стража больше занята тем, что бросает камни в человека, свешенного в корзине со стены замка.

– Давай! – кричит один, швыряя через ров обломок кирпича.

– Срежь веревку, сонный тупица! – ревет другой. – И пойдем домой.

– Что он там делает? – удивляется Дафидд.

– Ты за него не беспокойся, – хохочет солдат.

Крепостной ров заполнен грязной водой, в которой плавает мусор, а крысы дерутся с морскими птицами за объедки. Под свисающей со стены корзиной с человеком болтается лодка с двумя солдатами, только непонятно, какая перед теми поставлена задача: утопить беднягу, когда он свалится в ров, или, напротив, вытащить его из воды.

За воротами раскинулся палаточный городок: сырые от дождя парусиновые укрытия в широком море светлой глины, которое простирается далеко-далеко, насколько хватает глаз. Дороги проложены на дамбах над дренажными канавами, в воде отражается пасмурное небо. Томасу это напоминает болота вокруг монастыря, и его охватывает тоска, сердце будто свинцом наливается.

– Добро пожаловать в приход святой Анны, – фыркает Уолтер. – По-нашему – Сканидж⁵⁴.

Безмолвно они следуют за повозкой по широкому проходу между палатками, среди которых встречаются настоящие шатры. Рядом на длинных пиках, воткнутых в землю, висят знамена. В самих шатрах можно разглядеть лежа из мохнатых овечьих шкур, на которых спят командиры. Из других палаток на них глядят – не приветливо, но и не враждебно – скучающие солдаты. Сесть негде.

Всюду толпятся женщины грубоватой наружности и мальчишки, разносящие кувшины с элем и водой, охапки хвороста и дров для костров, на которых готовят пищу. Мальчишки все – грязные заморыши, у некоторых отсутствует одно ухо. Потом им встречаются другие женщины, рассматривающие новоприбывших со скучающим видом. Уолтер машет им с наигранной шутливостью. Бормочет:

– Шлюхи.

Они идут и идут.

– Как же я все это ненавижу, – ворчит Джеффри. – Ищешь, ищешь хорошее местечко для своей палатки, а на тебя все косятся, как на чумного.

– И в результате «хорошее» местечко всегда находишь именно там, где весь лагерь уже месяц справляет нужду, – добавляет Уолтер.

Наконец они добираются до окраины лагеря. И конечно же, там вырыта неглубокая яма, из которой распространяется одуряющая – почти невыносимая – вонь человеческих испражнений. Всюду бродят куры, гуси, свиньи.

Откуда ни возьмись появляется священник на сером осле.

---

⁵⁴ Scunnage – район Кале под юрисдикцией членов городского совета. Scunnage – искаженное англичанами старофранцузское eschevinage, которое в свою очередь происходит от старофранцузского eschevin/eskevin, что значит «ольдермен» (член городского совета).

Заметив его, Томас холодеет. За время долгого плавания он почти забыл, что пребывает в статусе вероотступника, но теперь быстро вспоминает и, пригнув голову, спешит спрятаться с другой стороны повозки. Кэтрин уже там, и в ее широко открытых глазах застыла тревога. Священник проезжает мимо, а у нее еще долго трясутся руки.

Чем скорее они доберутся до верховного приора, заключает Томас, тем скорее наладится ее жизнь.

– Пожалуй, нам туда. – Джеффри велит возчикам съехать с дороги и по сырой утрамбованной земле катить туда, где устроили свои мастерские оружейники и изготовители стрел. Едкий дым их костров поглощает мерзкие запахи лагеря, но грохот молотков не стихает ни на мгновение.

– К стуку быстро привыкнете, – успокаивает их Уолтер, – тем более что после заката работать им не дозволено.

Они видят длинную вереницу навесов, под которыми держат лошадей, волов и ослов. Одетые в рванье мальчишки носят сено из сараев. Есть еще загоны для гусей и овец, а также хлева для свиней. Кто-то пытался проложить из ивовых ветвей гать на болотистой почве. Мальчишки складывают тонкие поленья для костров; женщины с толстыми руками пытаются стирать одежду в воде, которая никогда не бывает чистой. Время от времени мимо проезжает на лошади очередной караульный, возвращающийся из какого-либо замка на территории английского Кале. У лошадей ноги по колено заляпаны желтой грязью.

– Так себе местечко, – замечает второй Томас, спокойный парень возрастом примерно как Томас Эверингем. Он качает головой, и с краев его шлема летят брызги воды.

– Оно нам больше понравится, когда чего-нибудь поедем, – убеждает всех Джеффри. Остальные под наблюдением возчиков принимаются разгружать повозку. Джеффри показывает, как устанавливать каркас, натягивать парусину, завязывать узлы, чтобы палатка не крепилась. В качестве колышков они используют сломанные стрелы, которые вбивают в землю молотами, коими в пору проломить кому-нибудь череп.

Два Джона возвращаются с грудой сучьев и углем и разжигают костер с помощью трута (куска опаленной затвердевшей ткани), кремня (крепкого черного камня) и кресала (железа), создавая новый источник неудобства: палатка наполняется черным дымом.

Джеффри дает Томасу пять серебряных монет, мешок, четыре кувшина и посылает его вместе с Кэтрин купить хлеба и эля.

– Смотри не потрать деньги на красивые платья, Девушка! – кричит им вдогонку Уолтер.

По дороге Томас спрашивает Кэтрин, долго ли еще, по ее мнению, ей удастся скрывать свою женскую сущность.

– Не знаю, – отвечает она. – Но что еще мне остается? Буду притворяться сколько смогу. К тому же, если ты прав насчет того, что Господь уготовил нам особое предназначение... В общем, поживем-увидим.

Томаса так и подмывает напомнить ей, что Жанну д'Арк сожгли не за то, что она была ведьмой, а потому, что скрывала свою женскую сущность под мужским платьем, а это прямое нарушение предписаний Второзакония. Впрочем, известно ли ей, кто такая Жанна д'Арк? Томаса вдруг одолевают сомнения. Он вспоминает распятого на дереве близ Бостона и четвертованного с отсутствующей головой на рыночной площади в Кале. Вспоминает историю продавца индульгенций о воре, прибитом к столбу за ухо, и падшую женщину со сломанной рукой. Похоже, есть масса способов наказать человека, будь то мужчина или женщина.

– К тому же, – продолжает Кэтрин, – Уолтер обзывает меня Девушкой просто чтобы задеть за живое. Такой уж он человек.

Томас кивает. Наверное, она права.

– Он как пес, который когда-то был у моего отца, – говорит он. – Вечно кусал за ноги овец, из-за чего мы не одного ягненка потеряли. В конце концов брат его утопил, а мы все потом о нем сожалели.

Кэтрин бросает на него взгляд, но молчит, а Томас недоумевает, с чего вдруг он с ней разоткровенничался. Он никому не рассказывал о родном доме с тех пор, как покинул его. И вообще редко теперь о нем вспоминает. Он был рад, что ушел с фермы. Жизнь там была суровая, всегда холодно, обычно темно и, что ни день, баранина. Да и брат с женой, носившей их первенца, глаз с него не спускали, следили за каждым шагом. Он знал, что уход в монастырь – лучшее, что могло с ним случиться.

Они бродят, пока не находят женщин, готовых продать им эль и хлеб. К тому времени, когда возвращаются в палатку, над костром уже висит котел, в котором варятся бобы.

Джеффри тоже потратил деньги – на новую одежду. Он вручает Томасу и Кэтрин по льняной рубахе, по два капюшона (синий и красный), по две пары обтягивающих синих штанов, которые впору Томасу, но не Кэтрин, по дорожному плащу, как у остальных солдат, и по толстой стеганой куртке.

– От стрелы или клинка не защитит, – говорит он, пока Томас быстро переодевается. – Впрочем, от них почти ничто не спасет. По крайней мере, из того, что мы можем себе позволить.

Новой одежды Томас прежде никогда не носил. Куртка на нем топорщится, а на Кэтрин опускается до середины бедер, так что больше походит на долгополый кафтан, когда она туго затягивает ее. Джеффри вручает Томасу полэкс великана.

– Держи его где-нибудь в надежном месте, – советует он.

К костру подходит Ричард Фейкенгем.

– Какие новости? – любопытствует Джеффри.

– Граф Уорик отплыл в Ирландию, – сообщает он, зашвырнув шлем в палатку, на ворох овчины. – Поехал на встречу с его светлостью герцогом Йоркским. А это значит, что нам придется проторчать здесь какое-то время.

Джеффри испускает стон. Уолтер плюет в костер.

– Зато у нас теперь есть возможность подготовиться, – продолжает Ричард. Усевшись на ворох овечьих шкур, он отвязывает от сапог шпоры. – Парни неделю луки в руках не держали.

Уолтер кивает.

– Где сэр Джон? – спрашивает Джеффри. – В городе разместился?

– Да. Вместе со старым лордом Фоконбергом. Они вместе воевали во Франции, ну а теперь, что называется, нашли друг друга. Думаю, поужинает и заночует там.

– Похлебка готова?

После ужина Уолтер ведет отряд мимо палаток на стрельбище. Томас и Кэтрин плетутся в хвосте, на пару шагов позади остальных, как и подобает новичкам, которые еще не проявили себя.

– Итак, за дело, – говорит Уолтер.

Солдаты достают луки, вытряхивают на землю стрелы, проверяют натяжение тетив, разминают руки и плечи, готовясь упражняться в стрельбе.

– Когда-нибудь стрелял из лука? – спрашивает Уолтер у Томаса.

– Несколько лет не брал в руки лук, – отвечает тот. – С тех пор как...

Томас осекается. Он не стрелял из лука с тех пор, как принял монашество. А до того каждое воскресенье после мессы с другими селянами упражнялся на стрельбище за церковью, посылая в небо стрелу за стрелой. Он слыл способным лучником, и, когда Уолтер дает ему запасной лук, Томас, ощутив тяжесть оружия, словно переносится в детство.

– Возьми тетиву, – велит Уолтер. – Натягивай.

Томас вставляет тетиву в прорезь роговой насадки на одном конце лука, затем, чтобы согнуть его, этим же концом приставляет лук к своему башмаку и закрепляет тетиву на другом конце. Лук большой – толстый и длинный – из ореховой древесины, но старый, повывавший виды, хотя, возможно, никогда особенно хорошим и не был.

– Видал и лучшие времена, – кивает на лук Уолтер.

В дереве видны сколы и трещины от долгого использования, однако с вставленной тетивой лук оживает в руках Томаса, и ему не терпится выпустить из него стрелу.

Уолтер возвращается к остальным солдатам своего отряда. Томас наблюдает, как они надевают наручи и кожаные напальчники для защиты спусковых пальцев от повреждений. Видно, что для них это привычный ритуал, они ведут себя непринужденно, балагурят, подшучивают друг над другом. Томас без труда представляет их на деревенском стрельбище. Но потом, вместо того чтобы по очереди выпускать стрелы, как делали это дома, лучники располагаются по диагонали в три ряда ровно на таком расстоянии друг от друга, чтобы каждый не был стеснен в движениях при стрельбе. Стрелы воткнуты в землю перед ними, засунуты за пояса, у некоторых торчат из сумок на поясных ремнях. Все ждут команды Уолтера.

– Заряжай, – отдает приказ Уолтер, и они вставляют стрелы в тетивы.

– Натягивай.

Они оттягивают тетивы, поднимая луки вверх, к бледному небу.

– Бей!

Лучники выпускают стрелы, которые со свистом взмывают ввысь под треньканье тетив и исчезают из виду. Каждый после выстрела крикает и, покачиваясь, произвольно делает шаг или два вперед.

Потом все берут еще по одной стреле. Уолтер повторяет команду.

– Заряжай, натягивай, бей! – отрывисто произносит он, на этот раз быстрее. – Заряжай, натягивай, бей.

После того как лучники выпустили каждый по десять стрел, Уолтер дает им передышку.

– Ладно, – говорит он. – Теперь можете почесать языками. Томас, иди сюда.

Солдаты расступаются, пропуская Томаса.

– Я давно не стрелял, – предупреждает он, готовя их к худшему.

– Давай-давай, – ворчит Уолтер. Лучники добродушно подшучивают над Томасом, и он невольно улыбается.

Томас берет стрелу, вставляет ее в тетиву и кладет на полочку из костяшек пальцев левой руки, которой захватывает лук. Стрела боевая, с кинжальным наконечником. Томас начинает натягивать лук, но тот теперь кажется ужасно тугим. Томас знает, что должен телом так подстроиться под лук, чтобы нагрузку приняли не руки, а мышцы спины, однако после многих лет, проведенных в монастыре, где он занимался лишь тем, что иллюминировал псалтирь, мышцы его ослабели, и, хоть техника стрельбы ему и известна, силы он растерял. Томасу с трудом удается оттянуть тетиву до левого плеча. На лбу у него проступает испарина, руки начинают дрожать, тетива врезается в мягкие пальцы правой руки. Дольше удерживать лук в натяжении нет мочи. Он расслабляет пальцы, тетива тренькает, отправляя стрелу в полет. Та падает на землю на удалении ста шагов.

Уолтер хохочет.

– Надеюсь, у тебя, юная Девица, получится лучше, – говорит он.

Ричард, наблюдающий за упражнениями лучников, жестом дает понять, чтобы Кэтрин проверку не устраивали.

– Ладно, – произносит он, – позабавились и будет. Хватит дурака валять. Собирайте стрелы, и затем каждый выпускает весь боекомплект. Поряд, без перерыва.

Лучники ворчат, собирая стрелы, но по возвращении умолкают, увидев на стрельбище солдат из караульного отряда у ворот, которых утром оскорбил Уолтер. Те стоят веером, непри-

нужденно держа луки в руках. Ждут, наблюдают. Никто не произносит ни слова. Атмосфера накаляется.

– Ладно, парни, – тихо говорит Уолтер, делая вид, будто не замечает прибывших. – Посмотрим, нельзя ли преподать урок этому воинству, чтоб не вздумали в будущем перебежать на сторону врага. Помните, мы отстаиваем честь сэра Джона Фейкенгема. Стреляйте быстро, но метко. Чтоб мишеней за оперением не было видно. Ясно?

Лучники собирают стрелы в пучки и возвращаются на позицию.

– Томас Северянин, пока без тебя, – останавливает Томаса Уолтер. – Итак, начали. Заряжай! Натягивай! Бей!

Лучники стреляют. Быстро выпускают стрелы одну за другой. Каждый двадцать четыре раза натягивает и отпускает тетиву. Последним заканчивает Дафидд. Ливень из стрел длился недолго, но их было выпущено почти четыреста штук. Нетрудно представить, какую сумятицу это могло бы внести в ряды врага.

После стрельбы все лучники покраснелись, тяжело отдуваются, от их тел в холодный воздух поднимается пар. Выглядят они вполне довольными собой, однако у Уолтера глаза закрыты. Начальник караульной стражи начинает медленно хлопать в ладоши. Его люди тихо переговариваются, потом начинают смеяться.

Уолтер поворачивается к нему.

– Думаешь, твои парни стреляют лучше? – спрашивает он.

– Уверен, – отвечает начальник караульной стражи. – Поспорим? – У него усталые глаза, морщинки в уголках рта, шея обвязана шарфом. – На бочонок эля? – предлагает он.

Уолтеру деваться некуда. Они пожимают друг другу руки. Лучники из отряда Джона Фейкенгема отходят в сторону, и солдаты караула занимают их места на позиции. Томас невольно отмечает, что эти люди, даром что на них нет нарамников и стеганых курток, больше похожи на воинов, нежели лучники Фейкенгема. Они старше годами, с сединой в волосах, привыкли держать в руках оружие. Раскованны в движениях, уверены в себе.

Вокруг собираются зрители: другие лучники, алебардчики, женщины, мальчишки и восседающий на лошади смуглый мужчина в шерстяном дорожном плаще, за спиной которого пристроился вещевой обоз.

– Готовьсь, – командует начальник караула гнусавым голосом, растягивая слово. – Цель с левой стороны. По одной стреле. Заряжай. Натягивай. Бей!

Солдаты выполняют команды. Движения их более размеренны и плавны, чем у лучников Фейкенгема. И стреляют они быстрее. Кажется, что каждый выпускает третью стрелу еще до того, как первая достигла цели. Томас до ста досчитать не успевает, а они уже отстрелялись. Все разом опускают луки.

– Черт бы меня побрал, – бормочет один из Джонов.

Все остальные молчат. Оба отряда идут к мишеням: один по одной стороне стрельбища, второй – по другой. Стрелы караульных все как одна вогнаны в землю по самые древки у левой мишени, стоят ровным лесом. Стрелы отряда Фейкенгема – отличимые по зеленой оплетке, закрепляющей оперение, – рассеяны по земле: какие-то упали ближе цели, какие-то дальше, одни отклонились влево, другие – вправо.

– Ха! – восклицает начальник караульного отряда, радостно хлопнув в ладоши. – Бочонок эля доставьте в гарнизон, будьте любезны.

Лучники Фейкенгема подбирают свои стрелы и в молчании плетутся к палаткам; позор волочится за ними, словно шлейф.

– Благо, они на нашей стороне, – бормочет один из солдат.

– Это пока! – рявкает Уолтер.

Добравшись до палатки, они убирают луки и сидят, прикусив языки, не смея посмотреть друг другу в глаза.

– Так что будем делать? – спрашивает Ричард.

– Туда возвращаться нельзя, – бурчит Уолтер.

– Что – выбросим наши луки? Возьмемся за билли? – Это подал голос Саймон Лондонец.

– Черта с два! – восклицает Дафидд. – В билльмены я не пойду. Хотя бы потому, что им меньше платят.

– Нам так и так придется продать наши луки, – говорит еще кто-то, – чтобы заплатить за тот чертов бочонок эля.

– Пусть платит Уолтер. Он ведь заключал пари. – Это снова Саймон. Все взгляды обращаются на него.

– Уолтер поручился за нас, – напоминает Рыжий Джон. – А мы его подвели. Значит, обязаны ему помочь. Это самое меньшее, что мы можем сделать.

Уолтер благодарит его кивком. Двое лучников достают из кошельков мелкие монеты и отдают их Уолтеру.

– Все дело в том, что мы не очень хорошо стреляем, – произносит Ричард.

– Неправда, – возражает Саймон. – Мы стреляем не хуже северян и гораздо лучше, чем любой из шотландцев или проклятых французов.

– Только мы, когда вернемся назад, будем драться не с французами, – говорит Рыжий Джон. – Мы будем воевать... сами знаете против кого.

У него язык не поворачивается сказать, что они будут сражаться против англичан.

Все умолкают. Ричард встает.

– Господи помилуй, – возмущается он, – с таким настроением вам и впрямь лучше податься в билльмены. Я не хочу идти в бой с мазилами. В моем отряде должны быть лучшие из лучших.

Все поднимают на него глаза. Как он поступит? Бросит их и присоединится к гарнизону Кале?

– Дело в том, – снова начинает Ричард, на этот раз более спокойным тоном, собравшись с мыслями, – что они стреляют быстро и точно. А скорость и меткость обретаются не на поле боя, а путем регулярных тренировок.

– А тренироваться может любой дурак, – вставляет Джеффри.

– Даже вы, парни, – добавляет Уолтер.

Лучники молчат, представляя, как над ними будут глумиться, когда в следующий раз они появятся на стрельбище.

– Нам лучше уйти отсюда, – продолжает Ричард. – Переберемся в такое место, где можно тренироваться часами, не опасаясь, что солдаты из гарнизона каждые несколько минут будут мозолить нам глаза и демонстрировать свое умение.

– Опять поплывем куда-то? – уточняет Хью.

– Нет, – отвечает Ричард. – Я попробую договориться, чтобы нас взяли в гарнизон форта Сангатт. Вон там, на возвышении. – Он показывает на запад, в сторону моря. – Здесь все равно ничего происходить не будет. По крайней мере, до возвращения графа. Нас никто не хватится.

Глава 10

На следующее утро под взорами тех же самых людей, на глазах которых солдаты сэра Фейкенгема ставили свой лагерь, они разбирают палатки. Уолтер уходит искать возчиков с волом, чтобы сначала доставить бочонок эля в гарнизон караульных у Морских ворот, а затем перевезти вещи в Сангатт. Джеффри, взяв с собой Томаса и Кэтрин, идет покупать припасы, в том числе стрелы у местного оружейника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.